

05 (671) май, 2013

Зачем нам граница

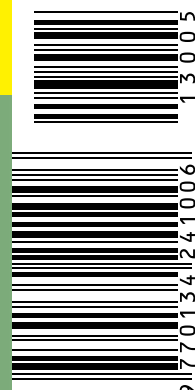
УРАЛ
ТУРИСТИЧЕСКИЙ?

МИНИСТР ИСПОВЕДАНИЯ
ИЗ КЫШТЫМА

НЕ БЫТЬ ПЬЯНЫМ

ОБРАЗЕЦ АМЕТИСТА
предоставлен Уральским Центром камня

9 770134 241006 13005

Май 2013

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.
Литературный консультант – В. Абоян.
Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.
Набор – В.М. Кадочникова.
Корректор – Л.В. Юсупова.
Интернет – Е. Марков.
Фото на 1-й стр. обложки – П. Ушаков.
Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»
Редакционный совет –
 Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.
Наблюдательный совет –
 • Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО
 • Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
 • Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
 • Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
 • Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
 • Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
 • Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
 © ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».
Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Почтовый адрес редакции, издателя:
 620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Телефон: +7(343)295-61-27
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №5 (671), 2013.
 Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.
 Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
 Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 шт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.
 Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.
 Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.
Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:
 – Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
 – Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
 – Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
 – Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Встречный ветер

Публицистика

**Большое будущее
Большого
Урала 3**

Версия

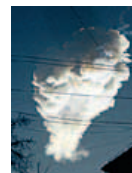
**Е.АРТЮХ
Зачем нам
граница? 8**

**Экспедиция
П.УШАКОВ
От знака
к знаку 10**

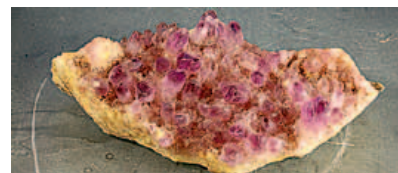
По следам публикаций

**С.ЗАХАРОВ
Взрыв над
Чебаркулем 19**

Камни Урала

**В.ИЩЕНКО
Драгоценный и магический 20**

Река времени

**Тропой поиска
А.СЛЕПУХИН,
Н.БЕРДЮГИНА
Эмиль Марианович
Сенкевич.
Последние годы .. 14**

**В мире
прекрасного
Ф.МОРОЗОВ
Глоток войны 24**

Павленковский ресурс

**Л.АЛЕКСАНДРОВА
Доброволец
Павлин
Кожин 29**

Тропой поиска

**Е.СТУДЕННИКОВ
Партизан из рода
Злоказовых 32**

**Литературное
краеведение
Г.ЯРОВЕНКО
Непростой
камешек 35**

**Верхотурские
были-небыли
Ю.ГОРБУНОВ
Сон Павды 38**

Портреты

**О.РУДАКОВА
Антон Карташев:
под псевдонимом
«Уральский» 42**

Далекое-близкое

**Л.ЭГЛИТ
Актерская
школа — жертва
«малокартинья». 44**

Журнал в журнале

Аэлита

Большое будущее Большого Урала

«Уральский следопыт» завершает выставочный сезон. С начала года мы приняли участие в 4 выставках, связанных с туризмом в Москве. Кроме того, прошли региональные выставки: две в Екатеринбурге, в Перми, Тюмени, Челябинске, Уфе. Везде «Уральский следопыт» позиционировался как журнал, объединяющий культурное и туристическое пространство субъектов, географически расположенных на Урале.

В этом году в Свердловской области был открыт офис Центра развития туризма Свердловской области. Одной из основных своих задач Центр выдвинул объединение под одним брендом соседних территорий. Директор Центра развития туризма Свердловской области Эльмира Туканова представляет бренд Большой Урал.

— Эльмира, скажите, пожалуйста, разве нам не хватает такого известного бренда Екатеринбурга, как место казни последнего российского царя, для привлечения туристического потока?

— Этот бренд, на мой взгляд, может работать, но как разовый и индивидуальный проект. Например, 400-летие дома Романовых — событие: съехались гости высокого уровня, туристы из многих стран и регионов, прошли интересные и значимые с точки зрения патриотизма мероприятия, но! Впоследствии ради того, чтобы познакомиться с историей семьи последнего российского императора, поедут узкие специалисты, историки, студенты, школьники — ограниченный круг туристов. Это не массовый туризм. Массовый туризм — это когда событие становится «точкой притяжения» различных целевых аудиторий, и поток туристов после этого формируется регулярно, как, например, туры выходного дня. Но так, чтобы постоянно ездили на Романовых и обеспечивался постоянный регулярный туристический

поток, — нет. Это индивидуальный туризм. Невозможно собирать целые поезда на экскурсию по истории семьи Романовых.

Возьмем сегмент массового туризма, например у соседей — горячие источники в Тюмени. Мы понимаем, что поток туристов там — определенная категория людей: пенсионеры, люди, у которых много болячек, люди, которые просто хотят побывать на горячих источниках, провести свое маленькое событие. И операторы, находящиеся в Тюмени и Екатеринбурге, регулярно этот поток обрабатывают. Пусть он будет раз в неделю или раз в месяц, но он будет регулярным. Поток в Тюмень на горячие источники формируется оператором как тур выходного дня. К сожалению, таких «точек притяжения» и постоянных потоков в регионе немного...

— Чем еще можно заинтересовать туристов для посещения нашего региона?

— Наше перспективное направление — минералогический туризм. В нем очень много проблем и сложностей в работе с туристами. Но интерес со стороны зарубежных и российских туристов присутствует. Например, в Москве на выставке «Интурмаркет-2013» иностранцы не отходили от витрины с уральскими минералами — им это интересно, многие из них даже не предполагали о богатстве Уральских гор и возможностях ак-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

тивного, экологического и экстремального туризма. Минералогический туризм в перспективе — это та самая «точка притяжения», ради чего поедут в горы и параллельно поучаствуют в других видах туризма.

Как показала практика, и для самостоятельно путешествующих, и для путешествующих через туроператоров — всем нужен интерактив. Они должны себя чувствовать составляющей частью той культуры, той территории, в которую они погружаются. Почему сейчас идет мощное развитие во всех российских регионах гастрономического, этнографического и сельского туризма? Это не просто дань моде: вот туроператоры решили, что эта тема интересная, давайте будем развивать. Но невозможно развивать, если нет интереса. Мы видим, что человек, выкладывая в социальные сети

◀ Чусовские городки. Начало пути Ермака.

◀ Челябинская область. АРКАИМ.

свои фотографии, прежде всего показывает какое-то уникальное, неординарное действие. Турист не просто наблюдатель на экскурсии, он должен участвовать в процессе лепки, изготовления сувенира, в процессе приготовления какого-то блюда. Туристы получают эмоции не только визуальные, а через какое-то действие, участие в процессе.

Поэтому одно из перспективных направлений на Урале — это гастрономический туризм, который нужно тоже развивать. Вот говорят: «Уральские пельмени» — не сибирские, а именно Уральские. Может это связано с командой КВН? Какие-то блюда, которые аутентичны данной территории, путешественник желает попробовать. В Башкирию едут попробовать кумыс, конину. В Татарию едут попробовать чак-чак, например. Когда мы вспоминаем о путешествии в Турцию, Грецию, Германию, Чехию, мы вспоминаем их национальные блюда. Еда — важная составляющая воспоминаний и впечатлений туриста.

— *Вопрос по спортивному и активному туризму. Мы видим, что происходит сейчас на реках Серге, Чусовой, в природных парках «Оленьи ручьи», «Бажовские места». Народ нога-*

◀ Минералогический туризм. Малышевское месторождение. Туристы на отвалах.

ми голосует — ходит, сплавляется, копает...

— Здесь хочу отметить активность организаторов активного, экологического и экстремального туризма. Мы понимаем прекрасно, что работа с населением в части загрузки объектов активного отдыха, таких как горнолыжные курорты и природные парки, — это прежде всего организация крупных событий в этих местах, чтобы привлечь к ним внимание.

— *Теперь вопрос от частного нашего региона к общему: как родилась идея и необходимость объединения соседних территорий — идея Большого Урала?*

— Эта идея пришла давно. Конкретно для меня все время было большим вопросом: когда я на стенде где-нибудь в Берлине занимаюсь продвижением территории, а у меня написано на рабочем месте, например, «Тюменская область», и, пока я не объясню, что это находится где-то за Уралом, в Западной Сибири, что с Тюмени начинается Сибирь, ни у туриста, ни у специалиста турбизнеса даже из России, за редким исключением, нет понимания, где находится данная территория, как до нее добраться. Мы должны идти к глобальному. Люди мыслят узнаваемыми брендами, картинками, если они получают их из интернета или печатного какого-то СМИ, телевидения — то это должны быть яркие образы.

Та же самая ситуация складывается на российских выставках. Стоит много различных регионов. Мы знаем бренд «Краснодарский край», потому что его невозможно не узнать, «Золотое кольцо», а все остальное для меня, например, где находится Псковская область, где находится Чувашия — непонятно, нужно очень напрячься туристу, чтобы понять саму логистику перемещений по России. Т.е. должна быть логика в продвижении. Наша проблема в продвижении в том, что мы не узнаваемы. А чтобы стать узнаваемыми, надо понять, что знают о нас потенциальные туристы? Они знают, что мы находимся на Урале. Но на Урале, кроме нас, находятся еще 7 регионов России. И мы решили посмотреть, как отреагирует профессиональная аудитория на наш послы, что мы хотим продвигать бренд все вместе. Когда мы проводили презентацию в Германии, стоило сказать, что мы находимся рядом с Челябинском, где упал метеорит, нас сразу узнали. А на «Интурмаркете» мы рассказали, что Урал — это центр активного отдыха, с горнолыжными склонами, экологическим и экстремальным туризмом, у нас есть условия для молодежного отдыха активного, для коротких вы-

◀ Гордость Башкортостана — кони.

воспользоваться услугами и жить здесь в отелях будет не дороже, чем если из той же европейской страны перелететь в другую европейскую страну.

— *Въездной туризм у нас существует преимущественно как элемент делового туризма?*

— Когда иностранцы приезжают в Нижний Тагил на Уралвагонзавод, они знают, зачем приехали, и мы их здесь развлекаем, а просто так на Урал въездной туризм не существует. Тогда для кого у нас бренд Большой Урал?

Бренд Большой Урал создается, прежде всего, для обмена туристическими потоками внутри Урала. Мы должны, прежде всего, договориться между собой.

Есть одиночные, стихийные, неконтролируемые группы туристов, приехавшие из Пермского края, из Тюмени, из ХМАО, проехавшие транзитом на юг — они же тоже туристы. Мы знаем, что график событийных мероприятий разных регионов пересекается, график деловых мероприятий тоже неудобный. Например, проводим мы форум Большой Урал, а через два дня нас приглашают куда-нибудь в Башкортостан или Челябинскую область на другое мероприятие. Чтобы этот график был выстроен логично (ведь специалистов тур-отрасли мало, которые занимаются внутренним и въездным туризмом), предлагаем участникам этого бренда сесть и составить план-график продвижения. И в рамках крупных деловых мероприятий в сфере туризма не надо одни и те же вопросы обсуждать в разных регионах, а надо

▼ Минералогический туризм. Кракоитовый шурф.

ездов на выходные, минералогический туризм.

— *Надо ли понимать, что бренд Большой Урал призван работать на въездной туризм, на приезд из-за границы?*

— Нет, мы понимаем прекрасно, что въездного большого потока у нас не будет. Не будет, пока не созданы условия для того, чтобы его развивать. Для того чтобы развивать въездной туризм, должны быть адекватные цены на перевозку туристов, проживание, сервис.

Мы вынуждены согласиться с теми ценами, которые рынок сегодня предлагает. Массовый въездной туристический поток может быть обеспечен только тогда, когда у нас с вами будет понимание, что из европейской страны прилететь к нам, побыть здесь 3–4 дня,

◀ Событийный туризм. Майский экстрим.

Соглашения по продвижению создаем информационные поводы не только у себя на местах и принимаем участников, отправляем с почестями в следующий регион. То есть все должно быть четко распланировано, прописан функционал каждого участника бренда. Иначе будет разделение целевых аудиторий, распыление усилий на создание информационного поля на мелкие части...

— Т.о. Вы готовы активно продвигать соседние регионы?

— Цель нашего объединения — это продвижение. Мы, как некая рабочая группа — руководители туристско-информационных центров, объединяемся в некую Ассоциацию, — в которой мы обсуждаем общую стратегию, исходя из того, что в регионах на местах уже определено, какое ключевое собы-

▲ Пермский край. Место заточения Михаила Романова.

понимать, что если тема региона в минералогическом туризме, эту тему мы обсуждаем там на месте.

Мы начнем с того, что «разведем» основные мероприятия и наши основные конкурентные преимущества — например, у челябинцев — озера, в Свердловской области — минералогический туризм, в Башкортостане — оздоровительный... Совместно выстроив межрегиональные маршруты, начнем по ним работать: не просто в теории рассказывать, что есть железнодорожные перевозки, а загружать их совместными усилиями. Если у нас идет сплав по рекам «Путь Ермака», то мы понимаем, что не конкретный регион, организовавший этот сплав, один бьется, чтобы продвинуть данное мероприятие. Мы все в рамках

тие будет проходить, на что необходимо направить дополнительную информационную поддержку. Мы можем помочь в организации потоков туристов и посетителей этого мероприятия. В рамках бренда организовать туроператоров, которые, побывав на этом мероприятии и получив услуги, скажут: «Да, мы будем возить сюда туристов», встретятся с операторами соседних регионов, договорятся. Т.е. мы, по сути, создаем условия для бизнеса через продвижение для их развития.

— Т.е. бренд Большой Урал создан в основном для бизнеса?

— Конечно, это для бизнеса! Для операторов, мастеров-сувенирщиков, для развития этих событий, которые проводятся на местах. Сегодня внутренний и въездной туризм — это

▶ Башкортостан. Конный туризм.

предприятия малого и среднего бизнеса, на которых держится туризм.

— Уже подписано соглашение между Центром развития туризма Свердловской области и Ханты-Мансийским автономным округом. Как скоро будет достигнуто то, что ожидается?

Было очень страшно выходить с этим предложением. Все кулуарные беседы — да, согласны, да, Большой Урал, наконец-то будет объединение и что-то у нас получится. Но мы ведь понимаем, что мы — Урал, Башкирия понимает, что она Урал, Челябинская область. А вот например, соседняя Тюменская область (а всего три региона Западной Сибири — ЯНАО, ХМАО и Тюменская) понимает, что, исходя из логистики передвижения туристов по Транссибу, международный аэропорт «Кольцово», через которые проходят северные туристы, говорят, что да, тут нам все понятно, мы входим в УрФО, но ведь мы все-таки Сибирь. Специалисты думают, как быть, как включиться в этот бренд. Ведь у нас есть совместные маршруты, у нас много общего с Западной Сибирью. Географически их не назовешь Уралом, но нас активно поддержали ХМАО, ЯНАО, Тюменская область, хотя пока, похоже, ограничатся подписанием со-

глашения с Центром развития туризма Свердловской области в части информационного сопровождения мероприятий, поддержки и организации событийных мероприятий, а с Большим Уралом пока подумают. Я уверена, что решение впоследствии будет принято в пользу бренда.

К нему решила примкнуть Оренбургская область. Кроме того, интерес стали проявлять соседние государства, в частности, Казахстан.

Следующий этап — мы должны внести в нашу работу по созданию бренда конструктив. Следующий этап состоится 30 апреля — мы организуем видеоконференцию, где будут принимать участие представители органов власти регионов и туристско-информационные центры, которые хотят вступить в туристический бренд Большой Урал. Здесь мы обсудим конкретные механизмы продвижения, план В2 В и В2 С мероприятий, примем окончательный проект резолюции весеннего форума. А на осеннем форуме мы готовы подписать Соглашение о совместном продвижении. **УС**

▶ Минералогический туризм. Малышевское месторождение. Туристы с образцами.

▶ Мемориальный музей. Пермь.

Зачем нам граница?

Идея родилась здесь у нас, на Урале, в городе Екатеринбурге, совместно с дружественной Свердловскому отделению Русского географического общества Уральским обществом любителей естествознания — продолжателем того УОЛЕ, которое существовало до революции и было очень известным. В него входили известные жители Екатеринбурга, исследователи. Многие из них еще до революции были одновременно действительными членами УОЛЕ и Русского географического общества. И сегодня несколько членов Уральского общества любителей естествознания являются членами Русского географического общества и входят в наше региональное отделение.

У них возникла идея провести исследование границы между Европой и Азией. Существует протокол заседания УОЛЕ, в котором принимал участие прежний председатель Свердловского отделения РГО Владимир Григорьевич Капустин, кандидат географических наук Уральского педагогического Университета. Ко мне, как к члену Ученого совета Свердловского областного отделения Русского географического общества, обратился Геннадий Владимирович Порозов. Он предложил провести замеры.

Здесь необходимо привести несколько уточнений: сегодня никто не оспаривает, что граница проходит в наших краях. Речь не идет о переносе границы, например, чтобы границу оторвать от Первоуральска и перенести в Екатеринбург, как восприняли некоторые горячие головы. Речь не идет о каком-то маркетинговом шаге, о политическом — тем более. Мы выступаем против та-

кого подхода, потому что на фоне нашего проекта появилась другая идея — переноса границы с точки зрения придания большего статуса Екатеринбургу. Перенесем и объявим, что она идет по центру Исети. Например, заместитель администрации губернатора Свердловской области Вадим Дубичев предлагает назвать её «сувенирной границей». Мы привлечем тогда больше туристов, считает он, и ЭКСПО-2020 нам поможет. Я в этом вопросе предлагаю отделить вопросы маркетинга, пиара, политики и сувениров. Все это вынести за скобки и речь вести о географической границе. Потому, что география — это наука, и общепризнанной точкой зрения является, что граница проходит по восточному склону Уральских гор, начиная от Карского моря от пролива Югорский шар по восточному склону, проходит через Казахстан, доходит до Каспия и уходит дальше. Это общепринятая всем мировым науч-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Евгений Артюх

Член Ученого совета Свердловского областного отделения Русского географического общества.

ным сообществом позиция. И она сформировалась не сразу. Известно, что древние греки считали, будто граница между Европой и Азией проходила через Керчинский пролив, по Средиземному морю. Затем в представлении людей граница двигалась на Восток. Ломоносов предлагал, например, границу установить по Волге, по Дону и Печоре. История с границей определилась в 18 веке, когда в 1730 году шведский ученый Филипп Иоганн фон Страленберг, а затем Василий Никитич Татищев предложили установить границу по водоразделу. Воды, бегущие на восток и попадающие в Северный Ледовитый океан, — в Азии, а воды, бегущие на запад и попадающие в Атлантику, — уже в Европе. Это общепринятая научная точка зрения на сегодняшний момент.

Встает вопрос, а какой смысл проводить замеры, вроде все уже давно определено? Идея представителей УОЛЕ и РГО состоит в том, что сегодня появились современные средства навигации, такие, как gps-навигаторы. Существующие приборы делают трехмерные замеры. Мы решили с этими приборами пройти по территории и выявить высоты, которые являются водоразделом. В зависимости расположения от таких высот можно определить, как формируются потоки воды. Такой подход был взят за основу, сформировано 16 групп по 10 человек. Сей-

час эти группы работают по очереди. Часть групп работает в районе Первоуральска, в районе Ревды, они прочесывают местность. За основу берется существующая карта и таким образом производится детализация границы. Т.е. границу можно проложить более точно, до метров.

У любопытных людей и оппонентов возникают вопросы: а зачем вы это делаете в принципе? Отвечать на этот вопрос очень сложно, так же как и на вопрос, а зачем люди когда-то шли на Северный полюс, зачем люди идут в лес, в похо-

ды? Этот вопрос зачем — краеведческого интереса, человеческого интереса — это исследовательский зуд.

Зачем вы это делаете? Ведь известно, что весь Земной шар сфотографирован из космоса. В 2002 году проведена такая съемка со спутника, и она находится в открытом доступе в интернете. Если искать высоты, по которым можно провести водораздел, то мы найдем их в интернете уже сегодня. Но существует одна оговорка: фотографии со спутника дают погрешность на «зелень». Зеленые растения, лес, кусты дают погрешность по высотам. У нас человек будет идти непосредственно по земле. Люди проходят по маршруту, точки заносятся в компьютер. По нашим расчетам, исследовательские группы до начала октября должны сделать не меньше 140 тысяч замеров. Мы получим компьютерную модель. Технически это возможно, кроме того, есть идея изготовить трехмерную модель местности Ревда Пре-

воуральск Екатеринбург, которую можно было бы транспортировать и поместить в некоторую емкость. Механизм будет плавно поднимать модель из воды, и мы будем наблюдать этот водораздел. Очень познавательно и интересно, по восприятию это будет похоже, как наглядно маятник Фуко в Исаакиевском соборе демонстрировал вращение Земли.

Проект по уточнению границы между Европой и Азией был реализован в рамках других региональных отделений. Два года назад, например, отделение Русского географического общества в Оренбурге получило грант на исследование границы по другому методу. Они исследовали границу на территории Оренбургской области, Казахстана в Мугоджарах, изучали, детализировали, уточняли границу. Ведь то, что мы это делаем, — это здорово, это краеведение — изучение своего края, это возбуждение интереса к географии. **УС**

От знака – к знаку

Три дня льет проливной дождь, но запланированную поездку к очередному знаку, который находится в 10 км от пос. Кытлым, по дороге в Верхнюю Косьву и Усть — Тылай, мы с бессменным штурманом отменять не стали.

▼ Каменная река.

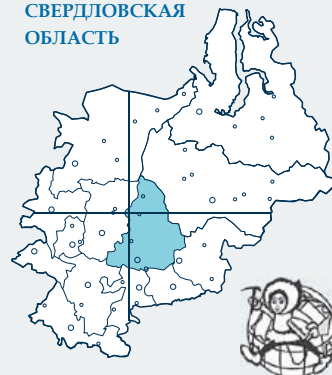
Знак Кытлым

Екатеринбург — Павда, 350 км домчались быстро. Дальше до Кытлыма 40 км лесных дорог. По словам местных аборигенов, первые 15 км проходят по болоту и из-за дождей стоят лужи и до полутора метров глубиной, находим объезд. После перевала дорога превращается в речку, и последние 10 км мы становимся почти «водоплавающими»!

До Кытлыма остается не более 1 км и тут засада — размытая Ураловская колея. Половину преодолеваем по лесу, пропилив дорогу, дальше вторая пониженная, и на самом выезде из колеи под автомобилем раздается страшный треск. Заглядываю под машину, все на месте, значит, или раздатка, или редуктор. Кытлым уже виден, значит, за трактором бежать недалеко. Пару речек в брод, и мы в городе. Находим мастерскую и загоняем машину на яму. Диагноз не утешителен, полетел передний редуктор, снимаем кардан, и теперь мы можем ехать только на заднем приводе.

Дождь прекратился. Впереди виднеется Косьвинский камень, на его вершине еще лежит снег. Сверху чередуясь с «каменными» реками, низвергаются потоки воды.

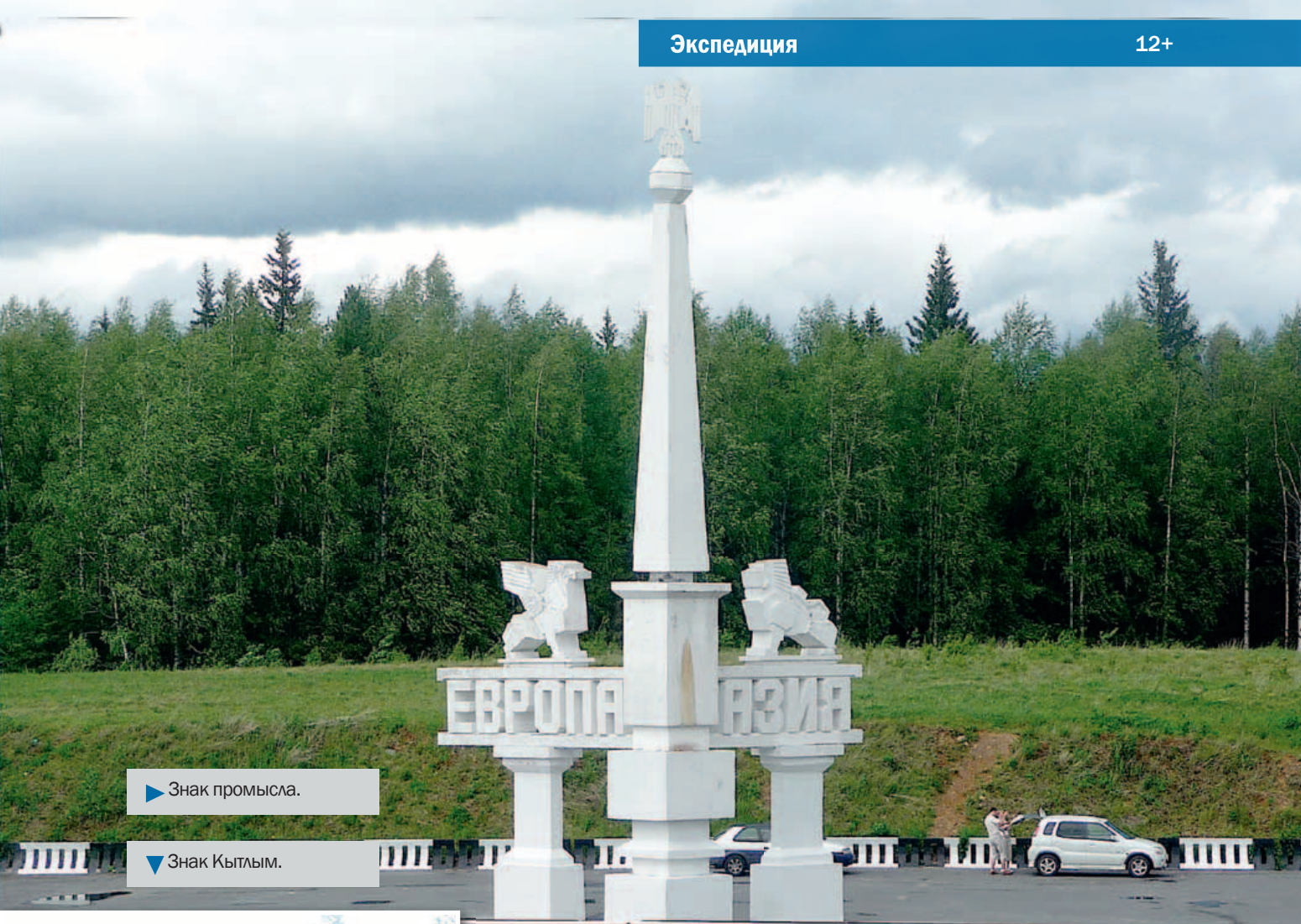
СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Петр Ушаков

Свое главное хобби он нашел здесь, в России. Цель — посетить, уточнить координаты, систематизировать все знаки «Европа-Азия», близка к завершению. Из 49 обелисков Петр уже побывал на 44.

Уральский следопыт, май 2013

▶ Знак промысла.

▼ Знак Кытым.

▼ Столб Медведка — Косья.

Через час мы у цели, вот он, Кытымский знак Европа — Азия! Нижняя часть обелиска — стальная труба диаметром 30 см. Верхняя часть — плоская металлическая фигура, напоминающая стрелку-указатель. Установлен в 1981 году работниками Южно-Заозерского прииска.

Координаты N59 28 876 E59 01 260.

Дело к вечеру, находим подходящую поляну и располагаемся на ночевку. Завтра отправляемся в Пермский край, на знак «Промыслы» и «Медведка — Косья».

Промысла

Утром ничего не напоминало о вчерашней непогоде, ярко светило солнце, по небу проплывали редкие облака, даже машинка сегодня бежала резвее, несмотря на полученные травмы. И если вчера мы поехали кратчайшим путем через Павду, то сегодня решили не рисковать и отправились традиционным путем через Карпинск и Серов, короче не значит быстрее.

Обелиск расположен в 9 км от поселка Промысла, где в 1825 году был найден первый российский алмаз. Обелиск был установлен здесь еще до ре-

▲ Монумент первому алмазу.

волюции в виде легкой, изящной металлической пирамидки. В 2003 году на перевале появился новый обелиск высотой 16 метров. Координаты: N58 33 712 E59 13 958.

Можно сказать, что с него и началось мое увлечение знаками.

Медведка — Косья

Небольшая фотосессия, и наша Нивка мчится к следующему знаку, расположенному на перекрестке дорог Медведка — Косья.

Здесь на постаменте была установлена металлическая стела, которую не пощадили сборщики металлолома. Осталось только гранитное основание, на котором мы нанесли белой краской надписи «Европа» и «Азия».

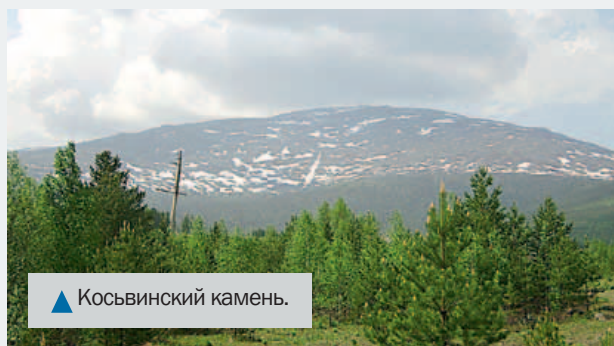
Координаты: N58 38 413 E59 10 668.

Рядом, на самой границе Европа — Азия, вытянулась грядой гора Колпаки. Название произошло от формы скалистых образований, которые напоминают шапки-колпаки. Скалы достигают высоты до 30 метров. С вершины Колпаков открывается прекрасный вид на хребет Басеги и гору Качканар.

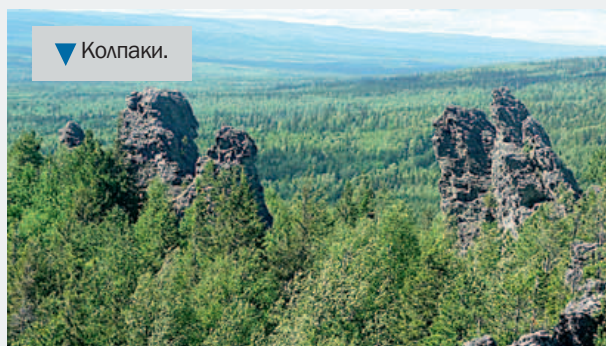
Скалы виды с дороги, мы, конечно, не удержались и заехали на них. **УС**

▼ Постамент.

▲ Косвинский камень.

▼ Колпаки.

МАНАРАГА

ВСЕ ДЛЯ СПОРТА И АКТИВНОГО ОТДЫХА

www.manaraga.ru

Екатеринбург,
ул.Гагарина, 35
(343) 374-90-16

Екатеринбург,
ул.Комсомольская, 7
(343) 374-25-90

Нижний Тагил,
ул.Пархоменко, 22
(3435) 41-94-53

Челябинск,
пр.Победы, 158
(351) 211-54-19

Эмиль Марианович Сенкевич.

Человек. Исследователь. Врач

Часть X.

Последние годы семьи

Эмиля Мариановича Сенкевича

В семье Сенкевичей было двое детей — в далёком 1915-м году родился старший сын Зигмунд, а спустя два года появилась младшая дочь Кинга. Детей очень любили. И хотя Александра Захаровна отличалась серьёзностью и волевым характером, порой бывала даже излишне строгой, но семья всё равно оставалась дружной.

Фото предоставлены авторами

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Наталья Бердюгина

Путешественник, действительный член Русского Географического Общества, победитель конкурса «Многоликая Россия — 2010».

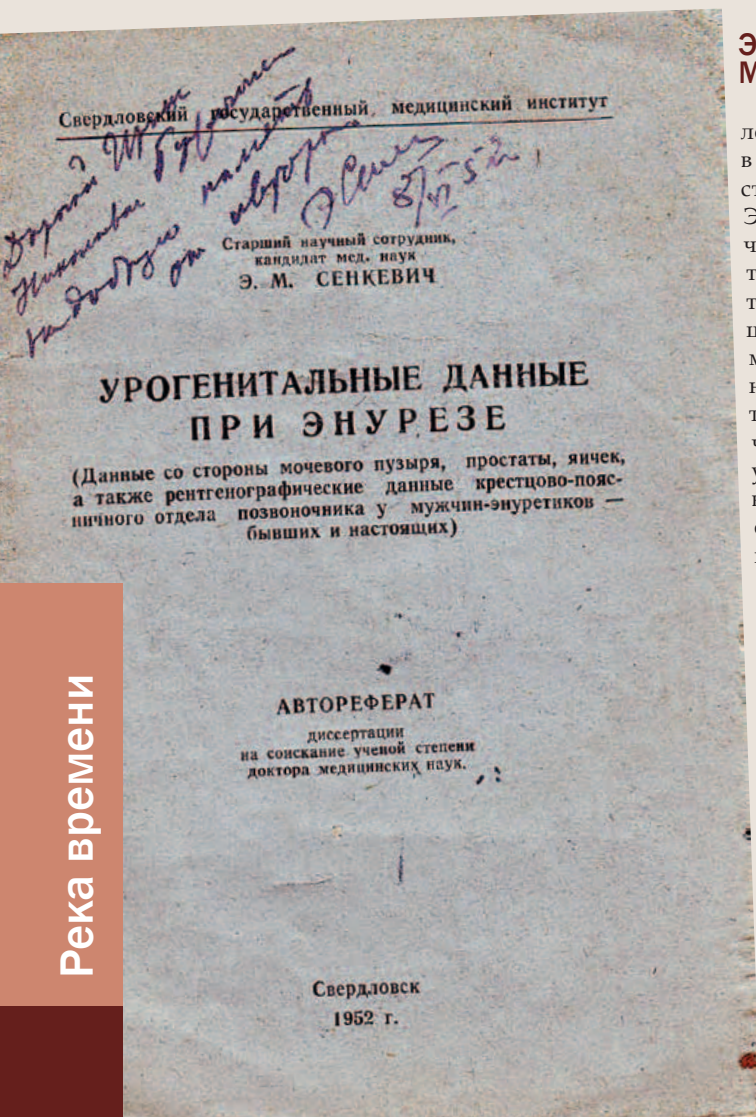

Алексей Слепухин

Путешественник, врач, действительный член Русского Географического Общества. Победитель конкурса «Многоликая Россия — 2010».

Эмиль Марианович

Во второй половине 20х годов в Красноуфимск стал «маловат» для Эмиля Мариановича. Его исследовательский характер толкает его дальше — доктор стремится найти себе новое применение, т.к. обычная врачебная практика уже его не удовлетворяет. Именно с этим связана подготовка к изданию его первой книги «Хирургия земского врача» (1924 год, Ленинград), затем дальнейшая доработка и её переиздание в 1926 году и очень плотное сотрудничество с вновь созданным в Свердловске журналом «Уральский охот-

◀ Автореферат докторской диссертации ст. научного сотрудника, кандидата медицинских наук Сенкевич Э.М. «Урогенитальные данные при энурезе» (архив Свердловского областного музея истории медицины).

◀ Фото со студентами Свердловского государственного медицинского института в клинической больнице (впоследствии ГKB СМП), ноябрь 1947 г. (архив Сенкевич Т. А.).

тра ни на что продолжает свою деятельность, пока не заболевает сын Зигмунд. Семья, посоветовавшись, вынуждена отказаться от дальнейших планов в Восточной Сибири и вернуться на Урал, в Свердловск.

Здесь Эмиль Марианович продолжает исследования в области урологии, но в Красноуфимске бывает лишь наездом. Впрочем, по возвращении на Урал в семье Сенкевичей происходит разлад — Эмиль Марианович расстаётся с Александрой Захаровой, правда, не теряя связей с детьми.

▶ Доктор Сенкевич Эмиль Марианович и доктор Близнюк Василий Михайлович у постели больного. 1951 год. (архив Сенкевич Т. А.).

ник». В этих охотничьих рассказах «бывалый» доктор Сенкевич предстаёт уже как пытливый следопыт, неутомимый охотник, серьёзный и внимательный исследователь края. Буквально за несколько лет он публикует около 30 рассказов, очерков и заметок. Порой по несколько заметок в одном номере под своим именем и под псевдонимами. Именно в эти годы «Уральский охотник» наиболее интересен, даже для тех, кто далёк от охоты и вопросов, связанных с ней.

В семье Сенкевичей уважают охотничьи увлечения главы семьи, и даже с удовольствием позируют перед камерой в охотничьих костюмах дети и супруга Александра Захаровна. Рассматривая эти фотографии, невольно проникаешься уважением к той эпохе, тем традициям. Какие образы и лица получаются на этих интересных снимках столетней давности!

Эмиль Марианович стремится и к более серьёзным научным подходам во врачебной деятельности, всерьёз увлекаясь урологией. Благодаря этому стремлению к узкой специализации, у Эмиля Мариановича появляется возможность изменить свою судьбу.

«Дорога жизни» приводит доктора в далёкий Иркутск. Туда,

когда-то из-за гонений был сослан его отец, как и многие поляки после восстания и мятежей, за антироссийскую агитацию. Но Эмиль Марианович едет в Иркутск с охотой — там, в 1928 году открывают кафедру урологии в медицинском институте и приглашают Сенкевича возглавить её. Это очень лестное предложение, и Эмиль Марианович соглашается. Вслед за ним в Иркутск переезжает и всё семейство. Но спустя год по болезни вынуждена на пенсию выйти супруга, Александра Захаровна.

Климат Восточной Сибири не очень-то подходит и самому Эмилю Мариановичу, но он несмо-

Очень много работает. Результатом этого стала подготовленная Докторская диссертация по энурезу, которую он успевает защитить здесь в Свердловске, но дожидаться её подтверждения из Москвы он не успевает.

Эмиль Марианович до конца своих дней остаётся верным своему увлечению охоте. В августе 1953 года он погибает. Переправляясь через реку Уфу на пароме в своём любимом автомобиле Москвич, старый доктор почему-то пренебрегает техникой безопасности, не закрепив колеса авто и не его открыв двери. Машина во время движения парома по реке съезжает

с него, и Эмиль Марианович просто не успевает вылезти из своей любимой автомашины.

Так заканчивается жизненный путь интереснейшего человека, врача, исследователя, неутомимого путешественника и охотника Эмиля Мариановича Сенкевича.

Похоронили его на кладбище в любимом и дорогом ему Красноуфимске недалеко от церкви Иннокентия Вологодского.

Александра Захаровна

После размолвки с мужем Александрой Захаровна долго переживала. Искать спутника жизни не стала, оставшись на все годы одинокой. По рассказам снохи Тамары Леонидовны, последние годы Александры Захаровны прожила рядом с ними, семьёй сына Зигмунда. Тяжело болела, хотя пережила мужа на 16 долгих лет. Умерла в октябре 1969 года.

Кинга

Дочь Кинга родится в семье Сенкевичей в 1917 году, через два года после Зигмунда. Многие из её жизни так и останутся для нас окутанными тайной тех лет. В отличие от всех в своей семье Кинга останется яркой приверженцей всего польского. Сильным и волевым характером она больше похожа на мать, Александру Захаровну, и деда Мариана Анастасевича. В юности до войны Кинга успевает окончить Институт литературы, истории и философии в Москве. Всю войну пробыла на фронте в качестве переводчика с польского. После войны она остаётся в Москве, работает на кафедре славяноведения того же Института литературы, истории и философии.

Среди переводов — наследие Януша Корчака. Во вступлении к сборнику статей «Януш Корчак» Наталья Медведева пишет: «... работа К. Сенкевич была, прежде всего, поисковой. Всякий, кто хотя бы раз работал в архиве, представляет себе, какой труд стоит за безмолвными цифрами, номерами фондов, описей, дел, листов, оборотников... Сколько пудов документов надо было перевернуть, чтобы найти в них упоминание об одном из тысяч участников русско-японской войны, о лекаре Генрихе Гольдшмите. Но К. Сенкевич не просто публикует документы — она бережно реконструирует образ Корчака-врача и писателя». На наш взгляд интерес именно

▲ Тамара Леонидовна Сенкевич, урождённая Михайлова, в молодости (архив Сенкевич Т.Л.).

▲ Одна из последних охотничьих фотографий Эмиля Мариановича. Всю свою жизнь этот человек испытывал страсть к охоте, путешествиям по таёжным уголкам в поисках памятных встреч. Так он и назвал одну из своих охотничьих заметок — «Памятные промахи и неудачи» (архив Сенкевич Т.Л.).

к этому человеку неслучаен. Горячая любовь к отцу, всю жизнь оставшемуся верным любимой профессии, не могла не повлиять на мировоззрение Кинги.

Домой, на Урал, она приезжала лишь в отпуск да по неотложным делам. Правда, в Москве тоже жизнь не сложилась — Кинга Эмилевна мечтала связать свою жизнь с поляком, но так этим мечтам и не было возможности сбыться. Пока жив был Эмиль Марианович, он всячески деньгами помогал дочери, т.к. зарабатывала Кинга немного. Смерть отца дочь пережила очень тяжело, т.к. была очень близка с ним. Скончалась Кинга Эмилевна 9 июня 1993 года. По завещанию её прах из Москвы перевозят в Красноуфимск; урну захоронят рядом с могилой отца.

Зигмунд

Зигмунд Сенкевич, которого ласково в семье называли Зига, в Восточной Сибири оканчивает курсы коллекторов и устраивается на работу в геологоразведку. Два года он успевает проработать там, пока не переносит тяжёлое заболевание (клещевой менинго-энцефалит), изменившее не только его дальнейшую судьбу, но и всей семьи. Заболевание протекает тяжело — всю оставшуюся жизнь старший сын Эмиля Мариановича будет вынужден проходить ежегодное обследование, лечение и получит освобождение от службы в рядах Советской

армии. Семье Сенкевичей приходится вернуться на Урал. Здесь Зигмунд Эмилович проходит рабфака, а затем и физико-математический факультет Свердловского педагогического института, навсегда связав свою жизнь с физикой и заочно сдав все экзамены на «отлично».

Долгое время (примерно по десять лет) он работает на кафедрах физики медицинского, педагогического и лесотехнического институтов, проявляя себя как творческую натуру, придумывая и усовершенствуя различные лабораторное оборудование. Этому способствуют и его «золотые» руки.

От отца Зигмунд унаследует любовь к охоте, усовершенствованиям охотничьего дела, ярко проявленную, любовь к уральской природе.

В жизни единственный сын Эмиля Мариановича будет в чём-то повторять своего отца: все, кто знал Зигмунда, отмечают его интеллигентность, добрый характер, не склонный к конфликтам, и творческую натуру. От отца и страсть к охоте!

Жизненный путь Зигмунда Эмилевича оборвётся летом 1996-го года.

Последняя из Сенкевичей

Тамара Леонидовна Сенкевич, в девичестве Михайлова, родилась в 1920-м году. Она, также как и Зигмунд, была очень увлечена физикой. Заканчивает физфак Уральского университета. Впоследствии знакомится с Зигмундом Сенкевичем. Эта встреча в молодости становится решающей — Тамара Леонидовна выходит замуж, и всю свою жизнь будет любить его, своего избранника. Мы познакомились с Тамарой Леонидовной в начале 2011 года. Поздновато, конечно. Предыдущая попытка оказалась очень неудачной — наш звонок пришёлся на её реабилитационный период после инсульта. Тамара Леонидовна узнав от нас о причине нашего интереса разволновалась, поэтому разговор пришлось отложить. Мы не хотели, чтобы она испытывала какие-либо волнения и лишние потрясения, пока не окрепнет. И лишь спустя время снова решились побеспокоить её и попросить о встрече с нами.

Тамара Леонидовна жила в небольшой квартирке в доме чехослов по улице Ленина. Когда строили этот дом, не запланировали кухню — считалось, что в неда-

ка и прочая, нас поразило и удивило образ «последней из Сенкевичей».

Добрая по сути своей, Тамара Леонидовна находилась в каком-то своём мире, где «жили» близкие ей люди. Когда мы задавали уточняющие вопросы, она довольно часто отвечала: «Не знаю, надо у Зиги (Зигмунда, покойного мужа) спросить». Мы понимали, что после перенесённого инсульта Тамара Леонидовна может что-то не помнить. Но нас поразила та теплота, с которой она вспоминала эпизоды прошедшей жизни, встречи с людьми, взаимоотношения с родственниками и т.п. Чувствовалось, что она не помнит обид, тяжёлых и неприятных моментов, коих у каждого из нас предостаточно.

Мы с большим удовольствием интересом общались с ней, пытались узнать как можно больше об Эмиле Мариановиче и его семье. Даже сделали несколько аудио и видеозаписей наших бесед с любезного разрешения хозяйки.

Как оказалось, семья Зигмунда Эмилевича и Тамары Леонидовны была очень дружной, даже несмотря на отсутствие в ней детей. Они прожили все эти годы вместе, и Тамара Леонидовна вспоминала лишь только хорошее. Очень тепло отзывалась о докторе Сенкевич.

Много рассказывала о Кинге, которая приезжала из Москвы, и перед поездкой в Красноуфимск часто останавливалась у них, подолгу гостила.

Мы несколько раз пытались у ней узнать о путевых дневниках, записях Эмилия Мариановича начала XX века. Тамара Леонидовна поделилась с нами, что был момент, когда они с Зигой выбросили часть бумаг. Видимо, там были и путевые заметки отца Зигмунда, т.к. Кинга узнав об этом факте, долго ругалась и сердилась на них из-за это-

▲ Зигмунд Сенкевичюности. 1930 год (архив Сенкевич Т.Л.).

▲ Тамара Леонидовна во время наших встреч (Экспедиция «Команды Искателей Приключений», февраль — апрель 2011 г, фото А. Слепухина).

лёком будущем все должны и будут питаться в столовых, т.к. «светлое будущее уже не за горами!» Поэтому мы и застали Тамару Леонидовну готовящую завтрак на небольшой плитке, правда, работающей очень слабо. Но, несмотря на неразумность планировки дома, бытовых условий пожилого челове-

го. Возможно, что так и пропал архив доктора Сенкевича.

К нашему глубокому сожалению, мы не смогли часто встречаться с Тамарой Леонидовной, тем

более во время весенне-летней компании, когда времени на себя почти не остаётся.

В сентябре, октябре и ноябре мы запланировали первые статьи о докторе Сенкевиче. Но Тамара Леонидовна публикаций о нем и семье Сенкевичей не дождалась — в ноябре 2011 года её не стало. Но у нас осталась о ней память как о мягком, интеллигентном человеке с обворожительной улыбкой.

Наследие. Эпилог

Большую часть вещей, принадлежавших Эмилию Мариановичу, сын Зигмунд ещё при жизни передал в музей «Красноуфимская земская больница». Сейчас в павильоне «Земская медицина» сотрудниками музея восстановлен

интерьер рабочего кабинета врача. Всё это подлинные вещи, которыми пользовался Эмиль Марианович. Сохранилась и часть охотничьих принадлежностей, которые заинтересованные лица могут найти и лицезреть на специальном стенде в том же музее.

В завершении нам бы хотелось выразить ещё раз своё отношение к доктору Сенкевич и его делам. Эмиль Марианович не был великим врачом. Да и нужно ли быть великим? Врач просто остаётся на своём «посту» и не надеется

▲ Диплом за II место в журналистском конкурсе «Панацея-III».

на то, что его дела сочтут когда-то великими. Для большинства самой большой наградой остаётся побеждённая болезнь, улыбки и радость его пациентов, их хорошее самочувствие и уважительно отношение к труду врача. Вот таким и был доктор Сенкевич. Для нас же, врачей по образованию, это лишнее подтверждение о правильности выбора профессии, напоминание

о стойкости характера настоящего доктора и неутомимости натуры, избравшей этот непростой жизненный путь.

Эмиль Марианович предстал перед нами серьёзным исследователем, путешественником, охотником и просто творческим человеком. Работа над этим проектом нам доставила истинное удовольствие. Мы с большим интересом «расшифровывали» его фотографии столетней давности, когда ему довелось побывать «В дебрях Уральского Севера». На них уникальнейшие зарисовки из жизни инородцев огромного Тавдо-Пельма-Кондинского края. Примечательные лица давно исчезнувшего народа. Завораживающие сюжеты охотничьих событий, принадлежностей для охоты и памятные её результаты. Мы просто «утонули» в бесконечном потоке расшивки деталей, соотнесение снимков, сюжетов, героев фотозарисовок с записками доктора. Это оказалось так захватывающе, что мы сожалеем, что цикл очерков «Эмиль Марианович Сенкевич. Человек. Исследователь. Врач» заканчивается. Но мы обязательно ещё вернёмся к наследию Эмиля Мариановича в своих исследованиях.

А пока нам приятно сообщить радостную новость, что цикл очерков «Эмиль Марианович Сенкевич. Человек. Исследователь. Врач» участвовал во всероссийском ежегодном журналистском конкурсе «Панацея-III» в прошлом, 2012 году. Конкурс организован факультетом журналистики Московского государственного университета совместно с Институтом социальной стратегии и тактики (при МГУ), Министерством здравоохранения РФ. На этом конкурсе представленные нами статьи заняли второе место в номинации «Белый халат».

Мы надеемся, что наш исследовательский проект позволит сохранить память о докторе Сенкевиче, а также о его исследовании Урала, Зауралья и вогулов (манси) — одного из коренных уральских народов.

Благодарим редакцию журнала «Уральский следопыт» и главного редактора Фирсова М. Ю. за предоставленную возможность публикации цикла очерков, а также Гунькиной Елизавете Михайловне, племяннице Тамары Леонидовны Сенкевич, за переданные в наш архив материалы и фотоальбом Сенкевичей. ☑

Фото Марка Корюкова.

Взрыв над Чебаркулем

Метеорит упал в озеро Чебаркуль, хотя некоторые продолжают в этом сомневаться. Само падение произошло со взрывом, образовавшим почти идеально круглую полынью — в настоящий момент можно сказать, что размеры метеорита были существенно меньше полыни, а масса упавшего в озеро небесного тела по различным оценкам колеблется между 100 и 720 кг. Крупные обломки метеорита до сих пор не подняты. Метеорит подбрасывает новые загадки. Среди них — траектория движения после касания ледового покрова; различия в структуре льда в ближайших окрестностях от полыни и даже другая, более пористая структура метеоритов (по сравнению с метеоритами, выпавшими в районе эпицентра). Научные исследования продолжаются.

Сергей Захаров

В статье А. Гушина «Атака из космоса», опубликованной в журнале «Уральский следопыт» (№4, 2013 год) использованы снимки экспедиции ЧепРГО.

Драгоценный и магический

Для уральских любителей камня нет большей радости, чем найти аметист. Этот камень — один из первых самоцветов Урала, которые прославили его на весь мир. В последующем такую славу приумножила находка изумрудов, александритов и демантоидов.

Аметист — это разновидность горного хрусталя светло-фиолетового, темно-фиолетового или красно-фиолетового цветов. Свое название он получил от греческого слова *amethystos*, что в переводе означает «не быть пьяным». Камень этот нашел широкое применение в ювелирной промышленности, относится к драгоценным камням и любит быть оправленным в золото и серебро.

Месторождений аметиста на Среднем Урале довольно много. Основные из них сосредоточены в Мурзинско-Адуйской самоцветной полосе, где более 200 копей. В большинстве из них содержится аметист. Но, несмотря на большое количество копей с аметистом, ювелирных кристаллов попадает очень мало: они должны являть равномерную окраску по всему объему кристалла, быть прозрачными и иметь достаточную величину. Поэтому находка ювелирных кристаллов аметиста всегда большая удача. В основной своей массе аметисты идут как коллекционный материал. Из всех месторождений можно особо отметить месторождение на Ватихе (недалеко от поселка Мурзинка), где аметисты по красоте своей лучшие не только в России, но и во всем мире. Хотя неплохие аметисты по густоте окраски залегают и в Бразилии, но они уступают уральским. Ниже бразильских ценятся на рынке камней саксонские, шотландские и тирольские аметисты, которые часто называют «богемскими».

Широкая добыча аметистов на Урале началась с приездом в Ека-

теринбург в 1765 году экспедиции Данненберга по поиску камней на Урале. Ее участники скупали камни у населения по довольно высоким ценам, и крестьяне, проживающие в самоцветной полосе, стали в массовом порядке искать и добывать камни. М. И. Пылаев в своей книге «Драгоценные камни» пишет: «Крестьяне только деревни Липовой продали необделанных кристаллов аметиста более чем на 3000 рублей. Стоимость вставки из уральского аметиста в 6–8 линий величиной (одна линия равна 2,54 мм) стоит не дешевле 20 рублей». Камни стали для крестьян хорошим подспорьем в жизни. Наиболее удачливые полностью переключились на поиск и добычу камней и имели от этого

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Василий Ищенко

Главный технолог ОАО «Уралэлектромонтаж», краевед. Постоянный автор журнала. Научное направление его статей и очерков — горнозаводская деятельность на Северном Урале в XV–VXII веках. Живет в Екатеринбурге.

довольно хороший доход. Особенно усиленно работали в коях в зимнее время, когда стенки копей не нужно было крепить и уровень грунтовых вод находился значительно ниже, чем в летний период. Но главное — зимой нет особой работы по хозяйству. Добытые камни продавали перекупщикам за бесценок, они везли их в крупные города России или продавали иностранцам за большие деньги. И сейчас в музеях Европы есть уникальные камни с Урала. Например, в Британском музее «живут» два великолепных ограненных аметиста из России. Один из них имеет шестигранные очертания и весит 90 каратов; другой, густо-фиолетового цвета, имеет округлую форму и весит 75 каратов. Более подробную картину добычи и продажи камней, добываемых в Мурзинской слободе, достоверно и увлекательно описал Д. Н. Мамин-Сибиряк в очерке «Самоцветы». Он лично посетил основные копи и видел добываемые камни.

Одним из знаменитых горщиков того времени был Данила Зве-

рев. К нему приезжали не только видные ученые из России, но и из Западной Европы, чтобы посмотреть на его камни и место их добычи. Посетил его и академик А. Е. Ферсман. Зверев не был обучен грамоте, но, несмотря на это, был приглашен в Ленинград на заседание комиссии Академии наук и в протоколе комиссии рядом с подписью академика Ферсмана, профессора Крыжановского и других ученых стоит подпись Зверева в виде жирного крестика. Местные жители и по сей день возлагают живые цветы на его могилу, которая находится в Екатеринбурге напротив Михайловского кладбища. Имеется в городе и улица, названная его именем.

Большим знатоком и пропагандистом уральского камня был художник Денисов-Уральский. Интересно, что он не только сам обрабатывал аметист, но и добывал его. В архиве сохранился документ отвода месторождения аметиста екатеринбургскому мещанину Алексею Кузьмичу Денисову в Сысерт-

ской посессионной даче между речками Теплой и Каменкой, в квартале №59. Документ составлен 25 ноября 1897 г. (ГАСО. Ф. 59. Оп. 9. Д. 1920.).

Даже в советское время местное население, например, деревни Нейво-Шайтанки, продолжало промышленно добывать аметиста. Свои копи люди держали в тайне от посторонних глаз. Добыча аметистов на Ватихе в то время производилась несколькими шахтами с использованием современных технологий. Добываемое сырье на поверхности перебирали на специальных столах, и кристаллы аметиста сортировали по ящикам. После обрушения Советского Союза объединение «Союзкварцсамоцветы» в 1991 г. обанкротилось и прекратило свое существование. И сейчас на Ватихе сохранились огромные отвалы породы, в которых любители камня находят довольно неплохие аметисты. Так что Ватиха на протяжении 200 лет отдавала камни из своей кладовой и оставила их и для будущего по-

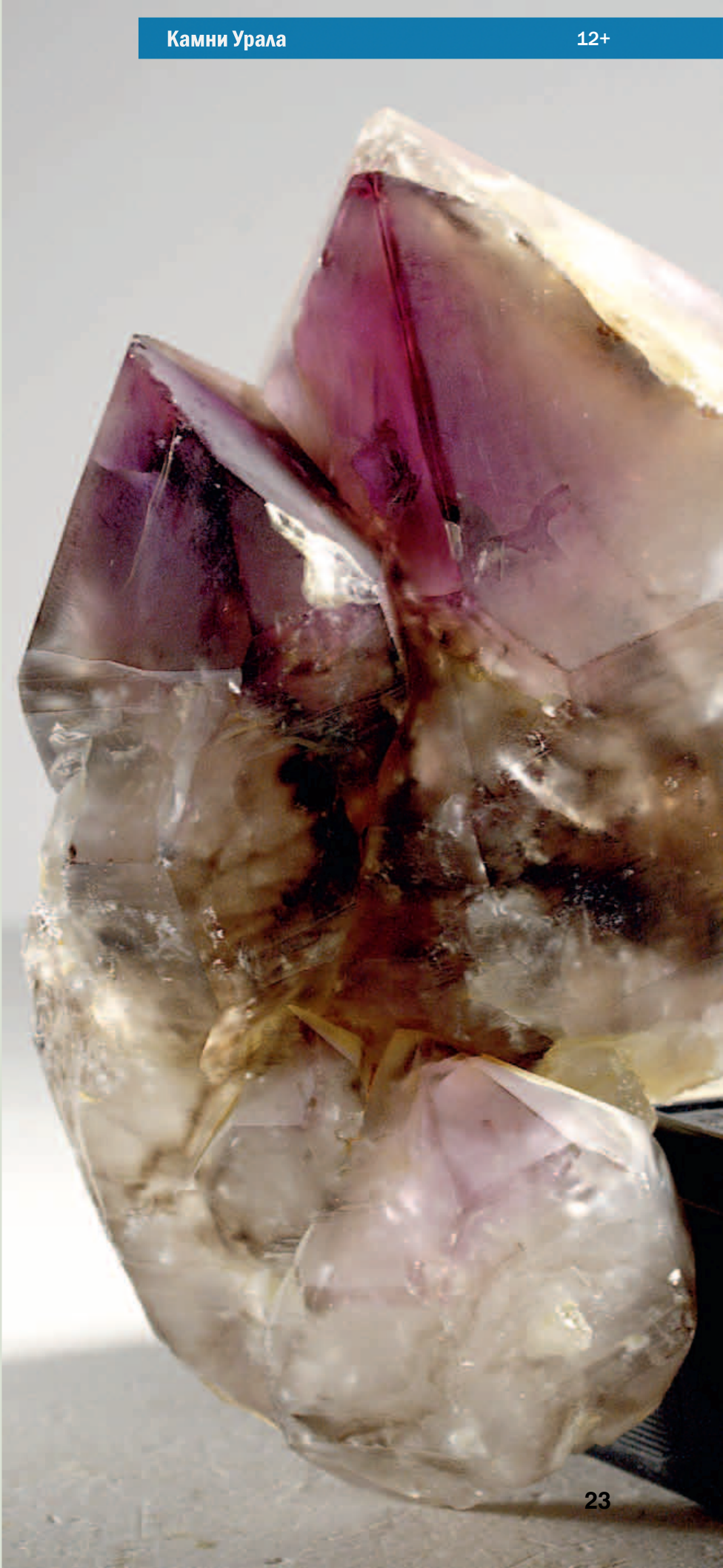

коления. Автору этих строк пришлось лично убедиться в красоте камня с Ватихи, когда на полянке, покрытой щебнем из гранита, кварца и пегматита, он обнаружил кристалл аметиста, сверкающий на солнце своей изумительной окраской, которую невозможно описать.

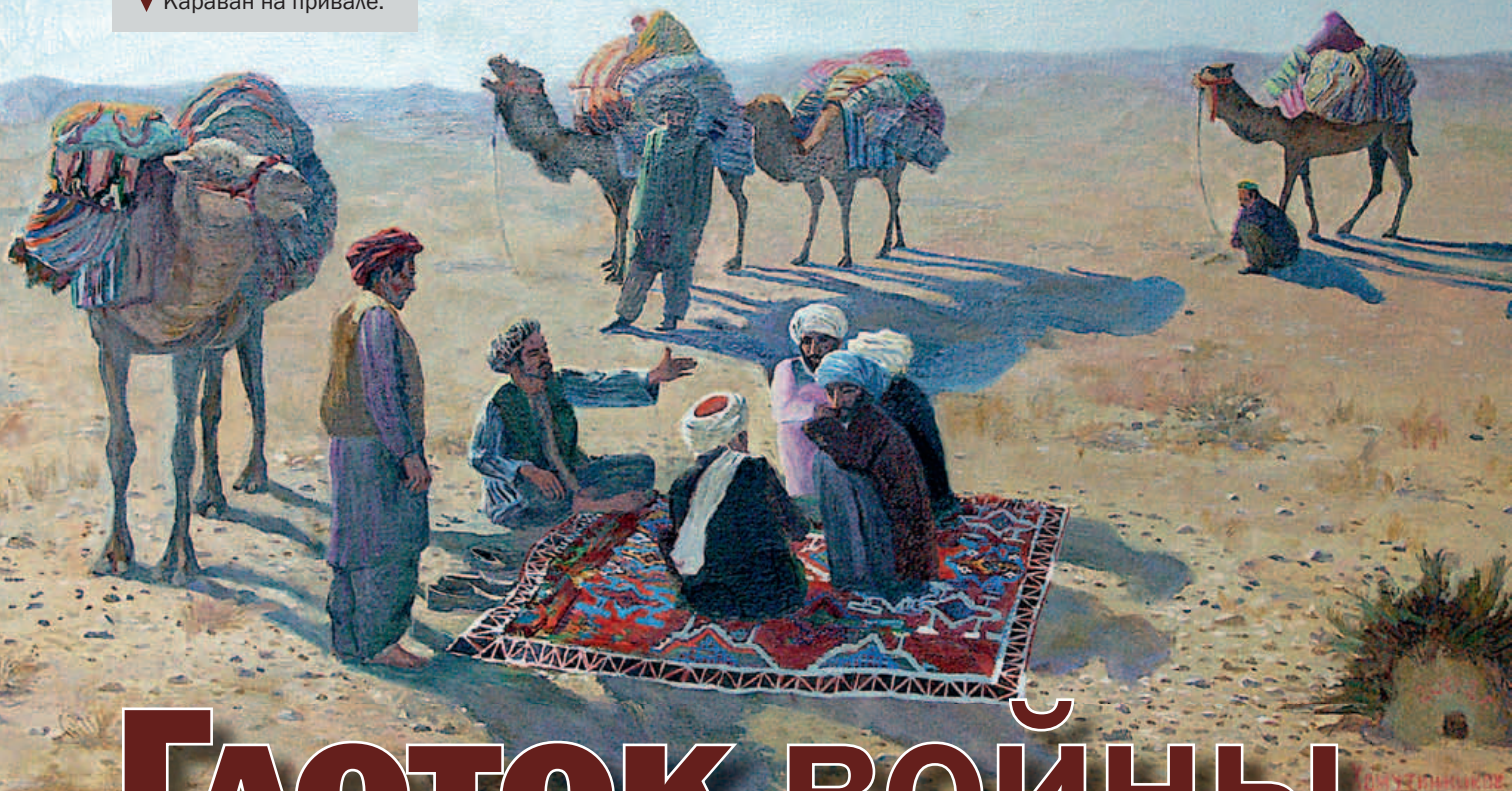
Окраску аметистов некоторые ученые объясняют присутствием в них железа, но есть и другая версия. Считается, что дефекты в структуре кристаллов, влияющие на их окраску, появляются от воздействия радиоактивного излучения. Однако существуют некоторые образцы камней, окраску которых невозможно объяснить приведенными версиями. Так, например, встречаются экземпляры, в которых первоначально образовался хорошо сформированный кристалл дымчатого кварца, а затем по непонятным причинам рост его прекратился, и на его гранях стали расти мелкие кристаллы хорошо окрашенного аметиста. Образцы кристаллов дымчатого хрусталя с внутренней аметистовой окраской находили в 3 километрах юго-западнее Семенинской копи.

Аметист применяется не только в ювелирном деле. Он с давних времен пользуется славой магического камня. Еще в XV веке ему приписывали излечение от пьянства. Считается, что аметист обладает отрезвляющим эффектом и от страстной любви, оберегает солдат от ранений, помогает охотникам на диких зверей и защищает от заразы. Также контролирует злые мысли и наделяет человека проницательностью в делах. Действительно, глядя на этот камень, чувствуешь собранность в мыслях и способность трезво взвешивать свои поступки. Используют аметист и в церковных обрядах: им украшают иконы, обложки библейских книг и одежду священников.

В настоящее время можно встретить в продаже довольно красивые друзы аметиста с густой фиолетовой окраской, высокой прозрачностью и довольно крупными кристаллами. Но нужно быть внимательными при их покупке. Они могут быть выращенными. Такие аметисты можно отличить от природных по отсутствию в них воздушных пузырьков и всевозможных включений, а также по равномерной окраске кристаллов. Чтобы точно в этом убедиться, нужно поместить камень в стакан с водой — в воде цвет в кристалле природного аметиста сбегается в точку или полоску. Существуют и подделки горного хрусталя под аметист. В природе встречаются такие кристаллы горного хрусталя, которые при их облучении рентгеновскими или гамма-лучами принимают окраску аметиста. Но облученные кристаллы горного хрусталя через некоторое время вновь обесцветятся. Такие кристаллы собирают на Хрустальном острове в Чистом болоте, недалеко от станции Костоусово. На Дальнем Востоке природные кристаллы аметиста находят в пустотах агатов. Стоит их подержать некоторое время на солнце, и они обесцветиваются. Впрочем, даже самые красивые аметисты с Ватихи со временем выгорают. Автору приходилось видеть изделие из аметиста, купленное в шестидесятых годах в Свердловске, — сейчас камень имеет бледно-розовую окраску. Поэтому даже настоящий аметист лучше оберегать от прямого попадания на него солнечных ультрафиолетовых лучей. Аметист обесцветивается и при нагревании свыше 200°C. При определенных режимах нагревания можно получить желтый цитриновый цвет.

▼ Караван на привале.

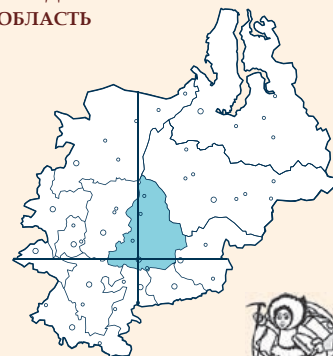

ГЛОТОК ВОЙНЫ

Афганистан стал для Анатолия Хомутинникова школой жизни, выживания и самовоспитания. Война, как это ни странно, не сделала его мстительным и злым. Что было бы, впрочем, естественным. Нет, он прожил эти эмоции так ярко и остро, что они ушли, улетучились как мираж, их выжгло белесым и жгучим солнцем. И душа в первые месяцы его войны (его спора с самим собой: как жить и кем быть) была выжжена, как и эта знойная, безлюдная и негостеприимная пустыня. Он потерял свое привычное лицо: мальчика, школьника. Учился убивать, сражаться, а его сердце сжималось от боли и страданий. Он не хотел этой жизни. Часто спрашивал себя: «А может, это просто сон, кошмарный и навязчивый? И однажды он закончится?» Но нет, изо дня в день, из ночи в ночь продолжалась эта, напоминающая в чем-то ирреальные картины Иеронима Босха, фантазмагория действительности.

Река времени

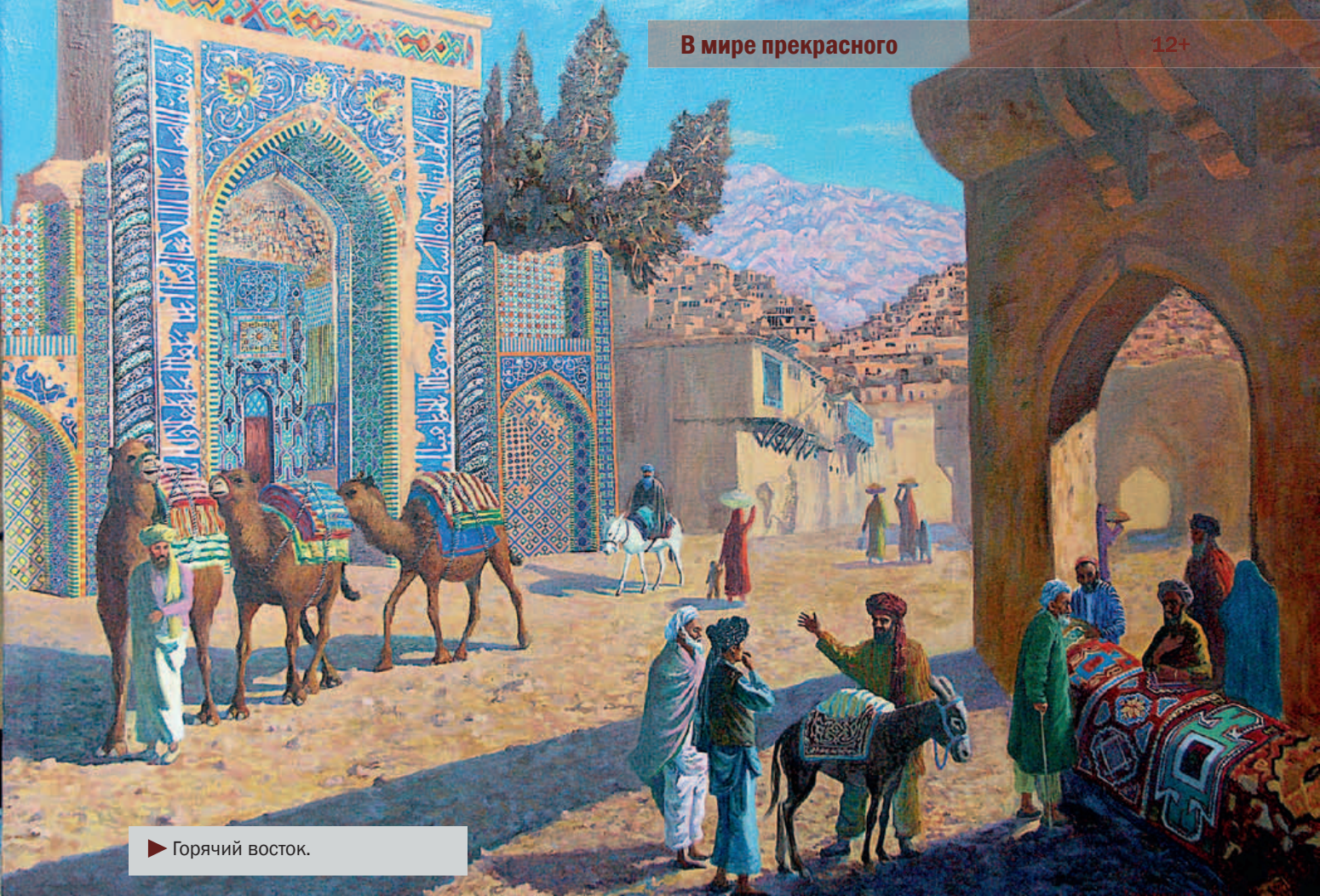
► Взвод.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Федор Морозов

Пресс-атташе в галерее «Окно» ЦК ИИ «Верх-Исетский». Его очерки о людях искусства печатались в «Уральском следопыте», «Альбоме культуры», «Всях», «Литературном квартале» и газетах.

► Ущелье.

► Горячий восток.

► Лик войны.

► Анатолий Хомутинников.
Портрет у панорамы.

А.А. Хомутильников

А ведь он мог избежать этой доли. В армию был призван в 1987 году. В Афганистане в это время шла война. Вначале было учебное подразделение, откуда через полгода в звании сержанта его направили в минометную батарею 180-го мотострелкового полка в Кабул. Увидев его художественные способности, предлагали остаться в части в Ашхабаде. Но он отказался. «Неудобно перед ребятами, которые будут служить в горячей точке».

Но художественный дар и чутье спасли его там, где любой другой мог сломаться, подчиниться эти диким условиям, быть «как все», просто оружием, неодушевленным предметом, наглухо забаррикадироваться внутри себя, забыть все законы и заповеди. Но нет, ему была уготована другая судьба.

В Афганистане его назначили командиром миномета, но через два месяца Анатолий попал в инфекционный госпиталь. Эпидемии гепатита, брюшного тифа и дизентерии были привычными и обыденными, они косили солдат направо и налево. Госпиталь находился рядом с аэродромом. Однажды его обстреляли реактивны-

ми снарядами, и все, кто был поблизости, получили контузии. Не избежал этой участи и Анатолий Хомутильников.

Его утомленные глаза стали улавливать белизну гор и бирюзу неба. Он стал всматриваться в расщелины скал и полет коршунов, в причудливый рисунок песчаных дюн и лица собратьев по оружию. Пустыня стала делиться с ним своей историей, философией и непривычной красотой. Она признала в нем друга, которому можно довериться и показать свои потаенные уголки и тайны. И он, как усталый путник, который вот-вот может умереть, не дойдя до оазиса, обрел «нечто» — настоящее, подлинное, бесценное. Его сердце распахнулось и доверилось мудрости Пустыни. Делай, что должно, и будь, что будет. Он просыпался по ночам, поднимал голову от земли и видел сияющие звезды. Эти же звезды пели волшебные песни Омару Хайяму и указывали путь волхвам, идущим поклониться Спасителю.

И случилось необыкновенное. Его душа, что была убита, подстрелена, словно свободная птица, вдруг ожила. Слезы очистили всю «на-

▲ Дукан.

кипь». И пустыня преобразилась: в горах раскрыли свои лепестки алые маки и зацвел миндаль. А в его душе появились долгожданные цветы благодарности и красоты, милосердия и любви. Он жил, чувствовал и был полон замыслов. Только бы закончилась война, только бы успеть воплотить все то, чем была переполнена его душа. И он снова поверил, что этот странный и жестокий мир может быть удивительно гармоничным.

Он нашел сокровище там, где теряют все, включая себя. Его уставшие глаза стали внимательными и пронзительными: он видел зорко и далеко. Как говорил Ницше: «То, что нас не убивает, делает сильнее». Ему приходилось хоронить своих товарищей, голодать, не спать ночами, замерзая от холода, или стогать от полуденного южного солнца. Но он уже знал, для чего он терпит все эти лишения. Он понял и принял свой непростой путь и светоносное призвание — вра-

Засада. ▶

▲ Прощание.

чевать душевные раны и воспевать красоту окружающего мира, многоликой и разнообразной Земли. Сначала впустить в свое сердце, а потом суметь передать, «заразить» других.

Очень эмоциональна и напряжена по настрою картина «Прощание». Убиты три солдата. Еще несколько часов назад они были «надеждой, ды-

ханием, болью и трепещущей жизнью». А теперь лежат под брезентом, остались лишь воспоминаниями для тех, кто помнит. И эта ужасная картина привычна, буднична для их товарищей — и это самое страшное. Они ничего не могут с этим поделать.

Работа над этим полотном была сродни катарсису. Он по каплям изживал свои скорбные, еще не совсем канувшие в лету воспоминания и чувства. Сумел их перепла-

вить, преобразить силой искусства в знаковые для его товарищей образы. И надежда вступила в свои права. Надежда, что этот же самый мир может быть другим, благостным и светлым, добрым и великодушным. Жестокая и бессмысленная война, как мучительная рана, затянулась. Анатолий Хомутиenni-

▼ На блокпосту.

▲ Из разведки.

ков вернулся домой, контуженный, но зато живой и возмужавший. Он научился радоваться запаху весны и свежего хлеба, а глоток ключевой воды был подобен поцелую любимой. Возвращение на родину напминало возвращение Аргонатов в Итаку. Он понял, что жизнь, которую мы подчас несем словно повинность и обузу, прекрасна и драгоценна. Ее хочется «пить не спеша», смакуя каждое неповторимое мгновение.

Он дал себе слово, что станет Художником, что мир узнает правду о войне. И ужаснется. И задумается. И опомнится. В перерывах между боями Анатолий делал этюды, зарисовки, писал портреты товарищей. В 1989 году после двух лет службы вернулся домой в родной Первоуральск, устроился на Новотрубный завод. В 1990-м поступил в Екатеринбургское художественное училище им. И.Д. Шадря на живописно-педагогическое отделение. Потом, в 1998-м, — в Санкт-Петербургский академический институт архитектуры, живописи и скульптуры им. И.Е. Репина

на живописное отделение в мастерскую В.В. Пименова.

Творчество помогло преодолеть все трудности, переработать их в художественный «материал». Пройдя через все ужасы войны, он против войны. Он знает, что человеческое сердце, доброе и хрупкое, не выдерживает того хаоса и боли, что столь привычны на войне. На свете существует много других способов «выпустить пар» — спорт, культура и искусство и вообще гуманистическая философия. Лучше научиться «властвовать» собой, чем давать волю неконтролируемой агрессии и ненависти. Наверное, в школах надо вводить такие предметы, как «культура мышления» или «экология чувств». Обязательно нужно что-то делать в этом направлении. Наша планета слишком мала и не сможет выдерживать все наши опасные эксперименты...

Вот почему он с таким тщанием прорисовывает все нюансы и детали в своих «мирных», пасторальных работах. Каждый листик, травинку, камушек. Он помнит, что один глоток, одно письмо из дома, одна улыбка, одно мимолетное мгновение вовремя спасали его от смерти и душевных адских мук.

Сейчас ему уже за 40. Он состоялся как художник (более 100 картин). У него было много персональных выставок в разных городах России. Ему повезло с настоящими, «боевыми» друзьями, как говорится, «с кем пошел бы в разведку». Ну и пусть, что когда-то густые волосы покрыла ранняя седина, будто иней или патина. Его глаза смотрят устало, но внимательно и глубоко, словно нащупывая душу. Хочется забыть ошибки и обиды и отправиться по дорогам и перелескам этого странного, но столь притягательного мира. С радостью и тишиной в сердце разглядывать царственное цветение яблони и черемухи. Восхищаться мудростью и трудолюбием, с каким пчелы собирают пыльцу. Учиться у деревьев гибкости и постоянству. Замечать, с каким великодушием и милосердием дельфины помогают терпящим бедствие...

Чего ради нам ненавидеть друг друга? Мы все заодно, уносимые одной и той же планетой, мы — команда одного корабля. Хорошо, когда в споре между различными цивилизациями рождается нечто новое, более совершенное, но чудовищно, когда они пожирают друг друга. **У**

Доброволец Павлин Кожин

Первая народная библиотека в рабочем поселке Верхняя Тура бывшего Верхотурского уезда открылась осенью 1907 года в двухклассном земском училище — стараниями издателя-просветителя Ф. Павленкова и верхотурского уездного земства. Она началась с 338 книжек, посланных в Верхнюю Туру из С.-Петербурга. В дальнейшем земство пополняло фонд, из училища библиотека перебралась в нанятое земством помещение на ул. Церковной (ныне Советская), потом — в клуб им. III интернационала, наконец, в профком машиностроительного завода. А в октябре 1992-го справила новоселье в собственном новом доме. Решением городского совета библиотеке возвращено имя Ф. Ф. Павленкова. Ныне это культурный центр городского округа Верхняя Тура, член всероссийского Содружества павленковских библиотек, созданного под флагом ЮНЕСКО. Краеведение — одно из главных направлений работы библиотеки. Ее ветеран — Любовь Николаевна Александрова — уже несколько лет ведет литературный клуб «Историческая шкатулка», сохраняя память о замечательных земляках Верхней Туры.

Три года я по крупицам собирала сведения об этом человеке: бойце Уральского Добровольческого танкового корпуса, прошедшем боевой путь корпуса от Орла до Берлина и Праги. Работала в архиве, встречалась с родственниками. Так из многолетнего небытия появилась на свет его краткая биография.

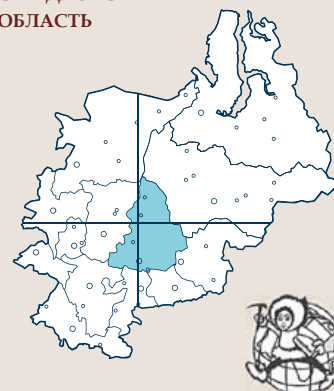
Доброволец Павлин Иванович Кожин родился 5 января 1905 года в Верхнетуринском заводе Гороблагодатского округа Верхотурского уезда (это на-

звание носил рабочий поселок Верхняя Тура вплоть до революции 1917 г.). Родился в рабочей семье Ивана Васильевича Кожина и Екатерины Игнатьевны Березиной. Родители имели в Верхней Туре свой двухэтажный дом. Он и сейчас стоит на улице Иканина. Отец 45 лет трудился слесарем на Верхнетуринском заводе №72, а мать была домохозяйкой — семья-то большая потом

► П. Кожин с наградами.

Иллюстрации
предоставлены автором

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Любовь Александрова

выросла, 9 ребятшек. В семье уже росли сыновья-погодки Алексей и Петр, а третьего решили назвать необычным именем Павлин.

Кожины оставались в поселке, когда в декабре 1918-го туда пришли белые. Отца даже выбрали от рабочих в члены следственной комиссии, за что он потом, в советское время, лишился прав избирательного голоса. Павлин в 1922 году окончил школу II ступени, т.е. 7 классов. Учеба закончилась со смертью отца — на плечи 18-летнего парня легла забота о воспитании четырех братьев и трех сестер (Старший — Петр — как ушел добровольцем на фронт Гражданской войны, так с семьей больше не проживал). Вот с этих лет и появилась у Павлина Ивановича ответственность за всех и вся.

Зарабатывать на жизнь семьи Кожин начал с должности регистратора на Верхнетуриинском заводе в феврале 1923-го, став сразу же членом профсоюза военно-металлической промышленности. Ввиду последовавшей консервации завода работал контролером в Исовском горном округе. А возвратился в Верхнюю Туру уже в качестве делопроизводителя — сначала заводского комитета профсоюзов, потом мобилизационного отдела ВТЗ №72.

В 1928 году Павлин Кожин вступил в партию большевиков, и с этого времени уже не мог распоряжаться своей жизнью. То его командировали в Верхнетуриинский леспромхоз заведовать секретным отделом, то переводят начальником тоже секретного отдела на ВТЗ №72, то в заводской Отдел рабоче-

Гвардии младший сержант КОЖИН П.И. получает первую награду от генерала Родина 30/ХІ.1943г.

го снабжения заведовать животноводством подсобного хозяйства... Одновременно Кожин периодически состоял членом бюро парторганизации заводоуправления.

Затем Павлину Ивановичу оказывают доверие, назначив председателем Мостовского колхоза Кушвинского района, а еще через полгода — председателем Верхнетуриинского поселкового совета. Вот такое было оказано доверие Павлину Ивановичу. Теперь черед административных должностей длилась уже на новом уровне. Он руководит коммунальным отделом завода, затем — административно-хозяйственным, директорствует в рабочем клубе... Наконец, назначен начальником снабжения на Кабанский медный рудник Кушвинского района. Как написал в одной из анкет

Павлин Иванович, «работая на разных административно-хозяйственных должностях в порядке выдвижения, получил навык к самостоятельной руководящей работе». Я же, в свою очередь, проследившая его трудовой путь, сделала вывод, что, как только где-то появлялась брешь в делах, туда на прорыв бросали Кожина.

В марте 1942 года Кожин в очередной раз выдвинут начальником отдела сбыта, потом — директором подсобного хозяйства, где и работал до апреля 1943-го. К этому времени в его жизни случилось много перемен. Он женился на первой в городе красавице Любови Васильевне Долотовой, медсестре, впоследствии работавшей в верхнетуриинской зоне немецких военнопленных. Стал заботливым отцом пятерых детей... А шла Великая Отечественная,

и в этой войне каждый календарный год был отмечен гибелью его братьев. Старший — Петр — дослужившись в армии до звания майора, пропал без вести 5 августа 1941 года. В этом же году, 2 декабря, погиб под Москвой старший сержант Василий Кожин, призванный на службу в 1938-м. Брат Анатолий воевал с начала войны и погиб в 1942-м. Самый старший — Алексей — не вернулся из боя в 1943-м.

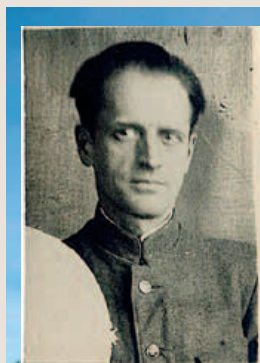
Можно ли представить боль, что жгла тогда сердце Павлина Кожина? И он подает заявление о зачислении в состав Уральского добровольческого танкового корпуса. Попастъ туда было непросто. Но фронтовик Александр Скрябин в своих воспоминаниях написал, что партийное бюро рекомендовало именно его, «П. Кожина с Верхнетуриинского».

4 апреля 1943 г. Павлин Кожин зачислен в Уральский добровольческий танковый корпус. А в ноябре этого же года гвардии младший сержант Кожин получает из рук первого командира корпуса Г.С. Родина свою первую награду за рукопашный бой — медаль «За боевые заслуги». Этот момент запечатлел на фотографии военный корреспондент. А в наградном листе за подписью командира 30-й моторизованной бригады полковника Смирнова сказано: участник боев 24.09.1943 г. на Орловском и Брянском направлении, представлен к награде «за ликвидацию угрозы выявления группы капитана Низового, в уничтожении немецкого шпиона у дер. Стародумки, и доставку донесения из д. Долбылино в штаб бригады».

Как коммунист, он и здесь, в рядах РККА, состоял членом партбюро батальона, занимал офицерскую должность секретаря политотдела 29-й гвардии мотострелковой Унечской ордена Ленина Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого бригады и прошел боевой путь от Орла до Берлина и Праги.

За выполнение боевых заданий командования на фронтах Великой Отечественной войны гвардии старший сержант Павлин Иванович Кожин награжден орденами Красной звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги». Имел благодарственные грамоты за подписью маршала Советского Союза Конева и командующего 4-й гвардейской танко-

вой армии гв. Генерал-лейтенанта Лелюшенко. В его красноармейской книжке записано 26 благодарностей т. Сталина за непосредственное участие в боях.

Вот что писал наш герой о Великой Победе в письме другу 27 мая 1945 г.: «7 мая я преодолевал самую непреодолимую местность, чтобы скорее ворваться в г. Прагу. Но все вышло по-другому. Объявление об окончании войны застало нашу часть в лесу. Вы не представляете, что в этот момент было. Во-первых, это разнеслось мгновенно. Крики «ура», и все, кто имел оружие, давали салюты, а после они превратились в сильную канонаду и пуск разноцветных ракет. Трассирующие пули и снаряды ночь превратили в день, это продолжалось в течение двух часов. После этого спокойно разожгли костры,

и группами, солдаты и офицеры, обменивались мнениями — кого что ожидает после войны. Всенародная мечта, в том числе и моя, сбылась. Я побывал в Берлине и Праге. Когда мы проезжали по городам и селам Чехословакии, то народ встречал нас очень приветливо. Нельзя было оставаться среди толпы — всюду тебя тащат в квартиру, угощают вином, пивом, дарят цветы».

После демобилизации Павлин Иванович вернулся домой в Верхнюю Туру, работал на Верхнетуринском заводе. И за мирный труд также награжден медалями.

Семейное счастье длилось недолго, жена умерла в 1946-м, воспитывать детей помогала ему мать, бабушка Катя. Был он строгим, требовательным отцом, но в то же время добрым и заботливым. Любил ого-

родные дела, все посаженное им выросло. При его активном участии в средней школе №19 (тогда №7) был создан и открыт музей. Участвовал в проведении общегородских праздников, был замечательным комментатором любых соревнований. Да и сам любил спорт: играл в футбол за Верхнюю Туру, на коньках бегал, кстати, этот вид спорта был развит в 50-е годы в нашем городе. И детям своим передал любовь к спорту: сын Юрий работал тренером по лыжам в Нижнем Тагиле, Владимир играл в хоккей с шайбой, теперь его внук Андрей Кожин продолжает спортивные традиции семьи — был капитаном городской взрослой команды «Молния» по хоккею с шайбой.

Умер Павлин Иванович Кожин 5 августа 1973 года, похоронен на городском кладбище Верхней Туры. **✪**

◀ Михаил Злоказов. После окончания училища в звании лейтенанта служил в Ульяновске, а в 1941 году уже старшим лейтенантом Михаил попал под Гомель.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Евгений Студенников

Родился в с. Воздвиженка Каслинского района. Учился на токаря в Каслях, работал там на машзаводе, выпуская гранатометы для Вьетнама, потом — на предприятии Челябинска-70 (г. Снежинск). С молодости увлекся историей родных мест. Слушал и записывал рассказы старожил, в том числе бабушки Е. М. Васильевой, пожившей еще «при помещике». Собирает предметы быта, фольклорный материал, старые фотографии, изделия домашних промыслов. В городской газете «Вестник» открыл и вел рубрику «Истоки». Сотрудничает в «Южноуральской панораме», «Каслинском альманахе» и снежинском «Свет памяти», местных газетах. Живет в Снежинске.

Занимаясь родословиями, часто общаюсь с горожанами. Однажды пришел к Вячеславу Николаевичу Горюшкину и разговорился с его женой Маргаритой Герасимовной, урожденной Злоказовой.

Партизан из рода Злоказовых

Началась эта история с заметки в газете «Челябинский рабочий» за 1967 год. Д. П. Амелин из города Борисполя Киевской области писал, что разыскивает первого командира партизанского отряда имени Щорса Михаила Герасимовича Злоказова, о котором ему только и известно, что он с Урала. Откликнулись многие, в том числе и Маргарита Герасимовна. Но одно письмо поставило точку в поиске: ее брат, Павел Герасимович, прислал фото Михаила, и его узнали товарищи по отряду.

Михаил родился третьим ребенком из шести в 1919 году в горо-

де Касли. Жили на улице Лазарецкой, 72 (ныне Дзержинского). В 30-х годах его отец, Герасим, с тремя братьями переехал на ст. Силач на разработку мрамора. Его резали на кубы финскими машинами и опраивали по всей стране (одна из станций Московского метро облицована этим мрамором). Мать Михаила, Мария Васильевна, говорила, что сын был он самым аккуратным, ласковым, добрым. Начиная с 6 класса, в летние каникулы работал сначала на лесоразработках, потом с другими ребятами на мраморном карьере. Они со-

всегда был защитником детей, они любили его за ловкость и смелость, взрослые — за доброту, отзывчивость, а девчонки... те просто сохли по нему.

Учился Михаил сначала в железнодорожной школе, потом перешел в «Никельскую» №5 (сейчас средняя школа №2). В 1938 году, окончив девять классов, девятнадцатилетний юноша поступил в Томское артиллерийское училище. Валентина Алексеевна вспоминает, как она с гордостью сопровождала Михаила в прогулках по Уфалею, когда он приезжал в отпуск в военной форме. Городок был тогда небольшим, военные были в диковинку, и ее переполняла радость: «Вот какой у меня брат!»

После окончания училища в звании лейтенанта служил в Ульяновске, а в 1941 году уже старшим лейтенантом Михаил попал под Гомель. Последнее письмо от него родные получили в июне 1941 года. Он просил их писать чаще, напоминал о сложной международной обстановке. Но уже началась война. Злоказов командовал артдивизионом. В боях под Гомелем часть попала в окружение, многие бойцы оказались в плену.

Увы, сетовал в письме Д. П. Амелин, «даже номер части, в которой служил ваш брат, мне не удалось установить». Но он узнал многое

бিরали окол мрамора для выжигания извести. А двоюродная сестра Михаила, Валентина Алексеевна из поселка Аракуль, вспоминает: «Брат много читал, особенно на героические темы о чекистах, военных, разведчиках». Мечта стать военным жила в нем с детства, и он упорно стремился к ее воплощению. Был очень спортивным, любил играть в футбол, волейбол, занимался бегом, лыжами. На лацканах его пиджака теснились значки БГТО, ГТО, ПВХО, ГСО и др.

В школе ставили самодеятельные спектакли, и Михаил часто играл в них главные роли. В 1937 году впервые нарядили елку, появился Дед Мороз — в белой шапке, тулупе, борода из ваты. Вдруг борода загорелась от свечки, Дед мороз выбежал на улицу и упал лицом в снег, получив ожоги. Это был Миша. Школа на Силаче была «двухлетней». Окончив ее, дети уезжали учиться в Уфалей, живя на квартирах, на выходные возвращались домой. Миша

▲ Сестра
Михаила Злоказова
– Валентина
Алексеевна.

► Ветераны войны
на братской могиле
в селе Старом.

◀ Младший брат Михаила Злоказова – Александр.

другое. Эшелон с пленными шел в Германию через Киев. На станции Фастов, километрах в ста от Киева, Михаилу удалось бежать. Шел на восток к линии фронта, но до нее было далеко. Стояли жестокие декабрьские морозы 1941 года. Остановился в селе Ковалин Переяслав-Хмельницкого района. Зашел в дом к учительнице, которая приняла его. Однако полицаи быстро разузнали о пришельце. Благо, были они местными и женщине удалось упротить их оставить его в покое, мол, утром уйдет. А сама нашла ему новое пристанище. В мае 1942 года полиция вновь выследила Михаила. Его схватили и сдали в местный лагерь военнопленных. Здесь вновь нашла его учительница Надежда Максимовна Гич, состоявшая в одной из подпольных групп. Поддерживала, носила еду, чтобы не погиб от голода. В сентябре 1942 Михаил вновь совершил побег, и снова его приютила Надежда Максимовна.

А в феврале 1943 года состоялась, как писал бывший начальник разведки партизанского отряда имени Н. А. Щорса Григорий Зиновьевич Карелин, совещание представителей подпольных групп близлежащих сел. Было принято решение создать партизанский отряд. И в марте группа смельчаков из пяти человек провела первую боевую операцию, положив начало партизанской борьбе. Первым командиром быстро пополнявшегося отряда, названного по имени героя Гражданской войны Н. А. Щорса, стал Михаил Злоказов. Под его руководством совершались дерзкие рейды, наносившие огромный ущерб врагу, который вынужден был отвлекать от фронта большие силы регулярных войск и боевой техники. Михаил был прирождённым организатором, смелым, решительным в действиях, координировал работу своего неуловимого отряда так, что фашистам не удавалось его уничтожить. Внедрялись

в него провокаторы, но их просчитывали. Местные оккупационные власти несколько раз посылали карательные экспедиции, но и они возвращались ни с чем. Сам командир был рискованным, пренебрегал мерами предосторожности, не берёг себя. 6 июня 1943 года, неожиданно наскочив на засаду карателей, Михаил Злоказов погиб. Тела его и другого партизана, сопровождавшего Михаила, фашисты сбросили в овраг. Третьему, Алексею Белокопю, удалось, будучи раненым, скрыться в лесу. Он и рассказал в отряде о гибели товарищей.

В семью пришло извещение о пропавшем без вести сыне, но отец не мог согласиться с этим. Он сам, по рассказу Маргариты Герасимовны, в германскую был в плену, но вернулся, выжил. Значит и сын должен вернуться живым и невредимым.

Партизанский отряд Щорса действовал до 22 сентября 1943 года – до дня соединения его с частями 8-го гвардейского танкового корпуса действующей армии. Именно тогда тела всех погибших партизан и подпольщиков (в том числе М. Злоказова) были перезахоронены в братской могиле возле села Старого на высоком месте, откуда видны днепровские дали, леса, озера. На могиле установили памятник с фамилиями павших и их фотографиями. Среди них и М. Г. Злоказов. Здесь и побывали 9 мая 1968 года родственники Михаила, братья, сестры из Тулы, Троицка, Снежинска. Не смогла приехать только мать героя. Им оказали горячий прием, накрыли стол на открытом воздухе. Были речи, воспоминания. Один из ветеранов, увидев Павла, до слез удивлялся, как они с братом похожи. Другой брат, Александр, много раз потом приезжал из Тулы, а с Уралом Амелин вел переписку. Сюда писала из Одессы спасительница Михаила Н. М. Гич. Переписка с Амелиным оборвалась с его кончиной, не успел он написать свою книгу воспоминаний. Именем Злоказова названа улица одного из украинских сел. В городе Уфалее, в музее и школе, Злоказову посвящены уголки истории. Писали о нем каслинская газета «Красное знамя», «Уфалейский рабочий». [3]

Непростой камешек

Давно это было. Знаете деревеньку Токаревку, что затерялась на правом берегу Исети? В те времена была она большой и славилась своими умельцами. Рассказывают, золотые руки были у них.

Возле самой Исети родник хрустальный по сей день бьет, не кончается. Вода в нем в самую жару такая студеная, аж зубы ломит. Вдоль берега луга шелковистые, цветастые плавно скатываются к реке. Напротив, на левом берегу, — камни голые, буро-красные, стоят и вдаль смотрят. А если выше подняться, то встретит вас прохладой настоящий уральский лес, где среди сосен кудрявятся березы да осины, заросли боярышника, рябины, малины.

Шел однажды с рыбалки по тому каменистому бережку парнишка один именем Иванка. Шел босой и поранил ногу об острый камень. Кровь выступила. Присел он, сорвал возле тропинки лист по-

дорожника, помусолил и приложил к ранке, крепко прижал.

Тем временем высоко на берегу сидела дева лесная и любовно смотрела на другой берег. Правилась ей Токаревка. Когда гостила в этих лесах, всегда приходила сюда полюбоваться деревенькой. Увидела пораненного Иванку, жалко его стало и решила ему подарочек сделать — пусть порадует парнишка.

Иванка сидит да ждет, когда кровь-то перестанет из ранки сочиться. А она и перестала. Сорвал мальчик большой лист лопуха, обернул им ногу да перевязал длинным вьюнком, будто бечевкой. Глядь, а рядом лежит необычный камешек. Приглянулся он ему. Взял в руки, рассматривает: цветом

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Галина Яровенко

По профессии биолог. Окончила Дагестанский гос. университет. Печаталась в журнале «Веси». Живет в Каменске-Уральском.

красного кирпича, полупрозрачный и с ровными белыми прожилками — словно их по линейке чертили. Славная находка! Положил в карман да и стал спускаться к лодке, чтобы переправиться домой.

Дома разобрал улов Иванка. Мелкую рыбешку бросил коту Прохору, а остальную отнес мамке уху варить. Посмотрел на пораненную ногу, а ранки-то как не бывало!

Отправился мальчик в сарай к старому отцовскому верстаку и принялся кораблик мастерить. На полке уже стояла целая флотия,

а этот получился самый удачный.

Утром снова отправился он рыбачить, и так здорово сегодня рыба ловилась! Возвращаясь домой, нарезал вязанку ивовых веток, очистил от листы да и отправился к лодке. Отец научил его большие корзины плести — в хозяйстве вещь нужная.

Дома сразу принялся Иванка за корзинку, пока прутья не высохли. Получилась легкая да красивая — в самый раз сестренке под ягоды. После побежал к дружкам и гурьбой отправились на Исеть ку-

пать. Плавали наперегонки, ныряли — кто больше под водой проплыл. На берегу на одной ножке прыгали — воду из ушей вытряхивали.

А как стемнело, полезли в огород к деду Даниле. Жил старый один на краю Токаревки. Днем трудился в огороде, вечером напивался браги с соседом, вместе песни пели. А когда сосед уходил, дед заваливался и храпел до утра. Ребяшня только этого и ждала — полезли в дедов сад-огород. Веток не ломали, рвали ранетки и за пазуху заталкивали. С большими животами вылезли украдкой за забор — и айда бегом к роднику. Там наелись досыта. Не беда, что ранетки были кислющие.

Вернулся Иванка домой, глядь, а камешек-то вроде не такой нарядный. Почему-то потускнел и прожилки какие-то серые да неровные, не то, что были раньше. Необычным это показалось мальчишке.

Утром от мамки получил нагонный. Оказывается, дед Данила ходил по дворам и срамно ругал токаревскую ребятню, что Мамаем прошлась по его яблоньке. Мамка сразу смекнула, что ее чадо тут замешано, и дала ему трепку, чтобы было неповадно. А Иванка божится, что не его это рук дело. За вранье мамка не пустила сына со двора.

Дружки, наверно, уже на Исети, а он взаперти сидит. Достал

свой камешек. Что такое? Во все нехороший он сделался — такой бы Иванка не подобрал, нет в нем никакой красоты. Смышленный был мальчик, догадался: «Что-то тут не так, — думает, — от воровства да от вранья зачах непростой камешек. А когда дела хорошие делал, так и камешек хорошел. Ничего, — решил Иванка, — завтра снова пойду на зорьке рыбачить, а вечером дяде Леше помогу лодку смолить — тогда посмотрим».

И правда: вечером следующего дня направился камешек — опять стал чистый, прозрачный, с ровными белыми прожилками. Смекнул Иванка, что от хороших дел камешек заветный интереснее с каждым разом становится и везенье ему во всем от него получается. Выходит, друг дружке польза и удача.

Взял Иванку отец на сенокос, и ни разу дождик не пошел. А дождик-то сенокосу большая помеха. Поехали они с отцом корзины на базар продавать — все до одной у них раскупили, такого раньше никогда не бывало. И по ребячьим делам стал Иванка вроде жоака. Раньше, когда они не ладили с ребятами из соседней Байновой, в победителях всегда были байновцы. Теперь удача отвернулась от них. Пришлось бывшим задавалам стать мирными да покладистыми.

Иванка был добрый мальчик. Началась уборка урожая, и он старался ко всем в Токаревке зайти да удачу принести. Камешек-то всегда при нем! Токаревцы его «везунчиком» прозвали. Рассказывают, что из окрестных деревень за «везунчиком» приезжали и просили родителей отпустить сына для устройства важного дела. Нет, отец никак не соглашался — мало ли что может с сынком приключиться, худых людей на свете много.

Про камешек Иванка никому не говорил — боялся завидок, никому не показал — украдут еще втиха-

ря. Уж больно красивый он сделался, будто драгоценный стал: прозрачный, карминового цвета, а прожилки стали блестящими. Носил его всегда при себе Иванка. Счастливо жизнь прожил: в родной Токаревке среди исетской красоты, среди близких с детства людей. В жены сестру дружка закадычного взял, трудился всегда в удовольствие. Что еще человеку надо? Это и есть счастье, так ведь?

Ну а почему Токаревка зачахла? Может, камешек тот заветный потерял Иванка или уехал наш «везунчик» в другие края? Кто знает, давно это было, поди разберись. **✪**

Дева-птица

Сон Павды

Продолжение. Начало в №1, 2013

Стояла над рекой звездная июльская ночь 1728 года. Река неслышно и бесплодно спала в своих зеленых берегах. И увидела вдруг, как на раскисшей от дождей рудничной колее, летом вовсе непроезжей, заскрипела-зажулькала кибитка и остановилась. Чертыхался возница. Видно, потерял в темноте государев тракт и за Кырынским погостом свернул на зимник конжаковских рудокопов.

Кибитка сколько-то времени сонно молчала. Потом скрипнула дверца, и в темноту выбралась из нее женская фигурка. Девушка постояла, кутаясь в черный убрus, и направилась к невысокому береговому откосу.

«Мы, знать-то, сбились с дороги, — без страха думала Марья, шагая по росной траве. — Да здесь река! А звезд-то сколько в нее упало!..» — Марью зябко передернуло под убрusом.

Павда молчала. Реке в диковинку была здесь женщина, и река любопытно слушала ее. А берег вдруг наполнился тревогой.

Почему именно здесь, на берегу этой пустынной и неведомой ночной реки, явилась Марье во всем отчаянии ее девическая планида? Сначала в беспечные 15 лет — она невеста юного польского графа... Едва минул год, а уж у нее просит руки 12-летний царь, и она — помолвленная царская невеста. В отцовском дворце каждый ее каприз стерегут гофмейстер, камергер, камер- и статс-фрейлины, лакеи, гайдуки, пажи, придворные певчие, конюхи и гребцы... С ней ли было все это? Куда и почему сгинуло теперь? Чьей живой игрушкой была она? Нет матушки — упокоилась в дороге на казанском погосте. А батюшка, светлейший князь, почти что тесть и регент малолетнего царя, теперь в шутовской собольей шапке трясется в повозке рядом с медным котлом, кастрюлями и дюжиной оловянных блюдов. Генералиссимус в вогульских обутках. Говорят, сентябрь в Березове — уже зима. Что ждет ее в неведомой Сибири?

Марья подошла к краю и бесшумно глянула вниз. У самого обрыва, как в котле, кипела-кружилась черная вода и маняще перемигивались звезды.

«Ступить всего один шаг, даже полшага... Она одна. Кибитка пуста. Солдат-возница? Ему не до нее. Может, это судьба? Может, ее подтолкнул сюда Всевышний? Упасть и стгнуть. И светить кому-то, как вон те звезды. Ведь только шаг...».

Предупреждая этот шаг, река вдруг на мгновение замерла-остановилась — не кипела, не текла вода, не мигали отраженные в ней звезды. Черной твердью обернулась река. Мария вздрогнула и отпрянула от края. С криком объятого ужасом ребенка она бросилась прочь от реки, запинаясь в сырой траве, и черный убрus, концом зажатый в кулачке, вился за нею следом. А навстречу уже неслись голоса — ее искали, обнаружив пустую кибитку.

Река опять текла. И словно бы легкое свечение возникло на берегу и обрело облик девы. То ли парила, то ли шла она. Едва заметно на ее пути высвечивались поочередно кусты, ветви, клочки обрыва.

«У нее, — Дева-птица кивнула вслед убегавшей девушке, — еще будет толика счастья. А тебе... — рукой-крылом коснулась она воды. — Ты будешь стражницей, берегиней этой дороги и этой югры. Ты вспомнишь то, чего и не было с тобой. Все временное утечет, а ты, умеющая быть твердью, будешь вечно...».

Сказала и сгинула Дева-птица.

С той неожиданной ночной встречи с Марьей Александровной Меншиковой на ее пути с семьей в последний Березовский приют обрела река живую нескудеющую память. Как тени, столпились вокруг нее былые люди-события, выстраиваясь в ее памяти в последовательную цепочку, и достигли наконец того предела, когда почти незримо тень обретает плоть и становится днем сегодняшним.

Она «вспомнила» то, чего не могла знать и видеть. Как шел и метил

Рисунок Александра Морозова

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юний Горбунов

▼ Поселок Павда с высоты птичьего полета.

по тайге дорогу усольский крестьянин Артемий Бабинов, как мостил и торил ее потом до Троицкого камня и далее.

А только-только замостилась Бабиновка, приняла государев статус и заработала, как пошли по ней за Камень люди невольные, кандалники. Кажется, первыми были высородные бояре Иван Никитич, а потом Василий Никитич Романовы, фамилия коих упрямо домогалась и в конце концов достигла вершины российского престола. Еще полвека спустя узрели здешние края и первого бунтаря против Никоновых церковных реформ — протопопа Аввакума, который со всей своей семьей проследовал в Тобольскую ссылку. В сороковых годах того же XVII века шел по государевой дороге с невеликой своей командой землепроходец Семен Дежнев — метить русскими верстами Крайний Север Сибири.

А вот и январь 1666 года. Дороге чуть больше семидесяти лет — мо-

лодая. И едут по ней кибиточной кавалькадой из Москвы в Сибирь 46 иностранных офицеров, принятых на русскую службу. Который-то, из немцев, ведет дорожный дневник, аккуратно отмечает места ночевки и смены подвод — ямы. Дает короткие характеристики участков дороги.

Судя по этому дневнику, ни Павдинской заставы, ни, естественно, самое Павды в 1666 году еще не было. Мало того, и Бабиновка-то в этих краях не шла. Она пересекала водораздел (Камень) чуть правее и выходила прямо к верховьям реки Ляли. Шагала по ее берегу, а потом, минуя изгиб реки, идущий к нынешнему поселку Павда, выходила к «четырем татарским юртам» (ныне пос. Юрты) и пробиралась через густой холмистый лес к деревушке Мелиховой, состоящей тогда тоже из четырех дворов.

Не шел, выходит, Артемий по павдинскому берегу и павдинской водицы не отведал.

Дорога, как река, тоже была капризна в своем течении. Как посчитали позднее, Бабиновка не только меняла свое «течение», но и удлинилась до Верхотурья на чертову дюжину верст — видимо, в интересах удобства продвижения.

Кого же еще проводила пытливым огиадем дорога в ее допавдинское время? Едва ли не в паре со светлейшим князем Александром Даниловичем Меншиковым с семейством ехал в сибирскую ссылку военный инженер Абрам Петрович Ганнибал, ошастливленный в истории родством с великим Пушкиным.

В 1733-м проехал по Бабиновке, а потом и через всю Сибирь до Камчатки мореплавател капитан-командор Витус Беринг, отправляясь в свою Вторую Камчатскую экспедицию.

В сороковых годах пришла очередь курляндского дворянина, графа Эрнеста Иоганна Бирона и одного из «птенцов» гнезда Петрова Бурхарда Миниха. Оба стали жертвами дворцовых переворотов, были обречены на казнь, замененную, однако, далеким Пелымом.

Да кто не шел, кто не трясся на корневницах вековых деревьев по тракту Артемия Бабинова! Другой дороги в Сибирь теперь не знали.

Но какой же интерес привел дорогу к будущей Павде-берегине? Привел интерес заводской, производственный. Лялинскому медеплавильному заводу, что стоял вблизи селения Караульского, надобилось сырье. Поблизости рудные запасы скоро иссякли, и неутомимый Влас Коптяков с пятью сыновьями, поощряемый обербергамтом, начал искать руду в округе. Подфартило сыну Ерофею. Нашел богатую жилу летом 1727-го как раз на отрогах Павдинского кряжа. Взбодрились горные начальники и на радостях освободили Ерофея от рекрутчины.

Только было разохотились добытчики, настроили себе шалашей, избу для зимних нужд, сарай для складирования, как грянули ранние сентябрьские снега и стужи. Отложили добычу до весны. А весной 1728-го обнаружилось, что пришли в негодность оставленные здесь запасы муки и крупы. А тут и жила медная возьми да сгинь. Сколько шурфов ни били — идет пустой и твердый камень. Словом, и павдинское медное месторождение не долго кормило завод.

Теперь пришел черед другого сына — Сидора. Медная жила открылась ему на самом Конжаке, выше Павдинского рудника. Посланный бергмейстер, осмотрев новую коптяковскую находку, сделал вывод, что она «работы достойна», «идет шахтою вглубь и в гору благополучно». И полезли на Конжак рудокопы — приписные крестьяне и колодники. Руда в копечку вставала. Добыть не просто, а спустить с горы к дороге да на завод санной тягой доставить — еще мытарнее. Но голь на выдумку хитра: придумали устройство для спуска руды с горы. Летом добывали — зимой везли. Шла та дорога на юг и за деревушкой Кырьей сворачивала зимником на восток — больше ста верст с горы до завода. По два рубля за сто пудов доставленной руды приходилось платить вознице.

Еще один коптяковский отпрыск — Федор — об руку с казачим сыном Иваном Макаровым разведаль с горы дорогу на 23 версты короче, по ровному болоту, летом вовсе не проезжому.

Вот на этот зимник конжаковских рудокопов и свернула с Бабиновского тракта в июльскую ночную непроглядь кибитка княжны Марьи Меншиковой. А поскольку

ку этот участок дороги был ближе к рудовозному спуску с Конжака, то его и обходили позднее, подняв Бабиновку от верховьев реки Ляли к бассейну реки Павды. Теперь государева дорога тоже, сколько могла, на Лялинский завод работала.

А чтобы путник ту своротку со старого участка на новый ненароком не миновал, поставили на Марьиной оплошке Павдинскую заставу. Как выразился позднее ученый путешественник Иван Лепехин, «первое мытарство едущих в Сибирь из российских городов купцам». Здесь, на Заставе, коротали теперь государеву службу караульщики да ямщики.

Но не судьба была Лялинскому медеплавильному обрести надежную сырьевую базу, как ни радели о том Влас Коптяков с сыновьями. Чем выше в горе открывались им медные жилы, тем труднее та руда руками давалась. Смерти начались в руднике и побегу. А очередной смотритель доносил, что «в один день ни трех пуд не добудется». Продлился «век» Лялинского медеплавильного только 18 лет. Память о нем хранит денежная плата екатеринбургской чеканки 1725 года. На квадратной монете вырезана надпись: «Первая из меди Верхотурских и Лялинских заводов, ко-

торые строены при воеводе господине Беклемишеве».

Сдается мне, что Дева-птица держала завод и казала «коптякам» руду только для того, чтобы пришел тракт Артемия к реке Павде и встало на его обочине стражником времени селение — Павда-берегиня. Тридцать лет спустя в девяти верстах от заставы в сторону Верхотурья приглядел место для своего завода, заводского поселка и храма ушлый виноторговец Максим Походяшин.

А что же княжна Марья? Обрела ли она в березовском плену свою толику счастья, которую нагадала ей Дева-птица?

Оказывается, еще в пору дворовых помолвок был у нашей княжны суженый. Руку свою по воле отца отдавала она державным женихам, а сердце неделимо оставляла молодому князю Федору.

Историю их взаимной любви бережно и трогательно донесла до нас только народная молва, которая, надо сказать, ничем не менее достоверна, чем летописи, составляемые лукавыми дьяками в угоду своим великим князьям и царям.

Так вот по воле Божьей возлюбленным княжны Марьи оказался сын князя Василия Лукича Дол-

горукова, успешного дипломата и фаворита нескольких королевских особ, начиная с Петра Великого и кончая Анной Иоанновной. В угождении царям он подчас успешно соперничал с Меншиковым и наконец выжил его с насиженного места. Был образован, владел несколькими языками, но, как писал о нем его испанский коллега-посланник, «способен был на все по корыстолюбию». Словом, он и «светлейший» — два придворных сапога пара.

Сына своего, похоже, что единственного, готовил он к высокой карьере и для начала отправил учиться корабельному делу в Голландию. Туда и донесся до Федора слух об опале Меншиковых и ссылке их в далекий Березов. Как же возликовало тогда сердце молодого князя! Опала — конец дворцовых интриг и державных капризов. Оковы помолвок рухнули незримым прахом. Не только сердце, но и рука его возлюбленной свободна! И Федор из Амстердама ринулся в Березов. Такого резвого и нетерпеливого седока не знала еще наша Бабиновка.

Семейство Меншиковых встретило его ликованием. А Марья так просто расцвела и готова была броситься князю на шею — не оставить возлюбленную в беде не высший ли это знак любви...

В Березове «светлейшего князя» было не узнать. В нем воскрес и заявил себя богоусердный труженик. Вспомнив свое умение владеть топором, он об руку с горожанами срубил для семейства дом, а рядом с острогом вместо ветхой церквушки поднял новую — во имя Рождества Пресвятой Богородицы, оснастил иконами, жемчугом украшенными, и прочим дорогим обиходом. В той церкви и были тайно помолвлены княжна Марья и князь Федор.

Санкт-Петербург, Амстердам, неистовые интриги при дворе Анны Иоанновны Долгорукова-старшего, которого в скором времени ждала не только опала, но сама ее величество плаха — все это было теперь так далеко от возлюбленных, гораздо дальше географических верст.

Ровно год длился миг любви, нагданный Марье Девой-птицей на павдинском берегу. В 1729-м скончался на руках дочерей, сына и зятя много-

грешный Александр Данилович. Меншикова погребли в ограде, им же выстроенной церкви.

А Марья в тяжелейших родах решилась двойней. Наверно, это был последний лучик счастья, заглянувший в ее оконце. Роды она не перенесла, не выжила и двойняшки...

Сто лет спустя в поисках забытой могилы «светлейшего» по указке старожила березовский городничий раскопал одну из безвестных могил. Открылись сначала два гробика младенцев. Они стояли на крышке домовины в виде колоды из кедра, недоступной для воздуха. Крышку подняли, и княгиня Марья явилась взором в полной своей нетленности и белизне лица. На голове шапочка из шелковой алой материи, на ногах башмаки с высокими каблуками...

По чьему-то недогляду гроб простоял открытым целый летний день. Тело княгини почернело и предалось тлению.

Могилу князя Меншикова бестрепетно подмыла и унесла с собой река. Его прах пошел на корм лакомой у российских царей сосвинской сельди.

А могила княгини Марьи жива в Березове и по сей день. **УС**

СПОРТИВНАЯ СЕКЦИЯ БОЛЬШОЙ ТЕННИС

Для детей от 5 лет и взрослых

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР
Верх-Исетский

ул.Кирова, 71

тел:(343)242-78-52 www.vizsport.ru

Антон Карташев: ПОД ПСЕВДОНИМОМ «Уральский»

Иллюстрации предоставлены автором

«Служение православного народа – служение, входящее в план Божественного мироправления; оно имеет вечное значение. Измена ему есть колебание основ законов Вселенной».

А. В. Карташев

История маленького города Кыштыма, казалось бы, уже изучена вдоль и поперек. Что там каких-то 255 лет в масштабах вечности? Но нет, откуда-то из небытия всплывают открытия, факты, судьбы. Герой нынешней публикации из их числа. Он был личным другом Дмитрия Мережковского, Зинаиды Гиппиус и Мариэтты Шагинян. По его предложению великого русского писателя Ивана Бунина номинировали на Нобелевскую премию. Одни его называли «апостолом Святой Руси», другие – масоном... Сейчас его знают как историка русской церкви, но его имя еще только «возвращается» из эмиграции...

Антон Владимирович Карташев родился 11 (23 июля) 1875 года в Кыштыме – точность формулировки прослеживается исключительно во всех источниках, связанных с его именем. Его дед был крепостным рабочим, но благодаря своим способностям и упорному труду стал управителем завода. Отец, родившийся в 1845-м, оставался крепостным до 16 лет. После освобождения он быстро пошел в гору, стал волостным писарем, земским гласным и кончил жизнь членом земской управы. Семья переехала в Екатеринбург. Это был большой город, в котором одних только церквей пятнадцать, много образовательных и культурных учреждений: классическая и женская гимназии, реальное, духовное и горное училища, четыре библиотеки. Выходили три газеты.

Екатеринбург пребывал также резиденцией епархиального архиерея епископа Нафанаила (Леандронова), который был из вдовых протоиереев и очень любил детей. Он заметил прилежание Антона и его готовность служить православию. Именно Нафанаил указал семье на то, чтобы сын поступил в духовное училище. Это решение оказалось счастливым и необычным для рабочей семьи, ибо в Екатеринбурге были реальные альтернативы и светского образования.

«Карташевы были туляки, вывезенные на Урал для работы в рудниках. Они принадлежали к тем крепким, даровитым русским людям, которых не могло сломить даже крепостное право. На них созидалось россий-

ское государство, – пишет исследователь Николай Зернов. – Это они строили восхитительные деревянные церкви русского севера, ценили и заказывали высокохудожественные иконы, понимали и свято хранили ту московскую культуру, которую загнал в подполье царь-маньяк Петр Алексеевич. Однако Карташевы не были старообрядцами. Они упорно хотели «выйти в люди», понимали ценность образования, вместе с тем они не отрывались от родной почвы, оставаясь патриархальной, православной семьей, чтившей Царя-Освободителя».

Как подчеркивается в автобиографии А. В. Карташева, «Пафосом семьи было «выйти в люди» путем образования. Позади была тьма крепостной зависимости, в настоящем – радость свободы, и в будущем – светлые надежды на лучшую жизнь в свете «просвещения». Александра II боготворили, как «нашего» Царя-Освободителя. Александра I не иначе называли, как Благословенным, за то, что «нас» хотел освободить».

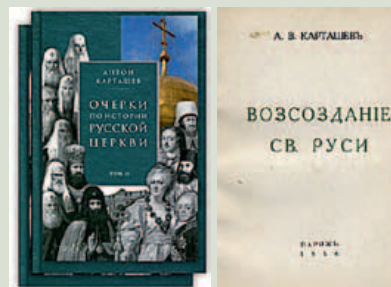
Крестили Антона в день рождения, причиной тому была высокая детская смертность. Еще в юности он был зачарован красотой церковных служб. В возрасте 8 лет был посвящен в стихарь и до конца своей жизни пел на клиросе. «На вопрос: что главное в Антоне Владимировиче? – пишет еп. Кассиан (Безобразов), – я отвечу одним образом: церковь Сергиевского подворья, и в ней Антон Владимирович, восьмидесятилетний, на клиросе студенческого хора. Регент, из студентов одного

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Ольга Рудакова

Выпускница УрГУ, предприниматель, журналист, издатель. Инициатор и постоянный автор двух кыштымских газет: «Рождественский вестник» и «Нескучный город». Живет в г. Кыштыме Челябинской области.

из недавних выпусков, еще совсем молодой, знает, что Антон Владимирович приходит раньше других и не пропускает никогда».

В 1894 году Карташев блестяще окончил Пермскую семинарию и был отправлен на казенный счет в Петербургскую духовную академию. После успешной защиты в 1899 году был оставлен профессорским стипендиатом кафедры истории русской церкви. С этого же момента он становится юридически свободным: по специальному ходатайству Академии Карташев особым постановлением Кыштымского волостного правления был вычеркнут из списков податного сословия и освобожден от уплаты крестьянской подати.

Карташев был очень популярен среди студентов. Как вспоминал его ученик Н. Веритин: «На устах у поступавших в Академию чаще всего были две фамилии: известного всей Европе «глубокой глубиной» глубоковского и устремленного к горным высотам Карташева. С высокой худощавой фигурой, с тонким, бледным, аскетическим лицом, внешне в профиль напоминавший Гоголя, он весь был сама одухотворенность. Его не только уважали, но и любили».

Начало XX века характеризовалось широким интересом интеллигенции к проблемам русского православия. Во всех крупных городах России создавались религиозно-философские собрания и общества. Антон Владимирович стал председателем такого общества в Санкт-Петербурге. Он активно сотрудничал в журналах по вопросам церковной истории и общественно-политическим проблемам, выступая в духе церковного реформаторства. Печатался под псевдонимами «Уральский», «Романский», поскольку открытые печатные выступления во внецерковной прессе без ведома церковных властей не допускались. Вскоре об этом стало известно Синоду. Ректор Академии Сергей (Страгородский), будущий советский патриарх, в частной беседе тактично предложил или оставить публичную деятельность, или

▲ Вид на Свято-Троицкую церковь.

◀ Антон Владимирович Карташев.

уйти из Академии. Карташев предпочел общественную деятельность и стал уже открыто публиковаться в газетах. Свою преподавательскую стезю он продолжил на Высших Женских (Бестужевских) курсах.

Однако, пребывая в стенах духовных учебных заведений, он, по словам исследователя С. Бычкова, так и не принял ни пострига, ни сана.

Временное правительство назначило А.В. Карташева прокурором Синода. Но только 10 дней он был носителем должности, которая символизировала подчинение церкви власти монарха. Его первым актом было переименование своей должности в министра исповеданий. Всю свою энергию новый министр сосредоточил на скорейшем созыве Собора. 15 августа на его долю выпала честь приветствовать собравшихся в Храме Христа Спасителя и от лица Временного правительства начертать программу взаимоотношений между церковью и государством, основанных на сотрудничестве и внутренней независимости. Но большевистский переворот изменил ход истории: Карташев вместе с другими министрами оказался в Петропавловской крепости. Правда, его выпустили под обещание «не оказывать открытого сопротивления советской власти». Вспоминая впоследствии события того периода, Карташев отмечал: «Все другие деяния Временного Правительства погибли и рассеялись как дым. И только одно его дело — внутреннего освобождения церкви, даже под внешним порабощением большевиков, — устояло. Под эгидой Временного Правительства и с его помощью Русская Православная Церковь вернула себе присущее ей по природе пра-

во самоуправления по его каноническим нормам. Государственное Учредительное Собрание не удалось и было разогнано большевиками. А Церковное Учредительное Собрание (т.е. первый Поместный Собор), благодаря сочувствию Временного Правительства, успело собраться и сделать свое главное дело: восстановить канонический строй церковного самоуправления с патриархом во главе».

С 1920 года и до конца своей жизни он жил в Париже, участвуя в церковно-общественной и политической деятельности эмиграции. Стал одним из основателей и преподавателей Богословского института при Сергиевском подворье, преподавал историю церкви, Ветхий Завет, еврейский язык. Был редактором и издателем еженедельника «Борьба за Россию», считая коммунизм «чистым злом».

Итогом научной деятельности Карташева стали богословско-исторический трактат «Воссоздание Святой Руси» и фундаментальный труд «Очерки по истории Русской Церкви». Специалисты оценивают его как «лучший на сегодняшний день обзор русской церковной истории в контексте общеисторического развития. Именно Карташев замечает цепочку церковной академической мысли XIX — середины XX вв., ибо после него пока не создано нового всеохватывающего труда по церковной истории, вышедшего под одним авторским именем».

Умер Антон Владимирович 10 сентября 1960 года в Париже, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. **УС**

АКТЕРСКАЯ ШКОЛА —

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Лев Эглит

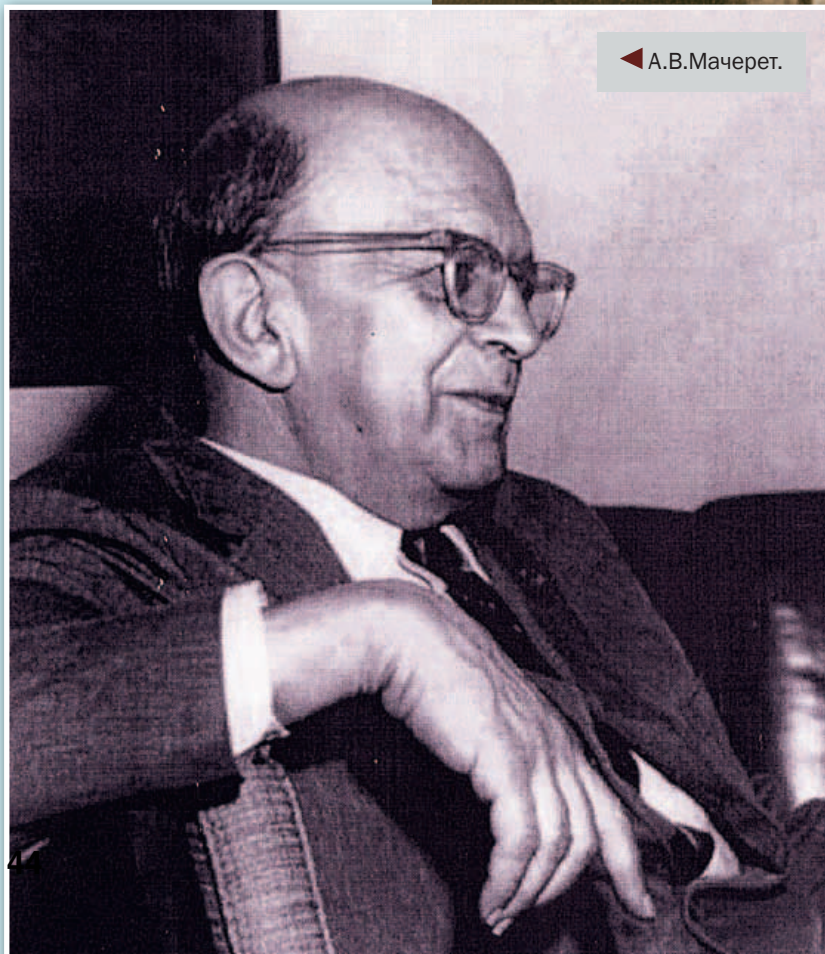
В 1966-м окончил киноведческий факультет ВГИКа, работал на Ростовской-на-Дону студии кинохроники. С 1970 года — на Свердловской киностудии, редактор объединения научно-популярных фильмов. Один из зачинателей, ныне заведующий музея Свердловской киностудии.

Иллюстрации из фондов Музея
Свердловской киностудии

◀ А.В.Мачерет.

▲ Сцена из учебного спектакля «Беда от нежного сердца». Слева направо: Н.Бадьев, С.Богомолов.

Тыловой Свердловск той поры. На совсем молодой киностудии под руководством Александра Ивановича идут съемки первого художественного фильма «Сильва». Повсюду звучат светлые зажигательные мелодии Имре Кальмана. Кинорежиссер Народный артист РСФСР Ярополк Лапшин вспоминал: «... В суровом октябре 1944 года, после окончания института, я прибыл на Свердловскую студию. Через несколько дней, чуть освоившись, я позвонил художественному руководителю Школы киноактера Заслуженному деятелю искусств РСФСР Александру Вениаминовичу Мачерету и представился ему. «Так где же Вы пропадаете, дорогой мой? Я просто жажду видеть Вас. Немедленно прихо-

ЖЕРТВА «МАЛОКАРТИНЬЯ»

**1944 год. Еще идет война.
Но уже в воздухе носится:
победа будет за нами.
Большинство центральных
киностудий пока
работают в эвакуации.
Но уже строятся планы
на послевоенное
восстановление
кинопроизводства.
А для этого потребуются
творческие кадры.
История потом внесет
свои поправки. Но тогда,
в 1944-м, организуются
Школы киноактера
в Алма-Ате, Ташкенте,
Тбилиси, Киеве и
в Свердловске.**

он поставил такие художественные фильмы, как «Дела и люди» (1932), «Частная жизнь Петра Виноградова» (1935), «Родина зовет» (1936), «Болотные солдаты» (1938), «Ошибка инженера Кочина» (1939).

В дальнейшем А.В. Мачерет был несколько лет научным руководителем Госфильмофонда СССР. Огромный опыт Александра Вениаминовича, его большую эрудицию, искренность, увлеченность — все это чувствовали студенты Школы киноактера. Подготовка актеров велась на основе теоретического наследия К.С. Станиславского. Директором Школы был режиссер Наум Дукор. Его брат режиссер Яков Дукор преподавал. Я.Л. Лапшин и жена А.В. Мачерета актриса А.И. Лютова сначала ассистировали Мастеру, а потом стали и ведущими педагогами. Технику речи вела многоопытная Гаяне Аветовна Гушманова, танец — солист Театра оперы и балета Николай Орешкевич, общеобразовательные предметы — педагоги университета. Учебную часть возглавлял критик и историк кино Эдгар Михайлович Арнольди.

Обратимся снова к свидетельству Ярополка Леонидовича Лапшина: «... Вообще в школе вопреки обстоятельствам сурового времени царил дух творчества, дружбы, оптимизма. Студенты активно уча-

дите! Гостиница «Большой Урал», номер — сто девяносто. Немедленно!» А.В. Мачерет оказался седым, энергичным человеком с красивыми выразительными глазами. Разговор был длинным... В итоге встречи А.В. Мачерет предложил мне работать с ним, ассистировать ему в Школе киноактера... Так со студенческой скамьи ясел за преподавательский стол...».

Школе киноактера было выделено приличное помещение — весь отсек, где позднее размещалась редакция художественных фильмов киностудии. Учебный процесс был хорошо организован, занятия шли регулярно и без срывов. Душой школы был А.В. Мачерет, видный советский режиссер, кинодраматург и теоретик кино. До войны

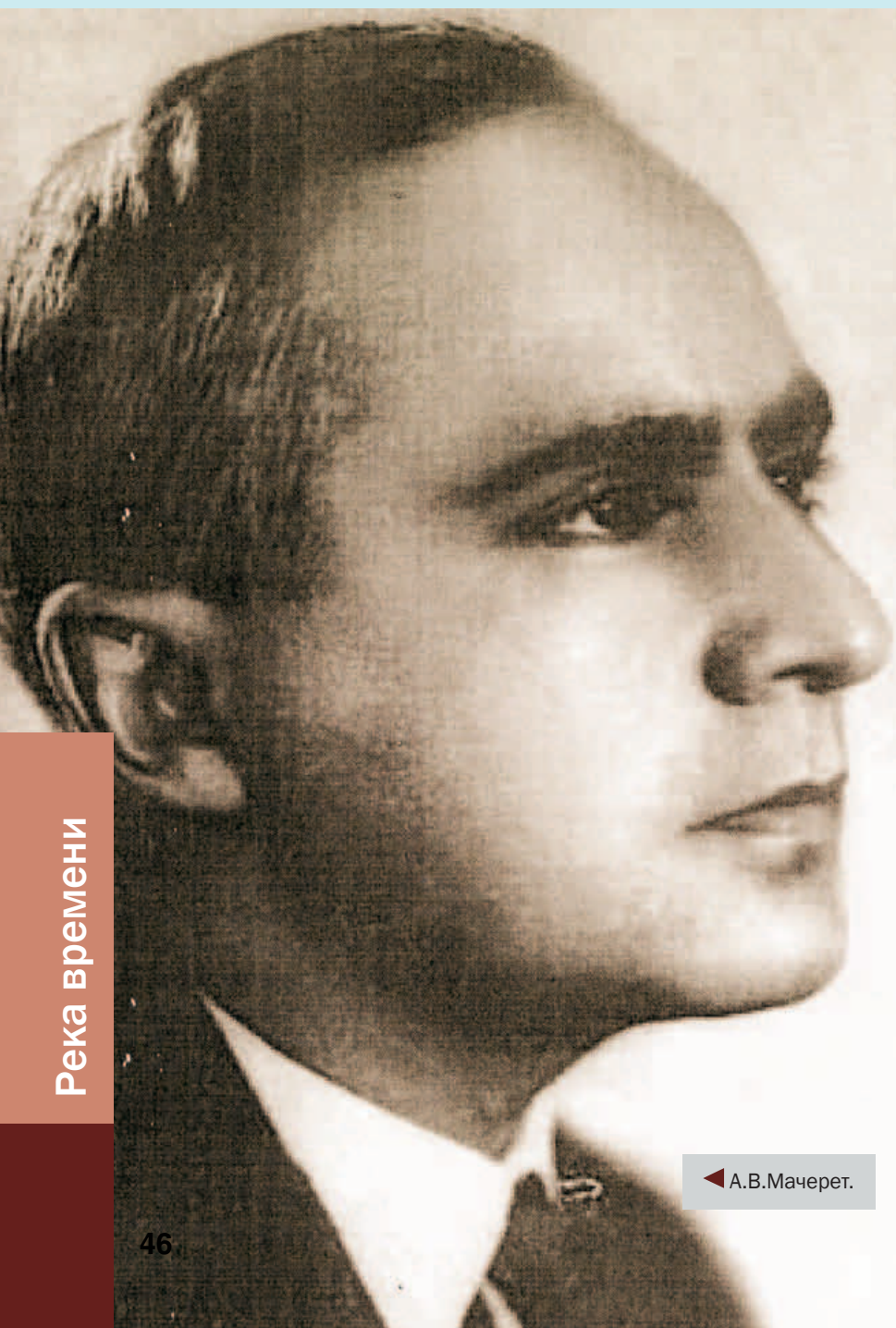

ствовали в жизни киностудии — снимались в эпизодах и групповых сценах, непременно украшали праздничные вечера, демонстрируя певческие и танцевальные способности, юмор...»

В 1947 году студенты Школы киноактера держали творческий экзамен в Москве. Газета «Уральский рабочий» 3 августа 1947 года писала: «Государственная экзаменационная комиссия Министерства кинематографии СССР приняла выпускные дипломные работы студентов первого набора Свердловской школы киноактера. Показ работ проходил в Московском государственном театре киноактера. На просмотре присутствовали Министр кинематогра-

фии СССР тов.Большаков, члены коллегии министерства, ведущие творческие работники советской кинематографии. Выпускники показали 2-й акт пьесы М. Горького «Последние», старинный русский водевиль В. Сологуба «Беда от нежного сердца» и концертную программу... Все выпускники получили хороший отзыв. Четыре студента: Николай Бадьев, Сергей Богомолов, Кларисса Горбатенко и Нина Чалова — заслужили отличную оценку. Первый выпуск школы составит ядро актерского штата Свердловской киностудии художественных фильмов».

К сожалению, «актерскому штату» не суждено было состояться. К концу 1940-х годов «подули ветры

◀ А.В.Мачерет.

▲ Сцена из учебного спектакля «Беда от нежного сердца». 1947-1948 гг.

эпохи малюкартинья». В стране резко сократилось производство художественных фильмов. На Свердловской киностудии оно прекратилось вплоть до 1956 года. И как следствие этих процессов — в 1948 году была закрыта Свердловская школа киноактера. По мнению Я.Л. Лапшина, говорить о вкладе Школы в киноискусство страны не приходится — ее выпускники попали в «жернова малюкартинья». Но следует отметить: многие выпускники Школы киноактера достойно служили искусству в разных его сферах. Это Народные артисты России, мастера нашего Театра музыкальной комедии Нина Энгель-Утина и Николай Бадьев. Ведущей актрисой Ленинградского театра музыкальной комедии была Марина Сафонова. На вол-

◀ Кларисса Горбатенко. Проба из кинофильма «Крылатые кони».

нах радио и телевидения мы слышали голоса известных дикторов Тамары Останиной и Сергея Богомолова. Л. Седова исполнила одну из ролей в художественном фильме Свердловской киностудии «Алмазы» (1947). Иван Уфимцев стал режиссером киностудии «Союзмультфильм». Константин Дерябин в качестве режиссера снимал научно-популярные фильмы на нашей киностудии. Галина Брылякова играла на сцене Драматического театра в городе Березники. Писательницей стала Эльза Бадьева. В нашем городе хорошо знают фотокорреспондента Игоря Пашкевича и художника Петра Евладова...

«Труды и дни» Свердловской школы киноактера не пропали даром. **VC**

УРАЛЬСКИЙ **снегоньм** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоньм** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоньм** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоньм** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

Майский экстрим

25-26 мая

Подробности на сайте:
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоньм** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоньм** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоньм** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоньм** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоньм** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоньм** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www.uralstalker.com
ISSN 0134-241X

май 2013

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

АНАТОЛИЙ МАТВИЕНКО
Главная тайна КГБ

50

68 **Координаты чудес**

АЛЕКСАНДРА ДАВЫДОВА
Экстренное торможение

68

74 **Координаты чудес**

ЕКАТЕРИНА КОНОН
Цветок Папоротника

74

80 **Повод для улыбки**

ВИТАЛИЙ ВАВИКИН
Нанобум

80

Главная тайна КГБ

Пролог

Он пришёл по вызову в точно назначенную минуту. Знакомый голос в телефонной трубке принадлежал человеку, служившему в советские времена начальником отдела в Первом главном управлении КГБ СССР. Такие люди сохраняют влияние при любом режиме. О том, чтобы не послушаться, и речи нет.

Роскошный зал ресторана «Егоркино» ничуть не напоминал аскетические кабинеты с неизменным портретом Дзержинского, в которых их общение происходило три десятка лет тому назад. Но пыточные подвалы подошли бы лучше. Обвинение, которое он услышал, тянуло даже не на исключительную меру. Скорее всего, на вечное проклятие и пребывание в самом жарком котле преисподней.

— А ты когда-нибудь задумывался, что явилось главной причиной развала Советского Союза?

Инженер потрясённо посмотрел на грозного визави. Неужели, прояви он в 1982 году чуть больше благоразумия и не завалился со злополучными фотографиями в Кафедральный Собор, великое государство существовало бы до сих пор?

А начиналось всё безобидно и даже несколько скучно.

Глава первая

Вовчик не любил Комитет государственной безопасности. Нет, его родственников не репрессировали и не записали в диссиденты за крамольные мысли.

Анатолий Матвиенко

Родился в 1961 году в Минске, где проживает и поныне. Юрист, кандидат наук, служил в МВД следователем, потом — преподавателем вуза. Участвовал в боевых операциях по усмирению армяно-азербайджанского конфликта в 1989–1990 г. Занимался бизнесом, но с 2000-х годов работал по найму в IT-фирме. В 2011 году получил проблему с позвоночником, слёг на полгода, отчего начал писать. Первый роман «Инкубатор для вундерваффе» вышел в 2012 году, осенью — его продолжение «Восточный квест». Любимым собственным произведением считает роман «Аэропланы над Мукденом» (ИДЛ, февраль 2013). В издательстве ЭКСМО выходят две серии автора — «Тайная Москва» и «Наше оружие».

Благодаря кристальной чистоте биографии и звонку маминых знакомых он благополучно распределился после университета.

Пожилой кадровик, явный выходец из органов, протянул Вовчику пропуск и неодобрительно посмотрел на новичка. Недоучка в джинсах с надписью на языке враждебного государства не подходит для работы в оборонке. «Присмотрю за тобой — подумал бывший опер, — при первом подозрении — вон!»

Как и большинство военных предприятий радиоэлектронной промышленности, номерной завод избражал производство гражданской техники. Поэтому молодого специалиста, свежешуапшего на завод по распределению, отправили в лабораторию, в основном занимавшуюся проектированием бытовой аппаратуры.

Он вышел из отдела кадров и пересёк заводской двор, обходя многочисленные лужи. Октябрь, дожди, а его родной город — далеко не Туапсе. Хотя госэкзамены сданы в июне, три месяца молодой жизни отняли военные сборы, где Вовчик с умеренной старательностью изображал будущего артиллерийского офицера.

Заведующий лабораторией, некрупный мужик с характерными красными прожилками на лице, представился как Михалыч и принял молодое пополнение с восторгом.

— Орёл! Каких бойцов наш радиофизфак готовит!

— Извините, конечно, но я физический факультет закончил, — проямлил новобранец, не ожидавший столь мажорной встречи.

— Ёпть... А хотя бы паяльник знаешь за что держать?

— Ну да. Радиолобитель я, со школы.

— Радиодетали тырить будет, — угрюмо просипел Фомич, старший член маленькой команды, занимавший самый дальний стол. Из-под него выглядывали коричневые носки внутри заношенных сандаликов, никак не вязавшихся с дождливой осенью. Их обладатель выглядел существом, опоздавшим в жизни — на месяц с переменной обуви или вообще на много лет.

— Без паники, чему надо — научим, — солидно и оптимистично заявил молодой парень, на год старше Вовчика. — Привет, меня зовут Роман.

— Для тебя радость, да, Ромочка? — прошелестела некрасивая девушка, какие идут на мужские специальности, чтобы выскочить замуж при половом соотношении двадцать к одному. — Теперь ты не самый младший.

— Кстати. С тебя проставка — в коллектив вливаешься. Ждём до аванса. А пивком — уважь. Тем паче

как молодому за пивом тебе бегать, — Фомич порылся в кармане потёртых штанов, извлёк медной мелочью двадцать четыре копейки, опомнился и кинул их обратно. — Чего это я? Новенький же ставит.

Рома вручил Вовчику как переходящее красное знамя авоську с трёхлитровой банкой, уточнив:

— Вова, проблемка есть. Раньше мы трое по литру брали, слоик выходил. Теперь ищи тару на четыре литра.

— Я вообще-то не очень...

— От коллектива отбиваешься, в него не вступив? — с деланной угрозой в голосе спросил Михалыч. — На самом деле, без литра пива крыша едет. А водку на рабочем месте глушить не позволю. Мы — секретная лаборатория режимного предприятия. Дуй в стекляшку за гастроном и не торопись, дай отстояться.

Вахтёр на проходной даже пропуск не спросил. Юная физиономия студента, пустая трёхлитровая банка в сетке — что может быть обыденнее?

Пивбар не пустовал, несмотря на первую половину дня. Вовчик занял очередь за работягами и такими же, как он, гонцами с банками, пропитываемая запахами скисшего пива и неизменной рыбки на закуску. Как-то в детективном романе о шпионах он читал, как советский разведчик назначил встречу со связным в пивном баре в Берлине и за бокалом пива передал ему секретные инструкции КГБ. Вовчик огляделся. Интересно, у фрицев такой же интерьер? За ближайшим высоким столом расположились два мужика. Один отхлебнул из кружки четверть и вновь долил её до краёв водкой, второй стучал сухой воблой по грязной и липкой столешнице. Стекляшка — потрясающее место для шпионов. Никакое ЦРУ не заподозрит, что здесь произойдёт встреча рыцарей плаща и кинжала.

Сосед присосался к водочно-пивному коктейлю. Вовчик вспомнил из уроков истории, что в пивбаре началось восхождение Гитлера к власти. Очевидно, в таком неприятном месте ничего хорошего не происходит.

Семьдесят две копейки, уплаченные за три литра, пробили дыру в рублёвом дневном бюджете, составленном из расчёта девяносто две копейки за комплекс в заводской столовой и два раза по четыре за талончики в троллейбусе. Остатков хватило на кефир и микроскопическую булку.

Больше не произошло решительно ничего, достойного упоминания. Три заслуженных инженера усвоили «Жигулёвское», юниор оприходовал кефир и булку, сполоснув бутылку, чтобы сдать. В оставшееся до семнадцати часов время он листал старые подшивки журнала «Радио» и с толпой отработавших смену заводчан зашагал к дому.

В этот день, который государство ему оплатит как полноценный рабочий, исходя из месячного оклада сто десять рублей грязными, Вовчику не открылись ни тайны мироздания, ни секреты оборонного сектора, даром что оформлен допуск. Скорее осозналось давно известное и очевидное, но непрочувствованное. Жизнь после окончания вуза потеряла прежний смысл, а нового нет.

Молодым специалистом он стал. Благодаря протекции не сослан в среднюю школу учителем физики. А дальше? Лаборатория обозначила потолок. Самый высоко взлетевший в ней — завлаб Михалыч, тихий алкоголик на окладе с премией в общей сложности сто шестьдесят пять рублей и никакой перспективы.

Хотелось большего. Не только денег, не всё ими мерируется. Чего-то возвышенного. Такого, о чём мечтали у костров и палаток, горланя смелые романтические песни.

Полёт души не убила производственная практика в НИИ на пятом курсе. Вовчик надеялся, что даже на заводе найдётся место для духовного и творческого. Например, изобрести какую-нибудь фигню для ракеты, чтоб американцы боялись и думать о нападении на мирный Советский Союз. Получить за это государственную премию и путёвку в Пицунду. Серые будни лаборатории, смесь запахов пива, табачного дыма и паяльной канифоли — самое то для романтики.

Осталась одна отрада — музыка. Тяжеловесный магнитофон «Юпитер-202», на который откладывались заработки с двух стройотрядов, принял бобину с лентой, из колонок полилась АВВА. Музыка унесла вдаль, заполнив мир вокруг и отложив проблемы выживания на заводе в долгий ящик.

Вовчик пришёл на работу на следующее утро с намерением постепенно подобрать детали и сваять стереоусилитель, а за полгода скопить на акустические системы S-90, лучшие в СССР. Но радиолобительство его настигло в другой форме.

— Принимай заказ. Бытовая стационарная радиода, длинные и средние волны, проигрыватель на тридцать три оборота, один динамик на два ватта.

— Монофоническая? Прошлый век! — удивился Вовчик.

— Не твоя печаль, — пожал плечами Михалыч. — Заявка на разработку согласована в министерстве. Дерзай.

Неоперившийся инженер уединился в закутке, перечитал техническое задание и внезапно понял, что ему тоже необходимо выпить литр «Жигулёвского». За творческим поиском его застал Роман.

— А-а, каменный топор изобретаем. Знакомо. Мне тоже пришлось.

— Как же ты выкрутился?

— Элементарно, Ватсон, — Рома взял в руки листик с заданием. — Смотришь старую подшивку журнала «Радио», находишь такую же древность, лишь бы не ламповую. Потом берёшь схему, перебираешь, заменив пару мелких деталей. Ну, конденсаторы в цепях питания увеличь.

— Ромка, а в плагиате не обвинят?

— Шутишь? Наоборот, похвалят за унификацию технических решений. Готовую схему дай Машке, пусть оформит красиво. У неё почерк отличный, к сожалению, на этом её достоинства заканчиваются.

Роман зря придирался к единственной даме. После обеда она проявила талант политинформатора, рассказывая о сложном международном положении вследствие нападков империалистов на СССР из-за ограниченного советского контингента в Афганистане. Мужчины потягивали принесённое Вовчиком пиво, на чём, собственно, закончился второй рабочий день.

Глава вторая

Секреты КГБ появились на третье утро. Михалыч, заметно добавивший после «Жигулёвского», взгреб юное дарование за поспешное исполнение бумаг по магнитоле.

— Торопливость — признак невнимательности. Хорошо, что оно у меня месяц валялось, пока ты на глаза не попался.

Завлаб куснул рыбку и вытер руку о халат, столь пятнистый, будто его владелец был химиком и орудовал едкими веществами, а не радиоприборами. Брюки, заполнившие пространство от халата до пола, выглядели куда аккуратнее, выдавая незаурядные старания михалычевой жены. Поправив настроение килькой, босс продолжил.

— Ладно. Вижу, ты парень неплохой. Пора подключать тебя к главному. Дуй в спецчасть и тащи

материалы с 37-214 по 37-217. Будешь с ними работать.

Ничегошеньки не понимая, Вовчик расписался в большом прошитом и пронумерованном журнале спецчасти. Оставив за спиной бронированное окошко, похожее на пулемётное гнездо в ожидании вражеской атаки, он принёс четыре папки шефу.

— Ну-ка, ну-ка. Опять ничего интересного. Дуй к Фомичу, он объяснит, как отписываться от КГБ.

Растерянный молодой специалист приземлился на стул возле опытного инженера, который увлечённо паял что-то мелкое и стопроцентно неслужебное. Присмотревшись, Вовчик опознал внутренности японского транзисторного приёмника, корпус которого валялся рядом пустой скорлупой.

— Гхм...

— Чего тебе?

— Да вот, Михалыч дал какие-то схемы секретные.

— А-а, — протянул Фомич и подтвердил. — Ничего интересного.

Отложив документы, пожилой умелец воткнул в разём батарейку «Крона» и что-то замерил авометром в японских внутренностях.

— Ты ещё здесь?

— Думал, вы подскажете.

— Что тут думать, — Фомич с лёгким раздражением повернулся и приподнял очки. — Пиши: благодаря разведанным воспроизведена технология квантового фазоинверторного дуплексного микроволнового ревербератора, которая внедрена... ну, скажем, в тепловизорных устройствах наведения ракет на Белый дом.

— Это же бред! Как такое писать в официальном, тем более секретном документе?

Инженер откинулся в кресле и соединил пальцы на пивном животике, снисходительно посмотрев на коллегу.

— А для чего документ секретят? Правильно! Чтобы его никто не читал. Думаешь, секретарша в КГБ, которая подошьёт твой ответ в папку и запрет навсегда в самый секретный бункер, хоть в чём-то разбирается?

— Тогда зачем?..

— Хороший вопрос. Если верить вражеским голосам, разведка КГБ трудится во всех странах мира. Представляешь, какой огромный объём информации она добывает? Понятно, что по первости они сами сортируют, важное откладывают. У них здоровенное подразделение есть, которое перерабатывает научно-технические результаты. А что делать с остальным? Знаешь, сколько народных средств затрачено, чтобы ты мог прочесть эти листики? — он шлёпнул пятернёй по папкам. — И я не знаю. Много. На выходе имеем пачку фотокопий всяких схем, обычно с обрезанными краями, которые ни по элементной базе, ни по характеристикам советской электронной промышленности не нужны.

— Снова не понимаю.

— КГБ не может ошибаться, так? Кто-то получил медаль за эти схемы. Списана прорва денег. Героический майор Пронин насмерть загрыз вражескую овчарку на переходе границы. А ты считаешь — нужно похерить подвиг бойцов невидимого фронта? Тебе повезло.

— В чём же?

— Под эксперименты со схемами КГБ можешь показать и списать почти любые детали, только не наглей. И мне высокочастотный малолшумящий транзистор нужен, — Фомич указал на приёмник. — На наших КТЗ15 он плохо работает.

— Простите, но как я объясню, что для этой схемы нужен высокочастотник? Тут и близко нет подобных деталей.

— Ну ты тупой, студент. Тебе ясно сказано — секретные материалы уйдут в ба-алшшой сейф. Кто проверит? Что себе хотел спаять, усилкок?

— Да.

— Все здесь с них начинают. Выбериай схему усилителя и пиши заявку на детали для экспериментов по заданию ГБ. Через месяц отрапортуешь об успешном ревербераторном инверторе. Маша поможет оформить. Госбезопасность тобой довольна. Чем плохо?

В таком напряжённом трудовом ритме прошёл первый месяц. К его концу Вовчик повторно принёс готовый проект радиолы и натужно спросил завлаба, неужели это дерьмо пойдёт в серийное производство.

— Малец, с дуба рухнул? У нас непрофильное предприятие. Заявка была от завода «ВЭФ» или, там, «Электрон». Они конкурс объявляют. Представляют заодно свой проект, содранный с какого-нибудь «Панасоника» под нашу элементную базу. Пишут мощность не два, а десять ватт. Министерство с умным видом разбирается и утверждает их схему. Все довольны.

— Михалыч, скажи честно, мы вообще хоть что-то полезное делаем или только бумажки пуляем?

— Вовчик, тебе аванс выплатили? Естественно. Я по проставке помню. И зарплату выдадут. Государство нами довольно. Или ты самый умный, которому больше всех надо? Иди и не отсвечивай.

За год молодой специалист привык к подобной жизни. Он моментом сочинял отписки от вала бумаг, падавших по линии Министерства или КГБ, списывал и присваивал детали, паял из них на работе усилители для вокально-инструментальных ансамблей, цветомузыкальные приставки и автомобильные сигнализации. Платы выносил в пластиковом бидоне под пиво, в корпус их монтировал уже дома. Коллеги посмеивались. Ремонтными импортной техники, которую везли фарцовщики, но не обслуживали совет-

ские ателье, инженеры зарабатывали куда больше. А особенно хорошо паялось под пиво, пусть и мутное «Жигулёвское».

У Вовчика появилась девушка. Какие-то карманные деньги, личная жизнь, танцы на дискотеках и любимая музыка из нового магнитофона «Олимп» в совокупности создали терпимую моральную атмосферу, в которой он был готов существовать долгие годы. Но тут вмешалась госбезопасность.

Очередной привет от Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка) получился необычно толстым. Несмотря на халяву с радиодетальями, «деды», включая Ромку, дружно откосили, опасаясь нужды в слишком долгом бумагомарании под статью объёму секретных документов. Обе папки достались Вовчику.

Одна папка содержала замысловатую схему, сложнее транзисторного телевизора. Она даже Фомича заинтриговала.

— Гляди. Со входа сигнал попадает на многоступенчатый усилитель высокой частоты. О-па, какие маленькие номиналы в LC-контурах. Штука должна работать на частотах свыше гигагерца. Затем идёт преобразователь и на выходе формируется видеосигнал для обычного кинескопа. СВЧ-подглядыватель. На входе, я так понимаю, стоит что-то типа радиоантенны. Но для чего нужна огромная частота, не могу взять в толк. Сопутствующего описания, естественно, никакого?

— Как всегда.

— Ладно, и ты действуй без особой выдумки. Раз схема целая, без отрезанных кусков по краям, их спецы наварняка мозги сломали, к нам заслали «для галочки».

Глава третья

Фомич как в воду глядел.

Через неделю после оптимистичного рапорта об успешных испытаниях и внедрении «фотонного ви-

зуального преобразователя» в лабораторию вступил товарищ в штатском, чей внешний вид и манеры не оставили сомнений в профессиональной принадлежности.

— Я хочу увидеть инженера, написавшего отчёт по материалам 605-й папки, — заявил посетитель.

— Догадываюсь, откуда вы, но позвольте удостоверение, — засуетился Михалыч и правильно сделал. Иначе чекист мог запросто накатать телегу, что секретные документы показали лицу, не установив его личность и полномочия. Тем более что посетитель оказался целым полковником.

Среднего роста, с незапоминающимися чертами лица, но при этом властный, светящийся приобщённостью к некоему сакральному знанию и возвышающийся над простыми смертными, гэбист перепугал Вовчика до коллик.

— Скажите, Владимир, вы действительно собрали установку по этой схеме или... как обычно?

Инженер затравленно глянул на завлаба. Тот прикинулся ветошью, остальные поделщики демонстративно нырнули в свои дела. Кого принесут в жертву, можно не спрашивать.

— Я жду ответ.

— Понимаете, я не уверен, что все детали...

— Иными словами — нет.

Вовчик сокрушённо опустил плечи.

— Знайте, отправляя сюда этот проект, наш сотрудник рассчитывал, что вы подтвердите невозможность запуска данной схемы. Поставив «галочку», что на стороне опыт не удался, дело списали бы в архив. Но вы отрапортовали, что всё удалось, и вы даже отправили аппарат на внедрение для наблюдательных систем подводных лодок. Знаете, у кого на контроле стоит это поручение?

Завлаб перестал дышать, а Вовчик мысленно представил себе коридорный стенд «Члены Политбю-

ро ЦК КПСС». Брежнев и Андропов вполне соответствовали интонации, с которой гэбешник произнёс «у кого». Впрочем, сразу вспомнить многочисленный и постепенно вымирающий ареопаг невозможно без литра пива.

— Что теперь делать? — просипел Вовчик.

— Предъявить работающий образец. Срок — десять дней.

Воцарилась тишина. Чуть потрескивал паяльник на столе у Романа.

— Не выйдет, — хмыкнул Фомич.

— Пахать всем и по ночам! — рявкнул полковник, не взирая, что пятеро инженеров не были его подчинёнными.

— Да хоть без выходных. Я видел ту схему. На советских полупроводниках она работать не может, — сегодняшнее пиво легло на «после вчерашнего», и Фомич не вполне понимал, кому противоречит.

— Что ещё вам советское не нравится, гражданин? — в голосе разведчика лязгнуло эхо от замков тюремных дверей.

— Мы на партсобрании или дело обсуждаем? Нужны кремниевые транзисторы, которых наша промышленность не производит.

Гэбист нахмурился до предела. Казалось, вокруг него разразится гроза и начнут бить молнии. Он попробовал взять себя в руки и внести конструктив.

— Что, деталек каких-то не хватает?

— Многих. Если схему поднять из спецчасти, можно составить список.

— Вечером список мне на стол! Не представляете, с чем решили шутить.

Хлопнула дверь. Завлаб вылез из щели, проявившись как фотобумага в ванночке. Ромка восхищённо сказал:

— Ну ты и смел, Фомич! Так им и надо, сатрапам!

Начальник изобразил взятие ситуации под контроль.

— Володя, срочно носи из спецчасти папки. Потом гони в стекляшку по новой, сегодня долго думать будем.

Чисто машинально Вовчик расписался и за вторую стопку секретных бумаг с безобидным растробом, отнёс их в лабораторию, спровоцировав мозговой штурм.

— Мужики, а давайте соединим плату телевизора «Горизонт» с блоком от осциллографа? Он какую-нибудь хрень точно на экран выведет. Усиленные шумы, там.

— Не, Ромка, опасно, — возразил ветеран. — Они могут прибор на исследование взять. Как увидят, что схема не та — пиши пропало. Пусть вообще не шевелится, но чтоб похоже на добычу штирлицев. Да, Михалыч?

Завлаб кивнул рано лысеющей гловой.

— Молодёжь! В три пары рук быстро выписать номенклатуру радиоэлементов. Количество увеличить в два раза, а то спалите, звери, при монтаже, и полковник меня съест за просрочку. Фомич, с тебя макет печатной платы.

— Транзисторы и диоды? — уточнила Маша, демонстрируя знание хотя бы двух терминов.

— Нет, дорогая, пассивные элементы тоже. У наших точность, вы же знаете, плюс-минус трамвайная остановка, — понизив голос, Фомич добавил. — Потом распаяем игрушку и пустим детали на ремонт японских телевизоров.

Неделю с рабочего места заслуженного инженера доносился приглушённый мат. Не слишком отчётливая фотокопия монтажной платы из той же секретной папки 37-605 помогла незначительно. Фомич упростил задачу, притащив на работу сгоревший те-

левизор «Электроника», оживил его за полчаса и приделал видеовход. Половина иностранной схемы отпала за ненадобностью. Но и после обрезки нужно было разместить сотню резисторов, полстолька конденсаторов, десятки дросселей и полупроводников.

Напуганный шухером Михалыч заставил Вовчика воплотить в жизнь и другую добычу парней с чистыми руками у горячего сердца. Четырёхгранная пирамида содержала светочувствительные элементы и контроллер. Детальки оказались столь же экзотическими, но случайно нечто подобное уже фигурировало в сверхсекретных экспериментах по заданию ГБ. Вовчику отсыпали пригоршню крохотных диодных линеек с восьмьюдесятью ячейками и контроллерами. Убив два дня, парень укрепил шестьдесят линеек на текстолите и укрыл их жестяным конусом, вырезанным из банки от венгерского зелёного горошка «Глобус». Советский Союз ценой колоссальных затрат и серьёзного риска от раскрытия агентуры получил действующую модель электронной камеры-обскуры с разрешением картинки тридцать на сорок. Весь коллектив не смог толком придумать, куда рекомендовать к внедрению средневековое оптическое изобретение на дорогущей современной элементной базе.

Через месяц с видом злого Деда Мороза полковник принёс коробки с тщательно ободранными наклейками.

— Три дня, чтобы спаять и наладить!

Взоры устремились на Фомича, признанного авторитета в деле сопротивления карающим органам.

— Товарищ, у нас даже монтажная плата не готова.

— Вы совсем охренели?! Забыли, с кем имеете дело?

— Без деталей в руках невозможно правильно разметить печатную плату, — сочувственно вздох-

нул Фомич. По большому счёту, с низовой должности на радиозаводе его никуда не турнут, а если даже уволят, с такими руками и опытом не пропадёт. Напротив, с полковничьей должности можно падать далеко и больно, это понимал даже Вовчик. — Знаю, вас давит начальство. Но быстрее не получится, даже если сам Леонид Ильич сюда явится.

— Не терять ни секунды! — рывкнул полковник и исчез.

— Лучше бы пузырь пообещал, — ухмыльнулся диссидент и вскрыл коробки.

Как явствовало из находившихся внутри бумажек, детали закупались в США, Западной Германии и Швеции.

— Что, в США их не купить в одном магазине? — наивно спросил Вовчик.

— Слишком дёшево ценишь разведку, — усмехнулся Михалыч, крутя в пальцах затейливый транзистор, похожий на яркого жука о трёх лапках. — Закупка в одном месте выдаст врагу информацию, для чего КГБ нужна эта шляпа. Секретность, понимаешь.

— Коллеги, а может, ради такого нам машинное время выделяют? — Вовчик смело глянул в недоумённые глаза рыцарей паяльника. — Чтобы не вручную плату считать, а на счётно-вычислительной машине? Я слышал, в соседнем корпусе она целый этаж занимает.

Когда в комнате стихло ржание, Михалыч вытер глаз и с сожалением ответил:

— Что за молодёжь пошла! Ромка и то быстрее освоился. Вовчик, почему до сих пор не въехал? ЭВМ стоит для показухи. Знаешь, сколько мы будем бить дырки в перфокартах, чтобы машина посчитала?

Глава четвёртая

Фомич оказался оперативнее машины. Через неделю он опустил в ванночку с хлорным железом одну

из двух спроектированных им печатных плат. Она была тринадцать на восемнадцать сантиметров, по размеру фотованночки. Крупнее не водилось, потому что платы большего размера трудно выносить через проходную завода.

Полковник звонил не менее двух раз в день, практически ежедневно прибежал. К намеченному дню первого включения на удивление успокоился. Быть может, сидящий над ним генерал укатил в командировку в какую-нибудь ГДР.

Изделие №605 гордо возлежало на деревянной крышке упаковочного ящика. К деревяшке были прикручены: телевизор «Электроника» с экраном в пачку «Беломора», занявший половину доски, две текстолитовые платы и блок питания от сети 220 вольт.

— Ну, пробовали? — вместо приветствия выстрелил разведчик.

— Да, — ответил завлаб. — Преобразователь работает. На экране видны шумы частотного диапазона свыше десяти гигагерц.

Послушав минуту объяснения, из которых полковник явно не понял и половины, он сел за стол Вовчика, взял в руки кабель с короткой антенной, поводит им из стороны в сторону. Аккуратно покрутил переменный резистор, меняющий коэффициент усиления. Помехи на экране становились то гуще, то слабее, от движений антенны их рисунок менялся. Пожалуй, всё.

Маша, Фомич и Рома предусмотрительно занялись делами за пределами лаборатории, Вовчик и Михальч приготовились выслушать финальный втык. Разноса не последовало.

Наигравшись с прибором, полковник достал из щёгольского портфеля бумажную папку без надписей, в которой оказались крупные цветные фотографии

и американский университетский журнал со штампом архива управления КГБ по городу и области, естественно — сов. секретно.

— Как вы думаете, зачем вообще создавался тот аппарат?

— Возможно, для космических наблюдений, — неуверенно предположил Вовчик. — Программа SETI. Захотели послушать небо в СВЧ-диапазоне.

— По-английски читать умеете? — спросил гэбист и, увидев смущённые лица, понял, что сморозил глупость. — Слушайте. В апреле 1981 года американский учёный, имя опустим, заявил, что с помощью этого прибора обнаружил странную жизнь в высокочастотных радиоволнах свыше десяти гигагерц. Наши люди сфотографировали его установку, как видите, она не сильно отлична от вашей, только аккуратнее. Следующее фото — заметка в американской газете, что тот учёный заявил об открытии, которое может нанести вред человечеству. Он уничтожил оборудование, схемы и покончил с собой.

— Псих. Все они психи, с жиру бесятся, — произнёс Михальч, чтобы хоть что-то сказать.

— Наша лаборатория пробовала спаять ту же схему. Они не заказывали детальки за границей.

— Понятно. Пытались что-то соорудить на наших аналогах.

— У них получился серый фон на экране, как у телевизора с выдернутой антенной.

Пока старшие обменивались мудростью, Вовчик внимательно глянул фото американского прибора. Станный узел размером с две ладони, если судить по масштабу картинки, показался до боли знакомым. Он его недавно видел и даже воспроизводил. Палец, резанный о венгерскую жезь, до сих пор в пластыре.

Вечером Фомич плотоядно поглядывал на платы у деревянной доски на предмет распайки, хотя

за неделю до этого уже оприходовал излишки заграничного заказа. Михалыч строго-настрого запретил разбирать установку, пока «не уляжется говно вокруг 605-го задания». Фомич тут же потерял интерес.

Вовчик сложил секретные папки, чтобы отнести в спецчасть от греха подальше. Офигеть! Кто-то шибко умный в разведке разделил электронную схему преобразователя и приёмного устройства на два разных проекта. Чудо, что оба оказались на одном столе.

Инженеры разбегались, посоветоваться не с кем. Сдав секретные папки в окошко перед самым его закрытием, Вовчик двинул домой. Ему внезапно захотелось делиться находкой с коллегами. Да и слова полковника о странной кончине заокеанского учёного запали в память.

На следующий день Фомич на правах владельца снял телевизор с габешного устройства, присоединил самопальную антенну и включил. Комната целый день заполнялась новостями о битве за урожай, актуальными репортажами о трудовых вахтах металлургов и поцелуях Брежнева с Хонеккером.

Вовчик втихую скрутил платы, вынес с завода, а на отложенную заначку купил в комиссионке маленький телек «Шилялис-401» семидесятых годов выпуска. Наступила суббота. Родители отправились в гости демонстрировать купленную по благу мамину шубу.

Старый слепой кинескоп уступил место новому. На шестнадцатисантиметровом экранчике появилось достаточно чёткое изображение, а голос диктора сообщил об очередных происках американского империализма. Вовчик припаял видеовход, не предусмотренный заводом-изготовителем, соединил фидером телевизор с платами СВЧ, к которым подключил пирамидальную камеру.

Снова разочарование. На экране — лишь светлый фон, сколько Вовчик ни крутил настройки

усиления и частоты, двигая в воздухе пирамидкой. Плюнув, он сходил на кухню за сигаретами, а по пути к радиотехническому закутку увидел на экране телевизора мелькание. Вблизи экран оказался чист. Вовчик решил не сдаваться. Он вернулся к двери и снова двинул к прибору. Экран показал идущий силуэт.

Вовчик закурил и задумался. СВЧ-устройство обнаруживает только его — живое существо. Дорогая мебель из Югославии и дефицитная чехословацкая люстра на экране не отображаются. Почесав репу, экспериментатор прикинул, что прибор можно сделать переносным — «Шилялис» задуман как автомобильный телевизор, и американская схема питается как раз от двенадцати вольт. Интересно, как будут выглядеть на экране животные и люди на улице?

Тут в телевизоре случилось новое шевеление, хотя Вовчик недвижимо сидел и курил. По экрану прошествовал силуэт, тяжело переставлявший ноги и опиравшийся на руку, будто там была палка. Моторика движений казалась до боли знакомой. Не может быть!

Мираж скрылся за обрезом картинка, Вовчик торопливо перевёл раструб на диван. Радиопризрак куда не исчез. Он сидел, опираясь на невидимые в телевизоре диванные подушки, и выставил вперёд руку, которая держала невидимую трость.

— Бабушка?

Вовчик нерешительно присел на край дивана. Было жутко, любопытно и... грустно. Умершую три года назад бабушку он по-настоящему любил. Протянул руку к ней, обернулся к телевизору и увидел, как видение встало, шагнуло к двери и исчезло. Парень медленно вернулся к реальности, выключил аппаратуру и набухался в одиночестве, как последний свинтус.

В понедельник Михалыч и Фомич дозрели на распайку секретных плат. Вовчику ничего не осталось сказать, что он обе их продал.

— Идиот! — рявкнул старый мастер. — За сколько продал?

— Пятьдесят рублей...

— Твою ж мать... Я бы на одних ремонтах не менее двух сотен сделал. Деньги где?

— Ну, половину принесу завтра. Остальные истратил.

Сиреневый банковский билет достоинством в четвертной успокоил завлаба и ведущего инженера, которые тут же перевели его в объёмно-литражные категории. Но покупка «Шилялиса» и двадцатипятирублёвая компенсация пробили дыру в бюджете Вовчика. А ему хотелось купить ранец, автомобильный аккумулятор и сводить подружку в кафе, как обещал. Поэтому носимый вариант СВЧ-конвертера воплотился в жизнь лишь в конце января.

Электронный комплект, одетый поверх старой дублёнки, делал оператора похожим на десантника-ботаника. Рюкзак на спине с аккумулятором и платами напоминал парашют, сумка на груди с «Шилялисом» и приёмной камерой выглядела как запасная парашютная. Учитывая, что портативный телевизор времён развитого социализма весил около четырёх килограммов, свинцовый аккумулятор — больше десяти, полная экипировка затянула примерно на двадцать кило.

В загнивающим империалистическом мире Вовчика в таком облачении, наверно, останавливали бы на каждом шагу, подозревая, что он террорист из Красных Бригад или ИРА. Здесь же за несколько месяцев его лишь раз тормознул участковый. Вовчик быстро переключил сигнал на обычную антенну. Увидев, что молодой человек может смотреть футбол на ходу, милиционер покачал головой: «Ну и кулибин!», отпустив подобру-поздорову. Даже дворовая гопота, знавшая изобретателя много лет и носившая к нему на ремонт испорченные приёмники

«ВЭФ-Спидола» и магнитофоны «Весна-306», жизнь не портила.

Гуляя по городу, Вовчик узнавал его с неизвестной ранее стороны. Силуэтов, которым не соответствовали люди в обычном мире, было процентов десять от общего числа видимых в «Шилялисе» существей. После месяца борьбы с собой комсомолец и атеист начал называть их душами.

Существовавшие отдельно от тел, они выглядели размыто. Большая часть вела себя совершенно спокойно. Чаще всего они обитали вокруг одних и тех же мест. Иногда возле неторопливо шагавшего призрака наблюдался низкий силуэт на четырёх лапах, помахивающий туманным хвостом.

Отдельные призраки вели себя буйно. Некая душа постоянно металась на переходе, размахивала руками и бросалась на проезжавшие машины. «Верно — жертва ДТП» — подумал Вовчик.

Очевидно, что высокочастотные сущности хоть в какой-то мере воспринимали обычный мир. По крайней мере, они ходили по тротуарам, сидели на скамейках, поднимались по лестницам. Хотя через стены также двигались, проваливались в асфальт и взлетали ввысь.

Вовчика разрывало от желания с кем-нибудь поделиться. Но с кем? На работе его тут же заставят распаять платы и заткнуться от греха подальше. Подружка сочтёт за сумасшедшего. И Вовчик решил посоветоваться с человеком, к которому бегал с любыми проблемами с раннего детства — с бабушкой. Дождавшись очередного долгого отсутствия родителей, он включил прибор, соединив его со входом большого домашнего телевизора «Рубин», и запасся листками бумаги. Когда призрак прошествовал и сел на любимое место, Вовчик поднял перед ним листок с текстом.

«Бабушка, это ты? Если да — кивни».

Он поднёс приёмник к дивану. Силуэт наклонил голову. На большом экране видимость лучше, чем на «Шилялисе», даже проступили некоторые черты лица. Тем не менее, картинка осталась размытой и чёрно-белой. Возможности оборудования упёрлись в разрешающую способность американской схемы. Тридцать на сорок не шибко много. Да и длина волн намного больше, чем у видимого света, поэтому детализация изображения невозможна. Но главное — произошло! Давно умершая женщина вступила в диалог.

«Что мне делать? Рассказать другим, что вижу тебя?»

На экране телевизора призрак еле различимо зашевелил губами. Возможно, она пыталась что-то сказать. Но Вовчик не умел читать по губам, да и в той серо-белёсой мути вряд ли бы кто разобрался. Он развёл руками. Бабушка покачала головой. Значит — нет. Наверно, она права.

«Как ты там?»

Бабушка пожала плечами.

«Почему не уходишь? Из-за мамы?»

Качание головой.

«Из-за меня. Хочешь, чтобы я остепенился».

Бабушка кивнула. Туманные губы улыгнулись.

«Обещаю! Скоро! Не уходи. Мне без тебя плохо».

На этот раз она ничего не ответила, посидела минут пять и удалилась. Вовчик со вздохом рассоединил кабели.

Послушавшись бабушку, Вовчик сохранил тайну. Зато вопросы возникли у подружки и родителей. Со времени появления рюкзака с аккумулятором и телевизора в сумке он сильно изменился, стал замкнутым и почти не слушал музыку. Плакаты с портретами рок-звёзд ныне смотрелись в его комна-

те как простые обои с цветочками, безо всякого смысла. Магнитофон «Юпитер» с мощными колонками S-90 и самодельным усилителем покрывался пылью, которую периодически гоняла Вовчикина мать.

Глава пятая

В августе Ромка утонул в пруду. Улучив время, когда у могилы не было убитых горем родителей, Вовчик принёс прибор на кладбище.

На свежих могилах сидели призраки. Впервые от увиденного на экране стало жутко. Преимущественно старики, но и молодые, даже один ребёнок школьного возраста.

Ромка узнал коллегу. Наверно, тот удивился, когда Вовчик сел на скамейку напротив и помахал ему рукой. Если фантомы умеют удивляться.

Покойный инженер подобрался поближе и склонил голову над сумкой с экраном. Вовчик повёл рэструбом по сторонам. Пусть Ромка знает, как он его видит.

Призрак вернулся на прежнее место. Убедившись, что приёмник смотрит на него, начал показывать руками буквы.

«Кому — нибудь говорил»

Знаки препинания Ромка игнорировал. Как и при жизни.

«Нет» — также показал руками Вовчик.

«Глупо получилось».

Кто ж будет спорить.

«Здесь есть девочка, её задушил отец, — начал быстро семафорить Роман. — Записали, как сама задушилась, помоги».

Вовчика словно ужалило. Он вскочил, выключил питание. Мир активных мертвецов исчез. Только ему не хватало — устраивать разборки с неизобличёнными убийцами.

Забросив аппаратуру, Вовчик начал искать книжки по эзотерике. Оказалось, официально в СССР в этой области не издаётся ничего, кроме бесчисленных брошюр по научному атеизму. Зато вскоре скопилось десятка два самопальных изданий про призраков, вампиров, экстрасенсов и инопланетян среди людей. Толку в них не больше, чем в советской рекламе: «Пей, сынок, томатный сок — будешь крепок и высок».

И однажды Вовчик отправился в храм.

Мутноватый поп подозрительно глянул на майку посетителя с жёсткими мордами музыкантов Deep Purple, которых тот ещё в студенчестве наляпал на футболку через бумажный трафарет.

— Что тебе нужно, сын мой?

— Поговорить.

— Перед исповедью надлежит обратиться душой к Богу, помолиться, осознать грехи, раскаяться, простить причинивших тебе зло.

— Да я... это, батюшка, не грешил. И в Бога не верил... раньше. Тут другое.

Неверие в Бога — смертный грех. Явно парень не крещёный, догадался священник.

— Пошли.

На маленькой скамеечке в боковом пределе он усадил Вовчика рядом.

— Говори, сын мой.

— Понимаете... Не знаю, как объяснить. В общем, я работаю в лаборатории. Проводил испытания установки СВЧ. По-нашему, это сверхвысокие частоты. Ну и... научно доказал существование бессмертной души.

— Зачем ты мне об этом рассказываешь? Я и так знаю, что душа бессмертна. Доказательства не нужны. А если человек закоренел во грехе и безбожии, он не обратится к Богу, даже если узрит его в телевизоре.

— Ну, если я открыл, как увидеть душу и даже сфотографировать её, и другие со временем наткнутся, начнутся обсуждения.

— Ты сфотографировал души умерших людей?!

— Вообще-то говоря, я снял экран телевизора, подключённого к устройству СВЧ, которое улавливает излучения от душ, — Вовчик извлёк из кармана джинсовой куртки слегка мятый конверт. — Смотрите, улица, идут люди, на скамейке никого нет.

— Узнаю место.

— Оно же в экране моего прибора. Видны силуэты идущих людей — душа примерно совпадает с положением тела. Вот пятно сидящего человека. На скамье в этот момент пусто. Извините, что фотографии плохие.

— Нет-нет! Главное вполне различимо. Где прибор?

— Не брал с собой. Он громоздкий — сумка и рюкзак. В церковь как-то неудобно.

Священник нервно перебрал чётки.

— Хотя у нас не исповедь... Могу я говорить о вас с моим начальством?

— Конечно.

— Вы хотите придти к Богу, креститься и заботиться о своей бессмертной душе?

— Пожалуй, да.

— Тогда жду тебя в субботу. Как именовать тебя, сын мой?

— Вовчик.

— Владимир, стало быть. Значит, к четырнадцати. Крестик можешь купить у нас. Я оставлю фото себе?

— Берите. У меня плёнка осталась, могу напечатать сколько надо. Прощайте.

— Ступай, сын мой. Храни тебя Господь.

Несколько успокоенный, что обретёт хоть какой-то ориентир, Вовчик зарядил аккумулятор и на следую-

щий вечер отправился на новые поиски неуспокоенных душ. На узком тротуаре перед ним вырос крупный мужчина в строгом костюме, махнувший красной корочкой.

— Комитет госбезопасности. Вам придётся проехать с нами.

Распахнулась дверь чёрной «Волги», а сзади нарисовался второй здоровяк, блокируя попытку бегства, если кто решится бежать от ГБ с двадцатью килограммами на плечах. Первый офицер помог снять сбрую и аккуратно уложил её в багажник. «Волга» понеслась в центр города. Водитель потянул к себе микрофон на длинном витом проводе, вызвал какого-то «седьмого» и доложил, что объект встречен и через десять минут будет доставлен на место. Несмотря на отсутствие наручников и грозных эпитетов вроде «арестованный» или «задержанный», некрупные внутренности Вовчика смёрзлись в тугий комок. Не тридцать седьмой год, но если кагебешные опера схватили тебя на улице, затолкали в машину и куда-то везут, то... Оставь надежду всяк сюда входящий.

Вопреки худшим ожиданиям, изобретателя не спустили в пыточный подвал и не бросили в камеру. В прилично обставленном кабинете заседал хорошо знакомый полковник, у окна покуривал в форточку офицер помоложе.

— Здравствуйте, Владимир. Присаживайтесь.

Вовчик уместился на краешке стула.

— Рассказывайте.

Тот опустил голову.

— Что говорить? Вы и так всё знаете.

— Тем не менее, хочу услышать от тебя. Давай по порядку. Зачем скрыл, что аппарат показывает призраков. Почему украл государственное имущество. Кому рассказывал о содеянном. Какого хре-

на попёрся в церковь, а не к нам. Потом напишешь на бумаге, чистосердечно.

— Не так было, — Вовчик шмыгнул носом. — Ничего я не скрывал. Аппарат действительно показывал только помехи. Потом я вспомнил, что видел в другой папке из ГБ деталь, похожую на СВЧ-приёмник. Но вопрос уже закрыли.

— Тогда ты украл платы.

— Ничего я не крал! — тут Вовчик был натаскан Фомичем, неоднократно застуканным при выносе радиохлама с завода. — Опытные образцы списываются, распаиваются и уничтожаются. По документам обе платы — мусор. Их бы распаяли. Наоборот, я их спас, унеся домой.

— Дальше.

— Приёмник сделал сам на работе. Телевизор тоже сам купил.

— Кому, кроме попа, рассказывал?

— Никому. Но как он мог... Есть же тайна.

— Он у тебя спросил разрешения сказать начальству, — младший офицер кинул на стол фотографии, оставленные в церкви. — А для попа главное начальство — Пятое главное управление КГБ. Батюшка ложью не согрешил и от нас плюсики заработал. Молодец кругом.

— Что сам об этом думаешь, Арсентьич? — спросил полковник.

Офицер Пятого управления выкинул окурок и выдал интересную версию.

— На снимках не люди, а использованные упаковки.

— Поясни.

— Чего же неясного? Вот идут пешеходы. Их окружает биополе, имеющее СВЧ-составляющую. Её фиксирует прибор. После смерти оболочка разрушается. Но, оказывается, не у всех. Люди как плохие туристы

после пикника. От них остаются пустые энергетические обёртки, как бутылки и пакеты у кострища.

— Хорошая идея.

— Но явление вредное. Если информация расплывётся, начнётся агитация, что приборы видят не стеклотару, а дарованную Господом бессмертную душу.

— Значит, не дадим ей растечься. Документацию с завода я изъял, прибор у нас, в Америке ничего не сохранилось. Завтра мы с Владимиром съездим к нему домой, и он добровольно отдаст нам фотоплёнку и остальные снимки. Правда, Вовчик?

— Куда я денусь?

— Правильный подход. Ночь проведёшь у нас, родителям скажи — у друга заночевал. Дальше решим.

— Товарищ полковник, я так понимаю, Первый главк забирает дело себе?

— Конечно. Спасибо за помощь.

Когда сотрудник Пятака удалился, Вовчик осторожно признался:

— Я ещё бабушке рассказал. И Ромке.

— Твою налево и растак! — разозлился гебист. — Придётся срочно их сюда выдёргивать. У тебя не язык, а помело.

— Не получится выдернуть. Бабушка давно умерла, Ромка в августе.

— Кому Ромка мог рассказать?

— Ну, соседям. Которых с ним в один день хоронили, — Вовчик объяснил ситуацию с душой девочкой.

Полковник сжал кулаки.

— Вот, значит, какие упаковки. Стеклотара, ёпть... Разговаривают и рассказывают про убийства. Так, парень. Ты у нас надолго. Не страдай, не под арестом. Завтра получаешь командировку на... Сахалин, например. Возьмёшь дома вещи, когда родителей нет. Будешь ждать, пока по тебе решение не примут.

Я из Москвы спеца вызову. Правильно, что при майоре не проболтался о мертвяках. Сиди тут и ни шагу. Скоро вернусь. Погуляем, покажешь прибор в действии. Объясни только, как наша лаборатория и заводские гораздо более опытные инженеры ни хрена не смогли, а ты раз — и справился?

— Так электронщики они. Я бы такую сложную схему не спаял без ошибок. Зато я физик. Быстро догнал, что приёмник должен иметь направленную камеру.

— Понял. Сиди.

Полковник обернулся быстро, угостил ужином, после чего они долго гуляли по ночному городу, рассматривая редкие силуэты духов. Когда вернулись в управление, разведчик попросил подключить прибор к его телевизору и посмотреть, что творится в кабинете. Вовчик кое-как приспособил провод от СВЧ-преобразователя к разъёму «тюльпан» на здоровенном телевизоре «Грундиг».

— Знаешь ли, на моём месте раньше сидел очень суровый товарищ из Второго Управления. Контрразведка, если ты в курсе. У него нехорошая слава была. Бывает, как зайду в кабинет, мне нехорошо.

Вовчик запустил прибор и провёл камерой в воздухе. Увиденное в «Грундиге» превзошло все ожидания. Цветное и контрастное изображение комнаты, пусть и в малом разрешении, битком набитой прозрачными людьми с несчастными и злыми лицами, повергло полковника в лёгкий шок. Он глотнул какую-то пилюлю и выскочил в коридор, не в силах находиться среди замученных душ.

«РАЛ» — догадался Вовчик. Естественный стандарт для американца. А я-то дома в наш телек подключался, с блоком цветности SECAM.

— Больше не войду в этот кабинет. Тьфу, батюшку что ли вызвать, окропить святой водой?

— Если здание с времён НКВД-МГБ, здесь, должно быть, другие комнаты такие же. Хотите, коридор посмотрю?

— Не надо, Володя. Поспишь сегодня на диване. Хорошо, не здесь. Только не включай аппарат, ладно?

На следующее утро объявились спецы с Лубянки.

— Действительно интересное явление, товарищ полковник, — согласился старший группы. — Устройство не очень сложное. Главное в нём — идея о правильном преобразовании СВЧ-сигнала. А также, конечно, схема и геометрия приёмника. Тут ваш молодой человек отличился, хвалю.

— Что мы на самом деле видим на экране?

— Сразу и однозначно не скажу. Наука знает, что человеческое тело формирует слабое электромагнитное поле. Теоретически после смерти и прекращения электрохимических процессов поле должно исчезнуть, рассеяться. А оно продолжает дискретное существование. Следовательно, есть материальный носитель магнитного поля, способный существовать годами после уничтожения организма и достаточно далеко от места захоронения.

— Ладно, с ним, носителем, хотя ему больше всего подходит название «душа».

— Поповское слово.

— Не спорю. Как объяснить проявления интеллекта и памяти у призраков, возникающие при общении с ними?

— К сожалению, физиология процессов запоминания в головном мозге человека не изучена до конца. Мы изымаем у вас прибор для дальнейшего исследования.

Оборудование уехало в Москву, а Вовчик отправился в места не столь отдалённые, практически даже комфортные, но отбивающие напрочь желание обсуждать с кем бы то ни было вопросы бытия, души и посмертия.

Глава шестая

Через два месяца по телевизору отменили развлекательные передачи, а транслировали одно только «Лебединое озеро». Советский народ, привычный к классической музыке лишь по одному поводу, терялся в догадках, какая мордочка исчезнет со стенда «Политбюро ЦК КПСС». Вражеские голоса сообщили — умер Брежнев. Скоро советское телевидение подтвердило их клевету.

С тех пор Вовчик, абсолютно равнодушный к политике и особенно к парадно-официозной её части, стал невольно замечать странности в поведении высших советских бонз. Андропов, которому, без сомнения, не могли не доложить про аппарат, правил странной, будто оглядываясь, как его гэбешную душу примут за порогом вечности, и умер подозрительно быстро, попытавшись за год превратить Союз в некий тридцать первый главк могущественного Комитета. Полутруп Черненко оказался на троне в результате того, что никто не хотел его занимать. Возглавив комиссию по похоронам предшественника, он достаточно быстро последовал за ним.

И снова политбюровские ветераны отказались от поста Великого вождя. Верно, в экране аппарата видели такое, что остудило их амбиции. Точно так же, как в лаборатории радиозавода за пивом бегал самый молодой сотрудник, Генеральным секретарём ЦК КПСС стал молодой Горбачёв, которого Политбюро буквально вытолкнуло на эту должность. Всё равно, что в стекляшку отправило.

Ну как молодой? Не падал и не сыпал песком. По меркам ЦК — суций младенец.

Михал Сергеич (с супругой) был или неисправимый оптимист-атеист, или круглый идиот, или ему просто не показали СВЧ-аппарат. А может, всё вместе. Во всяком случае, человек, допускающий факт

существования бессмертной души, не натворил бы сотой доли горбачёвских подвигов.

После «перестройки» Вовчик устроился начальником сервисной службы в представительстве уважаемой американской фирмы и навсегда забыл про стодесятирублёвое существование плюс чуть-чуть украсть. Он женился, переехал в другую постсоветскую страну, где открылось отделение фирмы, и ни с кем много лет не разговаривал о той истории, пока его не нашёл бывший полковник из Первого главка КГБ СССР.

— Доволен?

— В общем, спасибо. Нормально.

— А ты когда-нибудь задумывался, что ты — главная причина развала Советского Союза? Не дёргайся, я сам тебя практически заставил сделать это.

— Не преувеличиваете, товарищ, э-э...

— Уже не полковник. Хотя успел побыть генерал-майором. Теперь даже не в СВР России. Зови меня просто Евгений Васильевич.

— Ладно. Короче, если бы я не сообразил, что на вход надо присоединить тот приёмник и не растрепался в церкви, Союз ещё бы жил?

— Без сомнения.

— Не верю. Я не специалист, конечно, но причин распада много.

Экс-генерал закинул ногу на ногу, потягивая апельсиновый джюс.

— Видишь ли, Владимир. Нашей страной правили исключительно прагматичные люди. Но под свой прагматизм они обожали подводить прочную философско-идеологическую основу. Тебя учили в вузе научному коммунизму и философии?

— Как и всех.

— Тебе объяснили, что не было никакого божеского акта творения, а спонтанный Большой взрыв мно-

го миллиардов лет назад. Потом с непреложной закономерностью возникли звёзды и планеты.

— Евгений Васильевич, я физфак кончал, пусть и давно.

— Именно. Детали видишь, а общее скрыто. Потом возникли на планетах океаны, а на них, по Опарину, самозародилась жизнь. Эволюционировала, стала разумной. Появились классы и классовая борьба. А кто побеждает в борьбе? Креативный класс, он же пролетариат, со своим авангардом во главе, коммунистической партией. Цепочка замкнулась. Из самого факта существования Вселенной проистекает, что на обитаемых планетах неизбежно правит коммунистическая партия и лично Генеральный секретарь дорогой товарищ Леонид Ильич... Жизнь вождей была понятной и материалистически обоснованной.

Вовчик закурил сигарету какой-то дорогой марки, которая и не снилась советскому инженеру.

— Ну и правили бы себе дальше. При чём тут я? Совок разорвало изнутри, как мяч под давлением.

— Это правда лишь отчасти. Россия всегда с трудом сдерживала разбегающиеся провинции. Вспомни историю — семнадцатый год и Гражданскую войну. Откололись Польша, Финляндия, Прибалтика, Белоруссия, Украина, Бессарабия, Закавказье. К 1940 году собрали, и то не полностью. Сталин был решительным руководителем потому, что не видел твоего аппарата. Он не имел сомнений, был убеждён, что останется бессмертен только в памяти народной, но никогда не встретится с душами жертв ГУЛАГа.

— Можно подумать, Андропов испугался.

— Ещё как, Владимир, — бывший разведчик допил сок и тоже закурил. — Когда он приступил к управлению, то напоминал пловца, вошедше-

го в реку. Не профессионала, а судорожно дёргающегося и неизбежно глотающего воду новичка. Вспомни его причуды, одни только облавы на посетителей дневных киносеансов чего стоили.

— Горбачёв, похоже, ни о чём не знал.

— Угадал.

— Почему же его правление было хуже, чем у Андропова и Черненко вместе взятых?

— Из-за прибора тоже. Старые члены Политбюро знали о душах и тормозили безбожные горбачёвские выходки. Они понимали — раз есть душа, почему не быть Богу. Плюс амбициозная жена, которая считала себя умнее всех на свете, как и любая провинциалка, внезапно угодившая на трон. В результате наступил управленческий хаос, при котором оказалось невозможно сдерживать центробежные процессы. И — бумм! Мы живём в других странах, менее крупных и державных.

Евгений Васильевич надолго умолк.

— Слушайте, а нынешние боссы знают?

— Ельцин не был в курсе, хоть и работал рядом с верхушкой Политбюро. Тут я на сто процентов уверен. Про Путина не скажу.

— А где мой прибор? С телевизором «Шилялис», купленным на кровные инженерные?

— Уничтожен, как и более совершенные версии.

Самая жуткая тайна КГБ умерла вместе с Комитетом.

— Жаль. Хотя...

Экс-гэбешник глянул на повзрослевшего Вовчика с улыбкой.

— Не напрягайся. Да, осталось десятка три чело-век, которые глядели в экран. Если мы хором соберёмся и начнём кричать, что «кровавая гэбня» утаила величайшую тайну человечества, о нас разве что жёлтые газеты напишут. Добавят, что в КГБ

прятали инопланетян, орган лохнесского динозавра и летающий диск нацистов.

— Понятно. Я совсем о другом. В радарах сейчас куда более высокочастотные приёмники. Переделать антенну, задать алгоритм обработки сигнала — и можно снова смотреть картинки из диапазона десять гигагерц. Любые импортные детали доступны.

— Хочешь сказать, что можешь собрать подобное устройство из обычного армейского радара?

— Да без проблем. Вопрос — надо ли?

— Действительно. Одну сверхдержаву ты уже развалил. США на очереди?

— От них вряд ли убудет, Евгений Васильевич. Они и так сплошь католики и баптисты.

— Нет, Володя. Ведь тебе батюшка тридцать лет назад объяснил: Бог и душа должны быть мистической тайной, а не объектом инструментального исследования.

— Примерно так.

— Поэтому сам решай, нужно ли снова пускать в мир эту заразу. Я — пас.

Разрушитель Союза вышел из «Егоркино». Экс-генерал, расплатившись, также покинул ресторан и долго смотрел вслед Вовчику. Выходит, технология не утрачена. Интересно, её владелец поймёт недвусмысленный намёк, что секрет разглашать не стоит? С другой стороны, если кто-то додумался, нет ни малейшей гарантии, что следующий энтузиаст не захочет излучения СВЧ-диапазона преобразовать в изображение на экране.

Внезапно разведчик понял, откуда на радарных мониторах десятков государств фиксируются летающие объекты, не видимые невооружённым глазом. Это — души погибших лётчиков, не пожелавших расстаться с небом и после смерти. **УС**

Экстренное торможение

Александра Давыдова

Родилась в Ростове-на-Дону, в 2010 году переехала жить в Екатеринбург. Филолог по образованию (специальность — теория литературы). Любимая сфера рабочих интересов — проведение тренингов и интерактивов, разработка игр. Фантастику пишет с 2008 года. В январе 2012 года вышли первый роман в соавторстве с Виктором Колюжником под псевдонимом Алексей Верт («Дзен-софт», киберпанк, изд-во «Астрель») и сольная книга «Вечер у Вайетов» (изд-во «Шико», Луганск). Помимо «Уральского следопыта», печаталась в журналах «Если», «Реальность фантастики», «Азимут». Любимые жанры — мистика, социальная фантастика и киберпанк.

Антон стукнулся лбом о зеркало, прикусил язык и шепеляво выругался. Мыло и зубная паста соскользнули с полочки и — шмяк-шмяк — улеглись на пол, как нарочно — в середину грязной лужи. Из-за двери послышались возмущённые крики. Судя по накалу эмоций, кому-то приходилось тоже несладко. Хотя, казалось, что может быть отвратительнее, чем набить шишку и уронить... Тут Антон ещё раз выругался и стукнул кулаком по тускло блестящему крану в известковых пятнах. Зубная щётка, как оказалось, тоже упала на самый чистый в мире пол. Антон вздохнул и стал шарить по карманам, пытаясь найти салфетку или кусок бумаги, чтобы подобрать безвозвратно погибшее добро и выбросить его.

— Водку теплую, — бормотал он, пытаясь подбодрить себя. — Из мыльницы. В туалете поезда. Бу...

Вагон тряхнуло еще, на этот раз сильнее. Под полом заскрежетали тормоза, поезд громко застонал и через десяток секунд остановился.

Антон отлепил щеку от зеркала и, решив, что аттракцион «кульбиты в санузле» уже принёс ему все положенные впечатления, крутанул задвижку и распахнул дверь наружу.

«Ух ты. Не зря вопила», — подумал он. От резкого торможения переполненный мусорный ящик напротив туалета не выдержал и сделал вклад в окружающий хаос. Обглоданные куриные кости, колбасные шкурки, скомканные целлофановые пакеты и яичная скорлупа высыпались наружу и ещё немножко — на гламурную барышню в нежно-розовом спортивном костюме — шорты и футболка с глубоким вырезом — с махровым полотенцем через плечо. Матерясь, как помесь сапожника с портовым грузчиком, она вытряхивала из волос огрызок яблока и сулила машинисту все кары небесные.

Антон боком проскользнул в тамбур и закурил. Пальцы дрожали, под ложечкой сосало, болела шишка на лбу, и, пожалуй, ему тоже очень хотелось призвать машиниста к ответу. Ну, или любого, кто виноват в этой остановке.

Сигарета быстро закончилась. Он собирался было сразу вернуться в купе, но прислушался и понял, что девица до их пор яростно воюет с мусором. Не желая стать объектом для вымещения злобы, Антон решил переждать «бурю» и прислонился лбом к ледяному серо-инеистому стеклу. «Лечение и эстетика, два в одном, — подумал он. — Хотя... второе подкачало». За окном имелись: лесополоса на горизонте, заснеженное не то поле, не то болото и куст унылый рядом с рельсами, одна штука.

«Как в американских фильмах, — лениво размышлял Антон, чувствуя, как постепенно утихает боль. — Когда по шоссе едет машина с открытым верхом, а вокруг только оранжевая пустыня и кактусы, а до ближайшего городка — день пути. И здесь то же самое, только russian edition. Вместо машины — поезд, вместо потрескавшейся от солнца земли — снег. То же одиночество, только вид сбоку. Интересно, сколько здесь до человеческого жилья?..»

— ...И что, не поймали идиота?

— Прикинь, нет, — дверь между вагонами распахнулась. Наряд милиции шёл как раз от головы поезда.

Антон посторонился и шагнул в свой вагон следом за парнями, наострив уши. За дверью обнаружился раздраженный проводник с веником, а из туалета неслись визгливые причитания и такой громкий плеск воды, будто купали здорового бегемота. Или маленького слона.

— Чего там? — по голосу проводника было ясно, что он тоже не прочь найти виноватого.

— Шутник грёбанный, в последнюю секунду с рельсов сиганул. А то стоит, блин, чёрный плащ в шляпе. Ему гудят, и хоть бы хны.

— Жаль, из Сибири в Москву не «Сапсан» ходит. Размазали бы дебила по рельсам, не успев остановиться, хрен бы он ещё на шпалы вылез.

Железная логика, с которой Антон сразу же в душе согласился. Во-первых, скорость пассажирскому составу «Нижевартовск-Москва» явно не помешала бы, особенно когда он начал останавливаться у каждого столба по полчаса. А во-вторых, если кому-то хватило мозгов довести до экстренного торможения поезд, такой человек срочно заслуживал премии Дарвина, и желательно посмертно.

Парень медленно дошёл до своего купе, потянул дверь за ручку... и неприятно удивился.

Сосед, занимавший верхнюю полку напротив, ещё с вечера переместился в вагон-ресторан к друзьям с пятилитровой канистрой коньяка. То есть ждать его обратно раньше Казани не стоило. Нижние полки со вчерашнего дня пустовали, народу в поезде было вообще немного — и Антон уже свыкся с мыслью о том, что так и будет ехать один, а в случае победы коньяка над человеком — и до самой столицы. Оказалось, нет.

— Здравствуйте. Нас Зоя, проводница из соседнего вагона, пристроила. Сказала, у вас свободно, — за столиком сидел узкоглазый чернявый мальчик. Настороженный взгляд, пальцы теребят угол газеты, полосатая водолазка топорщится на узких плечах. Напротив него с ногами на полку забралась серая девушка. Фактически в буквальном смысле серым у неё было всё: феньки на узких запястьях, обгрызанные ногти, дымчатые очки, длинный шарф с пыльной растрёпанной бахромой, джинсы с большими квадратными карманами, волосы... Рядом валялся яркий красно-золотистый пуховик.

— Не волнуйтесь, нам не до конца ехать, — девушка будто читала мысли Антона и отвечала на незаданный вопрос. — Если повезёт, то вообще через четыре часа слезем.

— А если не повезёт?

— В каком-нибудь Челябинске...

— Проводники дурацкие пошли, сами не знают, на какие места у них билеты проданы и сколько денег им надо, — мальчик заговорил опять, и Антон понял, что тот гораздо старше, чем кажется на первый взгляд. Твердый, спокойный, чуть хриплый голос не мог принадлежать подростку.

Между тем он продолжал:

— Я Влад. А это моя старшая сестра...

— Мира, — серая девушка кивнула.

— Антон. Только сразу предупрежу: «Старый мельник» на троих не распиваю, в карты не игрок, к чужой жареной курице отношусь с подозрением, а заслуженные бутерброды-ветераны обхожу стороной.

— Тогда мы тоже не очень правильные пассажиры, — Влад улыбнулся. — Обряд кормления соседа мятыми варёными яйцами и куриной ногой знаем плохо, а с двенадцатым ударом часов не начинаем разговоры о смысле жизни.

— Отлично, — Антон стянул с полки сумку, перекинул через плечо. — Тогда обустройвайтесь пока, а я — в вагон-ресторан. Проверю, не водятся ли там в дополнение к завтраку — или по дороге — зубные щётки.

И, только миновав три вагона, он вдруг понял.

«А когда они сели? Последняя остановка была три часа назад. Если не считать... Черт!»

Когда он вернулся, девушка спала. Она даже не стала расстилать матрас — свернулась на полке калачиком и тихонько сопела, сунув палец в рот. Длинные волосы лежали «солнышком» вокруг её головы, как лучи. Странно. Теперь они уже не казались серыми — переливались разными цветами, как перламутр. Вагонное радио орало во весь голос про белые розы, но, казалось, девушку это волновало не больше, чем какая-нибудь колыбельная.

— Мира может и под звук канонады спать.

— А мне казалось, я ещё не задал этот вопрос.

— Он был бы логичным.

— Не спорю.

Антон сел на полку рядом с Владом, уставился в окно. Пейзаж продолжал баловать — белая пустыня с грязно-белыми пятнами. Ни домика, ни доро-

ги. Поиграл от нечего делать в тетрис на телефоне. Перечитал последние десять сообщений. Пожалел о том, что не взял с собой нетбук. Радийные страдания по поводу белых роз сменились доверием к слепой ночи. Антон вздохнул.

— Разговоры о смысле жизни? — Влад улыбнулся и сложил руки на груди.

— Что?

— Я обещал их не затевать с полуночью. Но если скучно, то можно вполне поболтать сейчас. Миру не разбудим, всё нормально.

— Вай нот, — нет, все-таки у сегодняшних попутчиков явно было припрятано по карте угадывания мыслей в каждом рукаве.

— Она очень любит людей, — вроде невежливо разговаривать за спиной у отсутствующих и спящих, но Влад уверил, что Мира и на это не обидится. — Разговаривать. Понимать. Собирать новые точки зрения, споры, глупости и умные мысли. Кто-то коллекционирует подушечки из Икеи, а Мира — встречи. Запоминает мельчайшие детали, выражение лица, странности... Зуб даю, что про тебя она поставит галочку — «искал щётку в вагоне-ресторане».

— Гораздо смешнее потеря её предшественницы. Трагедия в трёх лицах: я, она и стихийное бедствие.

— Какое?

— А что, вас не тряхнуло, когда состав тормозил? — Антон покосился на Влада. Тот крутил на пальце брелок с серебристой рыбкой. Чешуя её была покрыта сине-голубой эмалью. С того места, где сидел Антон, складывался любопытный оптический эффект — казалось, что рыбка бьётся, как живая, а вокруг ладони «фокусника» колышется вода.

— Ещё как. Мира выбила плечо, а я вывихнул запястье.

— Сочувствую.

— Ерунда. А ты знаешь, почему поезд остановился?

— Ну, я, грешным делом, сначала думал, что кто-то бросил лом в унитаз, чтобы проверить эту легенду. Потом узнал, что это какой-то недосуицидник был. На рельсах стоял. Потом смылся в последний момент.

— Очень жалко щетку? И шишка на лбу болит? — Мира открыла один глаз и внимательно посмотрела на Антона.

— Ну-у-у...

— Это классная деталь для коллекции. Мне нравится. Поэтому в обмен могу рассказать, почему поезд на самом деле встал.

Влад закатил глаза и покрутил пальцем у виска.

— Что? Ну, что? — Мира зашипела, как дворовая кошка, и бросила в парня огрызком яблока.

— Ты уверена, что это стоит делать?

— Да! — провозгласил Антон и, присоединившись к общему безумию, кинул ботинком в радиовентиль. Тот крякнул: «Мечты сбыва...» и заглох.

— Представь. Ты сидишь на работе днями и ночами, — Мира говорила, прикрыв глаза, «сказочным» голосом — напевно и завораживающе, как рассказывают истории перед сном. Это несколько не вязалось с темой повествования, но слушалось отлично. — Не сказать, что работа скучная. Наоборот, разнообразная, сложная, интересная. Ты излучаешь энтузиазм и энергию, ты щёлкаешь проекты, как семечки, и — главное — полностью уверен, что находишься именно на своём месте. Вот только в один прекрасный момент ты осознаёшь, что попа не то чтобы приросла к стулу, но стала уже явно чуть более плоской, чем раньше. У тебя не бывает выходных, праздников, отпусков. Даже свой день

рождения ты вынужден справлять в четырех стенах...

— По-моему, ты сгущаешь краски, — Влад недоверчиво улыбнулся.

— По-моему, если кто-то привык работать с открытым видом на море, ему не стоит навязывать этот стереотип окружающим.

— Понял. Молчу. В конце концов, ты у нас рассказчик.

— То-то. И вот, рано или поздно ты решаешь — довольно. Как ответственный человек, ты приводишь все бумаги в порядок, пишешь с десятков программ для автоматизации рабочих процессов, покупаешь трогательного круглого робота-уборщика, чтобы мебели было не скучно в твоё отсутствие... Потом ты уговариваешь себя ещё несколько дней — «ничего не случится, я только погуляю и вернусь обратно, небо не рухнет на землю, апокалипсис не наступит».

— А вот насчет апокалипсиса я бы... — Влад не успел договорить, Мира воинственно перебила:

— Фиг! У меня нет в собственности ни гигантского креста с Христом, ни Эйфелевой башни, ни статуи Свободы. Поэтому я не смогу плакать, попадая в формат фильмов-катастроф. Если будешь и дальше перебивать...

— Молчу. Нем, как рыба.

— Ты встаешь из-за стола и на цыпочках крадешься к двери. Выглядываешь в коридор. Пусто. Идешь к лифту. Как нарочно, наступаешь на самое скрипучее место этажа. Сам пугаешься, сам подпрыгиваешь. Плюнув на конспирацию, забегаешь в лифт и жмешь кнопку первого этажа. Свобод-а-а-а! Ты, раскинув руки, выбегаешь из здания, готовишься уже запрыгнуть на плечи ветру...

— Почему это люди не летают, как птицы?..

— Заткнись уже, а?.. Мешаешь. Так вот. Ты уже готовишься полететь, хотя некоторые уверены, что ты это не умеешь делать, и вдруг слышишь за спиной громовое «кхе-кхе». Ты оборачиваешься. А там — кто бы ожидал, да? — стоит босс. Пропитанный укоризной, как пончик — абрикосовым сиропом. И говорит: «Иди-ка ты, ситный друг, назад. Нагулялся». Согласись, разочарование?

— Д-да... — Антон кивнул. На разговоры о жизни уж точно не было похоже. А на театр абсурда — вполне. Эдакий слегка кафкианский.

— Короче, это всё предыстория. Чтoб нагнать напряжения, — Мира растопырила пальцы: между большим и указательным пробежала молния. Настоящая. Хотя и крохотная. В купе запахло озоном. — В общем, я оглянулась на босса, посмотрела вперед, на ветер свободы, и решила, что некоторое время меня вполне может заменить круглый робот-пылесос.

— Некоторое, прошу заметить. Не-ко-то-ро-е. Скромно замечено. Почти сто лет нам не срок...

— Слушай, если ты держался долго, это не значит, что у других такие же сильные нервы.

— Я из-за правого руля сломался, — Влад криво усмехнулся и, прищурив глаза, стал вылитым японцем. — Когда на работе его запретили, я молча встал и вышел.

— Уважаю, — разговор возвращался в понятное русло, что не могло не радовать.

— Только одна беда — босс всё никак не успокоится. Нанял убийцу...

— Инспектора!

От последнего возгласа в исполнении Влада Антону захотелось срочно спрятаться куда-нибудь. Нет. Градус неадекватности всё же никак не желал понижаться.

— А я говорю — убийцу. И вопрос вовсе не в терминологии. Теперь он гоняется за нами и мечтает вернуть обратно.

— Почему тогда убийца?

— Он считает, что лучший способ успокоить работника — это успокоить его навечно. Как бы объяснить. Чтобы понятнее. Антон, ты видел Припяты?

— Только слышал...

— Достаточно. Достаточно, чтобы понимать — это не лучший способ привязать нас к месту. Поэтому мы боимся. Скрываемся среди людей — они дают тепло, чтобы спрятаться. Детали. Истории. Сказки. Радость. Грусть. Что угодно, лишь бы не пустота. Поэтому он старается загнать нас в такие безлюдные места, где холод делает нас видимыми, как на ладони. Какое счастье, что даже в бескрайних сибирских просторах ходят поезда...

— Уже уральских, не сибирских, — дверь купе отъехала в сторону. Давешняя барышня в розовом заглянула вовнутрь. — Три часа до бывшей работы мальчика Е. У него отличный офис. Даже есть гигантский храм на холме на случай апокалипсиса. И недостроенная телебашня. Спорим, к ней привязаны сотни историй, падений и подвигов?

— Знакомься. Это Рая. Полжизни работала на пляже, поэтому абсолютно не знает, как прилично одеваться на людях, которые не горячие южные парни.

Антон молча протянул ладонь для приветствия. Ему хотелось противоречивых вещей — то ли заснуть, то ли наконец проснуться. Ни то, ни другое не происходило — видимо, из-за неопределённости в желаниях.

— Скажи, ты в столице на какой ветке метро жить будешь? — спросила Мира. — Хотя глупо спрашивать. Если я чувствую, что ты едешь ко мне жить,

то должна, по идее, знать, что квартира будет... хм... в Новых Черемушках. Поэтому возьми калужско-рижскую. На счастье.

Она щелкнула неизвестно откуда взявшимися ножницами и положила Антону на колени прядь своих волос. Ярко-оранжевого цвета, с неровными узелками. Улыбнулась, помахала на прощание и вслед за своими друзьями выпрыгнула в окно. В окно??!

* * *

— Мужчина, вы с ума сошли, в минус тридцать окно распахивать? — проводник укоризненно заглядывал в дверь. — Сквозняк по всему вагону. Пассажиры с маленькими детьми жалуются.

— Я сейчас всё закрою, — Антон потянул раму вверх. Обернулся, подумал секунду и медленно спросил:

— Скажите, а как зовут проводницу соседнего вагона?

— Елена. Или Тамара... А что?

— Ничего, — Антон неловко улыбнулся и полез к себе на полку. Свернул гнездо из одеяла, как в детстве, и сунул под подушку кулак с оранжевой линейкой метро.

*Они бродят по Земле и ищут глупые истории, нелепые совпадения и неловкости. Одним словом — тепла. Недополученного у своих детей. Потому что в какой-то миг сердцам городов захотелось свободы. В чем-то они виноваты. Может, они и хотят вернуться. Наверняка хотят. Но в ясные ночи, когда небо очищается от облаков, они задирают головы вверх — и смотрят, смотрят, смотрят... На мёртвую красную планету, к бродячим городам которой однажды вызвали инспектора, который остановил их всех. Привязал к своим стенам и убил. Экстренно. **УС***

Цветок Папоротника

За стеклом пробежала тёмная, косматая тень. Аж когтями в землю вгрызается — как торопится-то, прохвост. Уж пятый десяток этому Федорычу, шерстью оброс весь, человека-то от радиации и не осталось — а все туда же, на Охоту. Жить хочет, зараза.

Дед Афанасий-то сам не страшный еще. Нормальный такой с виду. А на охоту идет.

Жалуется, говорит — внутри распирает. Кости растут, кожу тянут. Перед малым раздевался, тыкал себя в разные места — а малой не признаёт.

Дед Афанасий выглянул в грязное окошко, покосился на соседний двор. Так и есть — Федорыч фонарик мастерит. Готовится. Нехорошо.

Екатерина Конон

Родилась в 1988 году в городе Смоленск. Сразу после рождения с родителями переехала в Германию, затем вернулась в Россию, где и живёт до сих пор. Пишет столько, сколько себя помнит. Два года держала первое место на городских литературных конкурсах, выпускала собственную газету-листовку и журнал. В институте написала пьесу «Мир, сошедший с ума», которую позже взял на обработку театр из Новосибирска и занял с ней первое место на Всероссийском конкурсе «Радуга». В это же время была опубликована пара рассказов в городской газете «Самостоянье», а рассказ «Акико» занял третье место на одном из местных конкурсов. Затем в творчестве случился перерыв по личным причинам. Рассказ «Цветок Папоротника» — первый «получившийся» после долгого «молчания» автора, стал победителем на конкурсе фантастики, проводимом порталом «Fantasts.ru».

Он бы и дальше посмотрел — да что из окна-то грязного увидишь?

Да и стена закрывает, не даёт.

Раньше вот как было — асфальтик, дорожка, дома высокие. Тро-ту-а-ры.

Всё рухнуло, было — да сплыло. А стена — старая карга из красного кирпича — осталась. Жить, правда, всё равно в ней никто не решался — травы красной больно много. И года не протянешь...

Так что стоит она себе — и вид загорает. А посмотреть, как там остальные готовятся — надо.

— Сиди тут, я пройдусь пойду, — прикрикнул дед на младшенького и быстро выскочил за дверь.

Мальчишка только и успел вдогонку крикнуть: «Возьмёшь меня на охоту?».

«Щас тебе, губа не дура», — подумал про себя дед, осматривая улицу. Как есть, вся деревня собиралась на Охоту. Федорыч метался от сарая к домику — всё доски трухлявые таскал — на черта ему эти доски? Лучше б шерсть свою подстриг — на человека уже не похож. Хотя черт его знает, что там под шерстью его. Радиация — она ж не жалеет. Вон Оглоед уже не Оглоед, а стрекоза какая-то. Глаза выпученные, красные. Внучка, правда, красивая у Оглоеда. Анька — в синей юбке, ноги белые, волосы длинные, смеётся — зубы слепят. Как будто не берёт её ничего.

То-то его Митька с неё глаз не сводит. Ну да и пусть. Он тоже нормальный вполне. Лапы, правда, пятидесятого размера — ну да это мелочи. Ладный жених. Нечего ему за Папоротником соваться.

Ведь за Цветком только отчаянный полезет, в лес-то. Там Новые злобствуют, болота, цветы хищные. Верная смерть. А если от Нового удирать придется? Одного-двух убьёшь, а когда их много нападёт — тут только одно останется. Побежишь, дороги разбирать не будешь. Ну и ступишь, куда не надо. Или цветок какой заденешь, так там и останешься.

Или того хуже — в болото провалишься. Тут уже вылезешь — нет, одна суть — конец тебе. Радиации сразу плюс сто — и сам среди Новых зверем забегаешь.

Это Афанасий точно знал. Горько знал. С детства дружил с мальчонкой одним, Лаврентием. А на восемнадцать лет попал мальчишка в озеро. Ну, по малости-то лет выжил, конечно, да только где ходил — дорожку мокрую оставлял. Прямо из головы вода лезла. И все от солнца норовил

с тех пор. Чуть что не так — юрк в холодильник, в тёмный уголок. Ну, благо, Афанасий с ним поговорил. Объяснил, мол, день к вечеру — к смерти ближе: свои же и пристрелят, как обратится. За Цветком надо идти.

Да только вот не вернулся Лаврентий. А на следующий год охотники сказывали — самый страшный из Новых появился — водяной. Ему плюнуть — и радиации как в Синем озере искупаться. Плюс восемьдесят, не меньше.

Афанасий уже не первый год ходил на Охоту — цветов-то на весь лес штуки три в году появляется. И сожрать же надо успеть — а то охотников много, а честь — это штука хорошая, да только не когда у тебя жабры растут. Того и гляди — тебя заместо цветка улопают.

Так что прошёлся он по деревне — где молоток плохо лежит — скинул аккуратненько. Пускай задержатся, нечего за день до Охоты снаряжение разбрасывать.

Мимо Федорыча проходил тише мыши, да не помогло — окликнул зверь:

— С-с-слышь, ты, а Жаркий уже вчера в лес-с ушел, — и шипит, шипит, слова с трудом выталкивает.

«Коли не найдет Цветка — конец ему в этом году. Жалко, конечно, но тут уже каждый сам за себя», — подумалось Афанасию. А сам он с беспечным видом облокотился на подкошенную калитку:

— Да ну? Голод не тетка, значит... обратился, видать, весь. Спасения ищет. Да только не найдет он Цветка — рано еще.

Федорыч молча головой подергал — кивает, значит, и добавил:

— Сволочи. Фонарик на днях стащили. Оставил у двери на пару минут — и нет его. Не видел, кто?

— Так не зевай, сам же знаешь, что охота, — отвернулся Афанасий, — да если б и видел — не сказал бы. С волками жить — так и выть по-волчьи, — добавил он, косясь на старого друга.

И пошел домой.

А сердце-то бьётся, бьётся подлое. Стыдно. За что ж тут стыдно — Федорыч со своей мутацией теперь быстрее всех будет. Да и фонарик он все равно новый сделал.

И все-таки билось предательски сердце, билось так, что в ребра отдавало, как вспомнит про остатки фонарика этого в печке.

Охнул Афанасий, пощупал ребра — так и есть, растут. Скоро порвут его живьём — тут даже не в Нового, тут попросту мертвым окажешься. Так что прости, Федорыч.

Так и зашел Афанасий. Забрался на печку, шыкнул на малого:

— Завтра на охоту пойду. Дней пять не будет. За Анкой приглядывай, к Синему озеру даже не приближайся. Воды из колодца набери про запас. Ну и это, — тут он горло прочистил, смущаясь, — мышей не ешь. Последнее это дело.

Малой так и не ответил — злится, значит.

А ведь дурь, дурь одна в башке. Ведь даже не себе — Анке Цветок хочет. Гордая она больно, что ни чешуи, ни когтей. Будто и нету на неё радиации вовсе. Правда, подозревал Афанасий, что глазищи ее такие синие неспроста. Вот и хочет этот дурень Папоротник ей добыть — чтоб, если вдруг хвост вырастет какой, она цветок — ам, зубками своими белыми, — и снова красавица.

Ей — красавица, а Афанасию — ещё пару лет, и не видать Охоты.

С этой мыслью он и собрался. Всё, как положено — спички, батарейки запасные, фонарик... а топор-то где!?

— Федорыч забегал вчера. Привет велел передавать, — устало протянул малой.

Афанасий аж захлебнулся — вот ведь правду говаривали, что у местных не душа — смола. Перед самой Охотой так ограбить!

— Да чтоб его! Засранцу и чужое добро да впрок пошло! Как ты топор-то отдал!?

Малой поднял глаза, посмотрел на деда — как водой из Синего окатил. Спихнулся дед. Ну да. А как тут не отдать... чудищу-то такому.

А малец тем временем неспешно сполз с лавки, залез в печку и вытащил сверток. А как развернул — деревом пахнуло.

— Родненький... — прошептал Афанасий, прижимая к себе новым топором инструмент.

— Сам сделал, — усмехнулся мальчишка как-то повзрослому, — на следующий год бери с собой.

Афанасий гордо потрепал внука и, крякнув, отправился. Пора уж, а то другие ещё обгонят.

Поначалу легко идти было. Не тропинка — дорога. Благо, что вырубали всей деревней. Ни тебе Новых, ни Адового подсолнуха — благодать одним словом. Шли все вместе, балагурили. Вот уж и стеночка позади заалела — как День тот настал, она будто обновилась вся. С тех пор красный у неё — особенный. Разве что не сияет.

— Хороший нынче год, — пропел один из местных и вальяжно припустил вперёд.

— Лиха беда начало, — тихо отозвался Афанасий. Вот этот-то, что первым вылез — первым и погибнет. Нельзя к Лесу так...

И точно, как к Лесу подошли — улыбки и послетапли. Кое-то уж и заозирался с тоской на кусочек алый позади — как маячок. Дом — там. А впереди — лес, чаща. Какая уж там дорога — тропинок нет. Бреди каждый своим путём, живи, как хошь.

И каждый сам за себя. Старое правило. Действенное. Еще до Дня, когда не было ни красной травы, ни Адовых подсолнухов, не подводило.

Ох, тяжело пошла трава. Высокая, густая. И синет, синет, зараза. Тут бы коса пригодилась, а не топор. Афанасий осторожно продвигался вперед. Вот и красными пошла.

В деревне-то, у колодца, еще зелёная была, родная. А красную обходить надо — это Афанасий еще с прошлого раза помнил. Митька на такую наступил — так ноги волдырями и покрылись. А потом и весь обратился.

Афанасий продвигался медленно, но к ночи уже середины Леса достиг. Остались еще силы у старика, значит. Хотя Федорыч косматый уже, верно, с обратной стороны леса рыщет. Ему и Новые нипочем, с его-то когтями. А у Афанасия только и надежды, что на топор.

Старик облюбывал дерево и прикорнул возле. Ночью и Новые спят, и Адовые подсолнухи не бродят — им солнце нужно, чтоб корни свои туда-сюда таскать. Иначе —дохнут.

Проснулся он с первыми лучами. Солнышко ласковое — лучами по щеке проведёт — любой улыбнется. Даже в самой чаше.

Да только запах, запах-то какой. Афанасий обернулся растерянно — нет, никто не ползет, не летит, не подкрадывается незаметно.

А вонь все-таки страшная стоит. И не слышал же никогда о таком. А неизвестность-то пугает сильнее, чем самые чёрные истории, пробирает до самых костей. А те и так торчат уже до боли, кожу тянут, наружу лезут. Цветок нужен, никак тут без Цветка.

Отряхнулся старик, поднялся... и пошел. Синий — хорошо, красный — обойти, чуть где шорох какой почудится — сразу замереть. Ветра-то давно нет. Буд-

то бы и не было никогда, сгинул он вместе с жизнью нормальной. Потому каждый шорох еще страшнее.

Весь день бродил Афанасий — и все зазря. Нет цветка.

Последняя ночевка оставалась — последняя надежда. Бывалые говорили, что Цветок Папоротника днем-то шансов немного разглядеть — цветок как цветок. Обычный такой, как все привыкли. А вот ночью загорится — тогда проще будет.

Ну и пускай. Что ему в пятьдесят годов сутки не вздремнуть, коли жизнь на кону.

Вонь только новая пугала его до дрожи. Не было её. Сколько лет в Лес ходил — не было.

Покряхтел, покряхтел Афанасий... и уснул. Взяли всё-таки своё годы проклятые. Вот бы мутацию такую, чтоб не спать. Или другую полезную... как у Федорыча.

В нос ударил страшной силы запах. Да и отвратительный какой — ни с чем не сравнить даже. «Да пропади ты пропадом», — ругнулся Афанасий и глаза открыл.

И сел.

Прямо перед его носом цветок струился. Листья зелёные, яркие, а посередине, на длинном тонком стебле цветок. Как жидкий огонь льётся.

А рядом птица странная. Да что там странная — светится же. Огонёчки алые с золотом по пёрышкам перебегают — красота.

А смотрит недружелюбно. На цветок косится.

Глянул Афанасий — а цветок-то и не цветок вовсе. Стебель прямо из яйца треснувшего тянется.

Застыл дед.

А птица дивная каркнула — и взмахнула вверх. К Стене полетела.

И на месте, где сидела еще яйцо. И прямо на глазах у Афанасия трещит оно, и трещинка малень-

кая ползет-ползет, выше да выше, и цветок из неё — р-раз!

Молодой еще. И пахнет как!

«Да быть такого не может!» — охнул дед, приближаясь к цветку. Что ж охотнички-то не говорили, как радость эта воняет!

Верно, секретец про запас берегли. Да по сравнению с Фениксом какой уж это теперь секрет.

Каждый сам за себя. «И то верно», — подумалось старику. Ведь и он не скажет. Ей-ей, ему, может, ещё десяток лет таким махом протянуть удастся. И схватил тот цветок, что постарше.

Нос зажать — и жевать, жевать это влажное пламя. Жевать и глотать, и не дышать, Господи, только ж не дышать — задохнуться можно от этой вони!

Жевать, жевать, жевать. И чувствовать, как косточки, родимые, обратно по чуть-чуть, не спеша так, ползут. И дышать уже вроде не больно...

«Ох, спасибо, спасибо, родненький», — прочавкал Афанасий. И жадно усталился на второй цветок.

Сейчас съесть или оставить? Слышал он, что цветы эти долго живут. Да и не цветы это вовсе.

А если припрет, на следующий год — вдруг с малым что случится?

«Каждый сам за себя, конечно. Это да» — подумал Афанасий и посмотрел на свой топор новенький. Малец сам вырезал, и ведь в секрете от всех хранил, знал порядки деревни перед Охотой.

Каждый сам за себя. А малец все-таки золотой у него. Повезёт ли ему это чудо самому лег через пять найти?

Прокатилось пламя огненное по лезвию, и упал Цветок Папоротника на землю. А сиять не перестал. Значит, взаправду охотники болтали.

Сунул аккуратно Афанасий огонек в рюкзак и побрел домой. А обратная дорога — куда уж легче! И кости не рвутся сквозь кожу, и все еще

чувствует, как тело обратный ход дает. Главное ж — не улыбаться. Прознают — позавидуют. А так может, и не заметят, что повезло старику. У него ж не чешуя какая на морде, а кости. Кто про его кости старые допытываться будет?

Афанасий еще как к окраине подходил — уже видел — нет дома пацана. Их домишко на отшибе, света нет. А темнеет уж...

Пустая хата. С цветком-то в жилах старик куда быстрее дошел, ясное дело — не ждали. А он вот удивит.

Ох, ну и получит же паршивец тумачков. Топор топором, а деда дома ждать было велено.

Посидел Афанасий на печке а косточки не ноют — поют! И дышать легко, и побродить охота — даром что в лесу столько дней провёл.

— Ай, ну и пройдуся, — махнул с печки дед.

Вышел во двор — а свои-то искоса смотрят, сторонятся. Будто не свои — чужие.

И Федорыча нет.

— А Федорыч-то где? — подловил Афанасий одну из баб. Глупая баба задрожала, соплиу утёрла и крикнула вдруг:

— А не вернулся еще! Не знаю я, что мне за чужими приглядывать?!

Вырвалась и убежала.

А действительно — что ей за чужими приглядывать, за взрослыми-то...

Замерло сердце у Афанасия.

За взрослых не верещала бы так.

Анны нет. Малого нет.

И бухнуло сердце — аж в пятки, а в ушах громом отдавало.

— Где!? Где мальчика дели!? — взревел старик.

Молчат все — боятся. А раз молчат и здесь кучкуются — значит, всё. Что-то произошло уже, нехорошее, непоправимое.

Раз — слеза по щеке побежала.

Два — еще одна обожгла.

Афанасий утерся быстро, ненужные слезы смахнул: «Уйдите, глупые, не до вас сейчас».

Смотрит — Аннин раритет разбит. Зеркало ейное. Одно на деревню было.

Неспроста.

— Неужто? — проговорил дед и на зеркало разбитое указал взглядом. Один из мужиков и кивнул в ответ:

— На следующий день как ушли. Страшная стала — чертей лучше малюют.

— И куда?

— В Синее Озеро.

— И мой за ней!?

Уж не помнил Афанасий, чтобы мчался так. Зелёное, синее, красное — куда там траву разглядывать — бежать! Бежать к Синему Озеру, подхватывать малого, к груди прижать — живой, живой!

— Лазил в воду?! Отвечай, чертов сын! — гаркнул Афанасий, а сам чувствует — нет, сухая одежда у мальчонки.

— Веревкой вытащил, — хмуро отозвался малой. А на самом лица нет.

Оно и понятно. Анна синеокая, Анна-красавица, что ж ты с собой сделала-то?

Теперь не то что синие — где они вообще, глаза-то её распрекрасные?

— Нашел ты лекарство своё, дед? — бесцветным голосом спросил малой. В глазах — ни слезинки, на руках — девчонка едва дышит. Чем дышит-то? Ни носа на лице не разобрать, ни рта.

Дышит еще. На свою беду, дурочка. Ей бы теперь умереть лучше.

Да разве ж малому объяснишь?

Вспомнил дед про цветок в рюкзаке, да промолчал.

Каждый сам за себя.

— А воняет-то чем от тебя, дед? — глухо донеслось до Афанасия, как будто вовсе и не внук спрашивает.

Пригляделся Афанасий — ну точно. И он, кровь родная, вслед за ней в озеро пойдёт. Как сгинет Анна — так и зачахнет. У них на деревне же никто ей и в подметки не годился, синеглазке-волшебнице.

— А пела-то как... — вырвалось у Афанасия, и он отвернулся к озеру, чтоб слезы скрыть.

Отвернулся — и в гладь взглянул. Не любил он Синее Озеро, да и что в него смотреться-то.

А тут посмотрел.

И увидел все как есть: девка молодая, парень — родная кровь. И жадный, ох какой жадный старик.

Каждый сам за себя, конечно. Это да. Каждый...

— Эх, жизнь моя на добрые дела, — пробормотал дед, доставая Цветок.

Днем-то свечение не такое уж яркое. А вонь все равно нестерпимая.

Краем глаза заметил Афанасий, как глаза у малого загорелись. И рот разинул, дуралей.

— Чего застыл? Открывай рот пустоголовой своей да запихивай! Вооот. А теперь жуй, жуй, дура, — гаркнул он на ошалевшую Анну, — живая же, вижу. Жуй, может, и будешь синеокой опять.

Сил не было у девчонки. Пришлось самому чюлости ей двигать.

— Ну глотни хоть, дрянь, знаю, но глотни ж. Подарок на свадьбу вам, — приговаривал Афанасий, смахивая горячие слезы...

Не звери ж они, честное слово, чтоб вот каждый сам за себя... **✠**

Нанобум

1

Послания. Послания в чужом мире. Враждебном мире. Письма. Звонки. Слова, что не один. Что есть кто-то, как ты — чужак, история, пережиток прошлого в мире будущего... Джонатан Вудворт услышал этот глас, когда ему было 35. Даже не глас — крик. Крик о помощи. В телефонных звонках, письмах, снах... Особенно в снах, потому что в последние годы Вудворт не видел снов. Таблетки, которые ему давали, обещали полное исцеление, обещали, что он станет частью общества, системы, но... но таблетки не помогли...

2

Вудворт вздрогнул, услышав звон старого телефона. Определитель номера показал

Виталий Вавикин

Родился 22 марта 1982 года в городе Максатиха, живет в Кашине. Прозу и стихи начал писать с восьми лет. В 2001 году окончил техникум. Сейчас учится на последнем курсе в МЭСИ. Работает программистом, но основной работой считает авторскую деятельность. Поменял несколько профессий (юрист, кадровая служба, инженер) и общался с людьми разного уровня, чтобы лучше прочувствовать то, о чем пишет. В 2004 году женился на доброй и любящей девушке Елене. Надеется, что в ближайшем будущем, читая его книги, люди смогут отвлечься и отдохнуть от повседневной суеты. А кто-то сможет почерпнуть из них что-нибудь для себя, то, что поможет что-то осознать или принять сложные решения.

незнакомый набор цифр — не мать и не Джейн, значит...

— Что, чёрт возьми, это значит?! — проворчал Вудворт.

За окном медленно плыл рекламный блок, посылая сигналы в заполненные нано-технологиями сознания. Несколько раз Джейн пыталась объяснить Вудворту, как это происходит, и теперь, наблюдая за парящим в воздухе рекламным блоком, он пытался представить, что сейчас происходило бы у него в голове, если бы он был таким же, как и все. Связь, телевидение, литература, искусство, обучение — всё в голове, всё в твоём теле. Нано-инъекции заполняют кровь микро-механизмами, которые тесно взаимодей-

ствуют с нервной системой. Информация передаётся в мозг, минуя органы чувств, — слепцы становятся зрячими, глухие могут слышать, общаться, языковые барьеры стёрты, потому что переводчики имплантированы прямо в мозг.

3

Телефон снова зазвонил. Телефон, которого скоро не станет. Связь, которой не станет. Так сказала Джейн, обещая писать в этом случае письма. Родители тоже обещали. «Пройдёт ещё пара столетий, и люди не только откажутся от писем, но и писать разучатся», — подумал Вудворт, снял трубку, прижал к уху, прислушался к треску. «Может быть, это какой-то сбой на станции?» — подумал он, но трубку повесить так и не смог. Сердце вздрагивало, билось сильнее.

Ни работы, ни семьи, ни отношений. Несколько раз, бродя по неприветливым, заполненным нано-технологиями улицам, Вудворт видел, как отправляют в утиль роботов слуг, которым невозможно было установить дополнительный нано-блок. «Может быть, меня тоже когда-нибудь так утилизируют?» — думал он, спешно уходя прочь. Перед глазами мелькали лица родителей. Конечно, они жалели его, конечно, переживали, но... но если бы у них был хоть один шанс получить нормального ребёнка, то они, несомненно, воспользовались бы этим — завели ребёнка, которого можно отправить в нормальную школу, выучить его, видеть, как у него рождаются дети, а так...

Вудворт выругался, пытаясь прогнать назойливые мысли о самоубийстве.

— Да я и так уже мёртв! Мёртв с самого рождения. Мёртв для этого мира.

4

— Алло? — тихо спросил Вудворт, услышал щелчок, гудки, выругался, бросил трубку, вернулся к окну, за которым появился новый рекламный блок, который он не мог понять, впрочем, как и всё остальное в этом мире. Вудворт резко обернулся, словно услышал новый звонок, снова тихо выругался, начал одеваться, сам не особенно понимая, куда идёт, спустился по лестнице, вышел на улицу, убеждая себя, что собирается просто отправить пару писем — одно родителям, другое Джейн.

«Какого чёрта она продолжает общаться со мной?!» — появилась в голове новая мысль. Конечно, они знали друг друга с детства, но... но Джейн ведь была нормальной! Вудворт даже всплеснул руками, не в силах найти ответ на этот вопрос. У Джейн была работа, отношения. Когда-нибудь, несомненно, у неё появятся дети.

— Надеюсь, нормальные. Не такие, как я.

Вудворт открыл почтовый ящик, достал три письма — запоздалые ответы. Одно от родителей. Одно от Джейн. Одно от...

— Что это, чёрт возьми? — проворчал Вудворт, убирая письма от знакомых в карман. — Ещё одна ошибка, как и телефонный звонок?

5

Он не знал, почему пришёл в парк, чтобы прочитать письмо. Прохожих почти не было, лишь на соседней скамейке сидела парочка подростков да где-то далеко старик. Вудворт слышал его голос — старик говорил не то с дочерью, не то с внучкой. Говорил по нано-связи. Парочка рядом молчала, не двигалась, они даже не смо-

трели друг на друга, лишь изредка вздрагивали их губы. Вудворт невольно попытался представить, где они сейчас — в какой реальности этого странного мира? И этот поцелуй... о том, что это поцелуй, ему тоже объяснила Джейн... этот поцелуй, какой он? А чувства? Две инъекции за двенадцать условных единиц, и ты уже там, где ты хочешь быть, с тем, с кем ты хочешь быть.

«Конечно, мир стал чище, безопаснее, но...» — Вудворт снова покосился на влюблённую пару, вспомнил о письме, открыл конверт, убеждая себя, что это просто очередная ошибка и не стоит даже надеяться...

Конверт был пуст.

— Значит, ошибка...

6

— Или нано-реклама, — сказала ему по телефону Джейн. — Просто ты не смог это понять.

— Понятно... — протянул Вудворт.

Джейн спешно извинилась, что-то начала говорить о возможных вариантах работы.

— Хочешь, чтобы я работал рядом со старыми моделями роботов? — растерянно спросил Вудворт.

— Ну, ты же сам говорил, что хочешь приносить пользу. Я понимаю, пособия тебе хватает, но...

Вудворт увидел звонок по второй линии, извинился.

— Ну ладно, — вздохнула Джейн. — Поговори со своими родителями.

Вудворт попрощался с ней, стараясь не замечать усталости в её голосе.

— Ты там? — спросила его женщина на другом конце провода.

— Я?

Вудворт почувствовал, как замерло сердце, посмотрел на номер — чужой, незнакомый.

7

Надежда. Вудворт ехал на встречу с Хелен, впервые в жизни строя планы на будущее. Голос женщины ему нравился. Он пытался представить себе, как она выглядит — ещё один такой же отчаявшийся, выброшенный за борт мира человек. Конечно, они теперь будут вместе. Конечно, у них должны найтись общие интересы. Вудворт вспомнил пару на скамейке в парке, которую видел недавно. Может быть, у них с этой отверженной женщиной сможет получиться нечто подобное? Только без инъекции нано-машин за двенадцать условных единиц. И дети... Почему у них не может быть детей? Таких же, как и они — без нанотехнологий... Вудворт почувствовал, как в груди появилось что-то холодное, неприятное. «Нет, дети у них должны быть самые нормальные», — решил он, откинулся на спинку сиденья такси и закрыл глаза.

8

Дом стоял на последней улице города. Старый дом. Таким же старым в этом новом мире чувствовал себя Вудворт. Расплатившись с водителем, он долго стоял на улице, разглядывая дом, затем осторожно поднялся на крыльцо, постучал. Дверь открыл робот устаревшей модели.

— Мне нужна Хелен, — сказал Вудворт, невольно начиная улыбаться.

— Это я, — сказал робот и осторожно улыбнулся в ответ...

По всем вопросам обращаться
в оргкомитет фестиваля:

Телефоны: +7 (912) 289-90-75, +7 (343) 354-57-38

ICQ: 50062954

Skype: badolingo

E-mail: writer@k66.ru

XXX

Европейско-Азиатский фестиваль фантастики

«Аэлита»

XXX-й Международный Европейско-Азиатский фестиваль фантастики «Аэлита» пройдёт с 22 по 25 мая 2013 года в Екатеринбурге. Фестиваль «Аэлита» является одним из крупнейших культурных событий региона с богатыми традициями и историей. Фестиваль «Аэлита» первым из российских конвентов фантастики был включён в список мировых встреч фантастов, формируемый американским справочником «Fandom Directory».

Лауреатами главной премии фестиваля в разные годы становились такие признанные советские и российские писатели, как братья Аркадий и Борис Стругацкие, Владислав Крапивин, Кир Булычѳв, Сергей Лукьяненко, Василий Головачѳв и многие другие. С 2006 года на фестивале вручается премия для зарубежных фантастов — «The Great Master of Sci-Fi&Fantasy». Еѳ уже были удостоены такие мировые мастера жанра как Алан Дин Фостер (США), Кристофер Прист (Великобритания), Майкл Свонвик (США).

Фестиваль «Аэлита» в 2013 году проходит при участии Министерства культуры Свердловской области и Свердловской областной библиотеки для детей и юношества. Традиционно в числе партнѳров фестиваля Администрация города Екатеринбурга и Управление культуры города, Муниципальное бюджетное учреждение «Столица Урала», Уральский Федеральный университет, компания «Красный мамонт» и гостиница «Большой Урал». Сотрудничают с фестивалем и новые партнѳры — филиал ЗАО «Энвижн Груп» Энвижн-Урал и компания «Уткина заводь».

В настоящее время Всероссийским жюри уже определены лауреаты двух самых «возрастных» по времени своего существования премий фестиваля — главной литературной премии «Аэлита» (вручается за выдающий-

ся вклад в развитие русскоязычной фантастики) и мемориальной премии им. И. А. Ефремова (вручается за выдающуюся редакторскую, организаторскую и просветительскую работу в области фантастики). Обе эти премии не могут быть вручены повторно. В 2013 году лауреатом премии «Аэлита» стал известный писатель Роман Злотников (г. Обнинск), а лауреатом премии им. И. А. Ефремова — Андрей Ермолаев (Санкт-Петербург).

Лауреаты остальных премий фестиваля определяются голосованием участников фестиваля, а также по решению оргкомитета, которое озвучивается на самом мероприятии.

Помимо вручения традиционных премий фестиваля, ожидается приезд иностранного гостя — итальянского писателя Роберто Квалья, являющегося также вице-президентом Европейского научно-фантастического общества (ESFS). В числе почѳтных гостей фестиваля также один из крупнейших российских фантастов — Василий Головачѳв.

В предварительную программу фестиваля включены семинары и круглые столы по актуальным проблемам фантастики, встречи с почѳтными гостями фестиваля, финал Конкурса Короткого Рассказа, проводимого среди молодых авторов, конкурс «Рассказ за 100 минут», презентации книг электронного издательства «Аэлита» и нового сборника фантастики «Аэлита/009», представление нового фестиваля-конкурса «Аэлита-Юниор» для авторов-школьников, видеомост с московскими писателями и издателями, демонстрация фантастического фильма «Запрещѳнная реальность» (по роману Василия Головачѳва «Смерш-2»), турниры по настольным карточным играм и другие мероприятия.